

15

В 89

Проф. В. Вундтъ.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПСИХОЛОГИЮ.

== 2083

2/1/21
5/1/21

Переводъ съ нѣмецкаго А. Кона
подъ редакціей
и съ предисловіемъ
проф. Н. Н. Ляйге.

Цѣна 60 коп.

Издательство А. Копельмана и Навроцкаго
Одесса.

Проф. В. ВУНДТЪ.

Памяти 5-лѣтней годовщины со
дня смерти А. Н. Малетого.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

Библиотечный штамп:
СТУДЕНТОВЪ-МЕДИКОВЪ
№ 2083
Одесского Университета

Переводъ съ нѣмецкаго А. К-на

подъ редакціей
и съ предисловіемъ

проф. Н. Н. Ланге.

2012

Одессійскій Университетъ
БИБЛІОТЕКА
СТУДЕНТОВЪ
МЕДИКОВЪ

Книжный магазинъ
"ОДЕССІЯ НОВОСТИ"
библіотечна для чтенія
Влад. Я. Я. Ивасенко.
ОДЕССА
БЕРГАСОВСКАЯ, 20. — ТЕЛЕФ. 24-29.

1972 1952 г.

Изданіе А. Копельмана и Навроцкаго.

Одесса, 1912.

ИНВЕНТАР
№ 3223

Б11
21

15.

Типо-Литографія Я. Хасилева. Одесса, Пушкинская, 34

ПЕРЕБОРКА

Складъ изданія въ магазинѣ „ОДЕССКИХЪ НОВОСТЕЙ“, Одесса, Дерибасовская 20.

МОИ СЕБЯ ПОМИНАЕТЪ ТОВАРИЩАМЪ
ЧТО ОНИ ОТВѢЧАЮТЪ ЗА ПОРЧУ И
ПОВРЕЖДЕНІЕ КНИГЪ И ПЕРЕПДЕТОВЪ.

Предисловіе автора.

Предлагаемое введеніе въ психологію не имѣетъ цѣлью излагать естественно-научныя или философскія предпосылки психологіи. Задача этой книжки—служить введеніемъ въ основныя мысли экспериментальной психологіи настоящаго времени, оставляя въ сторонѣ факты и методы, необходимыя для болѣе основательнаго ея изученія. Конечно, и такое введеніе не можетъ въ настоящее время обойтись безъ фактовъ и экспериментальнаго метода. Но для того, чтобы понять главныя мысли новой психологіи, достаточно сравнительно немногихъ основныхъ данныхъ, а чтобы получить представленіе о методахъ этой психологіи, для этого хотя нужны эксперименты, но можно обойтись безъ всякихъ сложныхъ инструментовъ, необходимыхъ при изслѣдованіяхъ. Читателю, ищущему болѣе подробно изложенія новой психологіи, я могу указать на мой «Очеркъ психологіи», который содержитъ также и неприводимыя здѣсь литературныя указанія, важныя при подробномъ изученіи*).

В. Вухдтъ.

Лейпцигъ, 1911.

*) Книга имѣется въ русскомъ переводѣ.

Предисловіе къ русскому переводу.

Въ исторіи научныхъ теорій, особенно когда онѣ развивались ихъ авторами въ теченіи довшихъ лѣтъ, мы часто находимъ три послѣдовательныхъ стадіи. Сначала является, въ видѣ какъ-бы зародыша, счастливая исходная догадка, мысль о новомъ методѣ или приѣмѣ, нѣкоторое небольшое еще число новыхъ фактовъ. Затѣмъ начинается доліи и важный періодъ роста новой теоріи, она ассимилируетъ все новыя группы фактовъ, ведетъ къ новымъ открытіямъ и сама измѣняется и приспосабливается къ нимъ. Наконецъ, въ третьей фазѣ, эта теорія является въ рукахъ ея автора цѣльной системою, разработанною и развитою, получившею законченныи и, такъ сказать, замкнутый видъ— „*Totus, teres atque rotundus*“. Въ этой стадіи теорія, ставшая системою, обыкновенно утрачиваетъ способность дальнѣйшаго развитія, но необыкновенно вышрываетъ въ смыслѣ согласованности своихъ частей, ихъ прилаженности другъ къ другу, глубины развитія основной мысли, ея всеобъемлющаго проведенія. Теорія стала художественнымъ научнымъ цѣлымъ.

Такой именно путь прошли, какъ извѣстно, психологическія теоріи знаменитаго представителя современной психологіи, В. Вундта. Начавъ съ плодотворныхъ и достопамятныхъ для исторіи нашей науки соображеній, методовъ и теорій, изложенныхъ имъ въ первомъ изданіи его „Основъ физиологической психологіи“, вышедшемъ въ 1874 г., В. Вундтъ въ теченіи трехъ десятилѣтій въ огромномъ рядѣ спеціальныхъ экспериментальныхъ работъ, произведенныхъ подъ его руководствомъ

въ Лейпцигской психологической лабораторіи, и въ об-
щихъ своихъ трудахъ, посвященныхъ соціальной психо-
логіи, возвелъ постепенно свою новую систему психо-
логіи. Эта система была, наконецъ, дана имъ въ закон-
ченномъ видѣ въ послѣднихъ изданіяхъ его „Grundzüge
der Psychologie“, она же излагается въ упрощенной формѣ
и въ его послѣднемъ по времени сочиненіи, „Введеніи
въ психологію“, являющемся нынѣ въ русскомъ переводѣ.

На эту книжку надо смотрѣть именно какъ на
изложеніе системы психологіи Вундта въ ея
законченномъ видѣ. Она вовсе не имѣетъ задачи сооб-
щать читателю возможно большее количество фак-
товъ. Она, напротивъ, ограничиваетъ ихъ минимумомъ,
необходимымъ для пониманія „системы“, но зато под-
бираетъ ихъ съ художественною простотою и цѣлесо-
образностью. Почти всѣ опыты ограничиваются раз-
ными приложеніями метронома и нѣсколькими та-
хископическими экспериментами. И тѣмъ не менѣе, на
этихъ опытахъ разясняются всѣ стороны психической
жизни, какъ ее понимаетъ Вундтъ.

Читатель не долженъ искать въ этомъ краткомъ
„Введеніи“ и полную, объективно-эклектическую и
холодно-безпристрастную изложенія всякихъ теорій
современной психологіи, во всемъ разнообразіи ея, часто
враждебныхъ другъ другу направленій. Эта книжка из-
лагаетъ лишь психологическія теоріи Вундтовской шко-
лы въ ихъ окончательной, систематизированной фор-
мулировкѣ. Это ограничиваетъ, въ известномъ смыслѣ,
широту задачи, обращаетъ ее въ введеніе не въ психо-
логію вообще, но именно въ Вундтовскую систему пси-
хологіи. Однако это же придаетъ книжкѣ и особую цѣн-
ность, особый интересъ. Это изложеніе сдѣлано рукою
великаго мастера, главы „школы“, Вундтомъ, безъ ясна-
го пониманія возрѣвнѣй котораго нѣтъ доступа къ совре-
менной психологической наукѣ, такъ какъ онъ одинъ изъ
главныхъ ея строителей.

Въ нашемъ переводѣ мы придерживались, по возможности, установленныхъ предыдущими переводчиками выражений для передачи терминологіи Вундта. Въ частности, три контраста чувствованій (*Lust—Unlust*, *Spannung—Lösung*, *Erregung—Beruhigung*) мы передавали словами: удовольствіе—неудовольствіе, напряженіе—разрѣшеніе, возбужденіе—успокоеніе. Три формы волевыхъ процессовъ (*Triebhandlung*, *Willkührhandlung*, *Wahlhandlung*) переводили: импульсивное дѣйствіе, произвольное и дѣйствіе по выбору. Технические термины ассоціаціи (*Assimilation*, *Komplikation*, *Verschmelzung*, *Erinnerungsassoziation*) выражали словами: ассимиляція, компликація, сліяніе и ассоціація воспоминаній. Наконецъ слова „*Erkennung*“ и „*Wiedererkennung*“, „*Totalgefühl*“ и „*Partialgefühl*“ и „*Gesamtvorstellung*“ переводили „узнаніе“ и „воспризнаніе“, „цѣльное чувствованіе и частичное“ и „цѣльное представленіе“.

Для лучшаго пониманія изложенія Вундта, иногда довольно тяжелою, мы присоединили два дополнительныхъ чертежа—схемы (въ гл. 1-ой и 2-ой) и нѣсколько примѣчаній.

Проф. Н. Н. Ланге.

Правленіе бібліотеки студентовъ
медиц. обш. напоминаетъ товарищамъ,
что они отвѣчаютъ за
присужденіе (или) за работу.

Прагненіе бібліотеки студенто́въ медици́ны напоминаетъ товарищамъ, что они отвѣчаютъ за порчу и поврежденіе книгъ и переплетовъ.

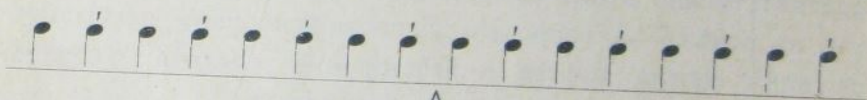
1. Сознаніе и вниманіе.

На вопросъ о задачѣ психологіи, психологи, поскольку они принадлежатъ къ эмпирическому направленію, обыкновенно отвѣчаютъ: эта наука должна изслѣдовать факты сознанія, ихъ связи и отношенія, съ цѣлью открыть въ результатѣ законы, которые управляютъ этими отношеніями.

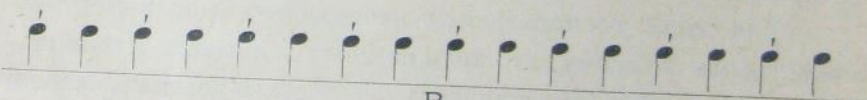
Хотя это опредѣленіе кажется неоспоримымъ, въ немъ есть однако тотъ недостатокъ, что въ сущности оно вращается въ логическомъ кругѣ. Ибо если затѣмъ спросить, что такое сознаніе, содержаніемъ котораго психологія должна заниматься, то отвѣчаютъ: его составляетъ комплексъ тѣхъ фактовъ, которые мы сознаемъ. Но это не должно намъ мѣшать признать приведенное опредѣленіе самымъ простымъ и потому для начала самымъ лучшимъ. Въдѣ всѣмъ предметамъ опыта присуще то, что ихъ невозможно опредѣлить, но можно лишь указать на нихъ, а если они сложнаго характера, то перечислить ихъ свойства. Такое перечисленіе мы, какъ извѣстно, называемъ описаніемъ; соотвѣтственно этому цѣлесообразнѣе всего будетъ, если и мы, въ отвѣтъ на вопросъ о сущности психологіи, постараемся какъ можно точнѣе и всесторонне описать сознаніе, содержаніе котораго психологія изслѣдуетъ.

Для этого воспользуемся небольшимъ инструментомъ, извѣстнымъ каждому, кто хоть немного занимался музыкой — метрономомъ. Онъ представляетъ, въ общихъ чертахъ, часовой механизмъ, съ направленнымъ вверхъ маятникомъ, на которомъ укрѣплена гирька; эту гирьку можно передвигать для того, чтобы удары такта слѣдовали съ большей или меньшей скоростью. Если передвинуть гирьку на верхній

конец маятника¹⁾, то удары будут происходить съ промежутками въ 2 секунды, если же передвинуть гирьку возможно дальше вниз²⁾, промежутки составятъ всего около $\frac{1}{3}$ секунды. Можно такимъ образомъ получить любую скорость такта въ этихъ предѣлахъ. Но не трудно и значительно раздвинуть эти предѣлы, именно: если гирьку совсѣмъ снять съ маятника; тогда нижнимъ предѣломъ будетъ промежутокъ въ $\frac{1}{4}$ секунды. Можно также получить и любые болѣе медленные темпы, если имѣть помощника, который двигалъ бы маятникомъ изъ стороны въ сторону, слѣдя за промежутками по секунднымъ часамъ. Этотъ инструментъ полезенъ не только при обученіи игрѣ и пѣнію; онъ представляетъ также простѣйшій психологическій аппаратъ, притомъ съ такимъ разностороннимъ примѣненіемъ, что позволительно назвать его средствомъ для демонстраціи вообща существеннѣйшаго содержанія психологіи сознанія. Но чтобъ метрономъ могъ удовлетворять такому назначенію, онъ долженъ обладать качествомъ, которое встрѣчается не у всякаго употребляемаго на практикѣ инструмента: тактовые удары должны быть строго одинаковой силы, такъ чтобы и при внимательномъ прислушиваніи разница въ силѣ слѣдующихъ другъ за другомъ ударовъ не была бы замѣтна. Чтобы испробовать инструментъ съ этой стороны, лучше всего произвольно мѣнять *субъективное* удареніе надъ отдѣльными ударами, какъ это изображается въ нижеслѣдующихъ двухъ рядахъ. Въ этой схемѣ отдѣльные удары изображены

A

B

¹⁾ т. е. удлинить маятникъ.

²⁾ т. е. укоротить маятникъ.

нотными знаками, причемъ болѣе сильные удары отмѣчены удареніями. Рядъ А представляетъ такъ назыв. восходящіе такты, рядъ В — нисходящіе. Если оказывается, что въ ударахъ метронома мы по желанію можемъ слышать какъ восходящіе, такъ и нисходящіе такты (А или В), т. е. что одинъ и тотъ же ударъ мы можемъ слышать, то какъ болѣе сильный, то какъ болѣе слабый, то это доказываетъ, что инструментъ годенъ для всѣхъ описываемыхъ ниже психологическихъ экспериментовъ.

Хотя описанный опытъ долженъ былъ служить только для испытанія метронома, но изъ него можно сдѣлать и психологически цѣнный выводъ. А именно: оказывается, что чрезвычайно трудно слышать эти удары, какъ одинаково сильные, иначе говоря—не ритмически. Все впадаетъ или въ восходящіе, или въ нисходящіе такты. Мы можемъ выразить это такъ: *наше сознание устроено физически*. Сомнительно однако, чтобы причина указанного явленія лежала въ специфическомъ, присущемъ только сознанію свойствѣ; оно очевидно стоитъ въ тѣсной связи со всей нашей психо-физической организаціей. Сознаніе устроено ритмически, такъ какъ организмъ вообще ритмически устроенъ. Біенія сердца, напр., дыхательныя движенія, движенія при ходьбѣ, все происходитъ въ правильномъ ритмѣ. Пульсаціи сердца мы въ нормальномъ состояніи не слышимъ, дыхательныя движенія, хотя и слабо, но ощущаются, движенія же при ходьбѣ образуютъ ясно-замѣтный фонъ нашего сознанія. Нашъ аппаратъ для хожденія состоитъ, такъ сказать, изъ естественныхъ маятниковъ, движенія которыхъ слѣдуютъ другъ за другомъ съ правильной періодичностью. Поэтому, когда мы вообще воспринимаемъ съ равными интервалами какія-нибудь впечатлѣнія въ наше сознаніе, то мы вносимъ въ нихъ аналогичную нашимъ собственнымъ внѣшнимъ движеніямъ ритмическую форму, и особенности этого ритма, т. е. восходящіе или нисходящіе такты, также зависятъ, въ извѣстныхъ границахъ, отъ нашего свободнаго выбора, какъ это происходитъ и при хожденіи и его видо-

измѣненіяхъ—бѣгъ, прыганіи и различныхъ формахъ танца. Наше сознаніе не есть какая-нибудь отдѣльная отъ нашего тѣлеснаго и духовнаго существа сущность, а соединеніе или связь содержаній, существенныхъ для духовной стороны нашего существа.

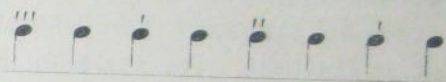
Если измѣнять длину ряда, т. е. число восходящихъ или нисходящихъ тактовъ, то посредствомъ метронома можно сдѣлать еще одно наблюденіе. Въ приведенной выше схемѣ каждый изъ рядовъ А и В содержитъ по 16 отдѣльныхъ ударовъ, или, если соединять повышение съ пониженіемъ, по 8 тактовъ. Если воспроизвести при внимательномъ слушателѣ рядъ такой длины со средней скоростью метронома въ 1—1½ секунды, а затѣмъ послѣ короткой паузы повторить рядъ такой же длины, то равенство обоихъ рядовъ будетъ ему сразу замѣтно. Точно также будетъ тотчасъ замѣчено различіе, если второй рядъ сдѣлать на одинъ тактъ длиннѣе или короче. Будетъ ли это восходящій или нисходящій рядъ—безразлично. Ясно, что такое признаніе тождества послѣдующаго ряда съ предыдущимъ возможно лишь потому, что каждый изъ этихъ рядовъ составлялъ въ сознаніи одно цѣлое, хотя для этого вовсе не требуется, чтобы оба ряда были вмѣстѣ сознаваемы. Это станетъ для насъ совершенно ясно, если вспомнить условія подобнаго же узнанія сложнаго зрительнаго впечатлѣнія. Если посмотрѣть, напр., на правильный шестиугольникъ и затѣмъ, въ слѣдующій моментъ, снова посмотрѣть на ту-же фигуру, мы сейчасъ-же узнаемъ тождество обоихъ впечатлѣній. Но это узнаніе становится невозможнымъ, если, напр., фигура будетъ раздѣлена на отдѣльныя части, и эти части предстанутъ нашему наблюденію по отдѣльности. Каждый рядъ тактовъ долженъ быть въ сознаніи въ видѣ одного цѣлага,—какъ каждый изъ двухъ зрительныхъ образовъ,—для того, чтобы второй рядъ произвелъ на насъ то же впечатлѣніе, что и первый. Разница только въ томъ, что шестиугольникъ воспринимается одновременно во всѣхъ его частяхъ, а рядъ изъ тактовъ получается послѣдовательно. Но именно бла-

годаря этой постепенности образованія, рядъ тактовъ представляетъ то преимущество, что позволяетъ точно опредѣлить предѣлъ прибавленія тактовъ, за который нельзя выйти, если хотятъ, чтобы рядъ еще былъ воспринимаемъ, какъ одно цѣлое. Изъ такихъ опытовъ съ метрономомъ выясняется, что объемъ изъ 16 слѣдующихъ другъ за другомъ ударовъ, съ послѣдовательнымъ повышеніемъ и пониженіемъ (т. наз. тактъ въ $\frac{2}{8}$), образуетъ максимумъ длины ряда, могущаго еще цѣликомъ умѣститься въ сознаниі. Мы можемъ поэтому разсматривать такой рядъ, какъ величину, показывающую *объемъ сознанія* при данныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что эта величина въ извѣстныхъ границахъ независима отъ быстроты, съ какой удары слѣдуютъ другъ за другомъ; соединеніе ихъ въ одно цѣлое становится невозможнымъ только тогда, если, вслѣдствіе слишкомъ медленнаго темпа, вообще не можетъ уже произойти ритмизаціи, или если, вслѣдствіе слишкомъ большой быстроты, простой ритмъ въ $\frac{2}{8}$ больше не приложимъ и стремленіе къ сочетанію образуетъ болѣе сложные ритмы. Первый предѣлъ составляетъ, приблизительно, $2\frac{1}{2}$ секунды, второй — 1 секунду.

Если мы самый большой рядъ тактовъ, могущій при данныхъ условіяхъ быть объединеннымъ въ сознаниі, назвали „объемомъ сознанія“, то, само собой разумѣется, подъ этими словами мы понимали не максимумъ содержанія сознанія вообще, а только предѣльный размѣръ именно для отдѣльнаго сложнаго цѣлаго. Если изобразить сознаніе въ видѣ ограниченной плоскости, то мы измѣряли лишь діаметръ или наибольшій поперечникъ этой плоскости, а не самую плоскость во всемъ ея протяженіи. Въ сознаниі можетъ быть еще и другое, разсѣянное содержаніе, кромѣ измѣряемаго нами. Но его тѣмъ болѣе можно не принимать въ соображеніе, что сознаніе, главнымъ образомъ, направлено на содержаніе, подлежащее измѣренію, и части лежащія внѣ послѣдняго образуютъ неопредѣленно измѣняющееся и обыкновенно игнорируемое содержаніе.

Если объемъ сознанія въ указанномъ смыслѣ при опредѣленномъ размѣрѣ такта, напр., при тактѣ въ $\frac{2}{8}$, является постоянной величиной, не измѣняющейся при различныхъ, но не выходящихъ изъ предѣльныхъ границъ скоростяхъ тактовыхъ ударовъ, то тѣмъ большее влияние на эту величину имѣетъ измѣненіе размѣра самыхъ тактовъ. Такое измѣненіе отчасти зависитъ отъ нашей воли. Мы можемъ въ рядѣ равномерныхъ ударовъ слышать какъ тактъ въ $\frac{2}{8}$, тактъ и болѣе сложный, напр., $\frac{4}{4}$:

Такой тактъ получается, если произвести въ рядѣ звуковъ повышенія различной силы, а именно: наибольшее въ началѣ ряда, среднее въ серединѣ, а слабое въ серединѣ каждой половины такта, какъ то и показано въ нашей схемѣ, гдѣ самое сильное повышение обозначено тремя ударами, среднее—двумя, а слабое—однимъ. Но переходъ къ болѣе сложнымъ тактамъ зависитъ не только отъ нашей воли, а въ значительной мѣрѣ также отъ степени быстроты ударовъ. Въ то время, какъ при большихъ промежуткахъ между ударами, трудно выйти изъ предѣловъ простаго такта въ $\frac{2}{8}$, при короткихъ промежуткахъ требуется извѣстное напряженіе, чтобы удержаться отъ перехода къ болѣе сложнымъ тактамъ. Если непринужденно вслушиваться, то при интервалахъ въ $\frac{1}{2}$ секунды и меньше легко устанавливаются такіе такты, какъ вышеприведенный, въ $\frac{4}{4}$, соединяющій 8 ударовъ въ одно цѣлое, тогда какъ простой тактъ въ $\frac{2}{8}$ соединялъ только каждые 2 удара. Если измѣрять по описанному способу объемъ сознанія для такого болѣе расчлененнаго тактового ряда, то оказывается, что 5 тактовъ въ $\frac{4}{4}$ могутъ еще быть соединены въ сознаніи въ одно цѣлое, и если послѣ паузы ихъ повторить, они будутъ признаны тождественными. Здѣсь, слѣдовательно, при сложномъ ритмическомъ дѣленіи, 40 ударовъ образуютъ

объемъ сознанія, противъ 16 ударовъ при простѣйшемъ дѣленіи. Но это уже, кажется, максимумъ достижимаго. Можно еще примѣнить болѣе сложное раздѣленіе, напр., тактъ въ $\frac{6}{4}$, но хотя такое увеличеніе ритмической сложности требуетъ извѣстнаго усиленія напряженія, число соединяемыхъ въ такое цѣлое частей ряда отъ того не увеличится, а скорѣе уменьшится.

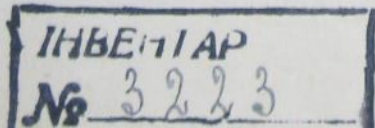
Изъ этихъ опытовъ выясняется еще одно замѣчательное свойство сознанія, находящееся въ связи съ ритмическимъ предрасположеніемъ послѣдняго. Три степени повышенія, которыя мы имѣемъ въ схемѣ такта въ $\frac{4}{4}$, образуютъ максимумъ различій, который не можетъ быть превзойденъ. Если еще причислить къ нимъ и пониженія, то *4 степени интенсивности* составляютъ крайній предѣлъ различій въ силѣ впечатлѣній. Очевидно, что это число различій является опредѣляющимъ ритмическое расчлененіе такта и, тѣмъ самымъ, цѣльность его сочетанія въ сознаніи, точно также какъ и наоборотъ: ритмъ тактовъ обуславливаетъ это число степеней интенсивности, какъ необходимыхъ опорныхъ пунктовъ для объединенія расчлененнаго ряда въ цѣлое. Такимъ образомъ, оба момента стоятъ въ тѣсномъ взаимодействіи. Ритмическое предрасположеніе сознанія требуетъ опредѣленныхъ предѣловъ въ градаціяхъ повышеній, а это число градацій, со своей стороны, опредѣляетъ специфическую, присущую человѣческому сознанію ритмику.

Чѣмъ обширнѣе ряды тактовъ при этихъ опытахъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ еще одно, для сущности сознанія чрезвычайно важное явленіе. Если обратить вниманіе на отношеніе воспринятаго въ данный моментъ тактового удара къ непосредственно предшествовавшимъ, а этихъ послѣднихъ къ еще болѣе раннимъ ударамъ въ рядѣ, составляющемъ одно цѣлое, то между всѣми этими впечатлѣніями обнаружатся различія особаго рода, существенно отличныя отъ различій въ силѣ звука. Лучше всего описать ихъ при помощи выраженій, существующихъ въ языкѣ, главнымъ

образомъ, для зрительныхъ впечатлѣній, гдѣ бываютъ такія же различія, относительно независимыя отъ силы свѣта. Эти выраженія суть *ясность и отчетливость*; значенія ихъ почти совпадаютъ, но если все-таки указываютъ отчасти на разныя стороны, такъ какъ ясность говоритъ больше о собственномъ качествѣ впечатлѣнія, а отчетливость о его ограниченности отъ другихъ впечатлѣній. Если примѣнить эти понятія къ содержаніямъ сознанія вообще, то окажется, что и отдѣльныя части тактового ряда обла- даютъ различнѣйшими степенями ясности и отчетливости, начиная отъ того удара, который воспринимается въ на- стоящій моментъ, Этотъ послѣдній—самый ясный и отчет- ливый; за нимъ стоятъ непосредственно предшествовавшіе ему; болѣе же ранніе имѣютъ все убывающую ясность. Если ясность уменьшилась до того, что впечатлѣніе вообще ис- чезло. это обозначается образнымъ выраженіемъ—*ощущеніе находится ниже порога сознанія*. Для противоположнаго явленія пригодно выраженіе—*поднятіе надъ порогомъ со- знанія*. Постепенное приближеніе къ порогу сознанія, кото- рое мы при опытѣ съ тактами видимъ въ болѣе раннихъ ударахъ, можно въ томъ-же смыслѣ назвать *затемнѣніемъ*, а противоположное измѣненіе—*просвѣтленіемъ* содержаній сознанія. Употребляя эти выраженія, можно слѣдующимъ образомъ формулировать условіе для воспріятія цѣлаго, состоящаго изъ многихъ частей, напр., ряда тактовъ: *соче- таніе частей въ цѣлое возможно лишь до тѣхъ поръ, пока ни одна изъ нихъ не опустилась ниже порога сознанія*. Крупныя различія въ ясности и отчетливости обозначаются еще двумя другими образными выраженіями: о томъ содер- жаніи, которое представляется наиболѣе яснымъ, говорятъ, что оно лежитъ въ *фиксационной точкѣ сознанія*, о про- чихъ же—что они находятся въ остальномъ *полѣ нашего сознанія*. Такимъ образомъ, при опытахъ съ тактами, вос- принимаемый въ данный моментъ ударъ лежитъ въ фикса- ционной точкѣ сознанія, предыдущіе-же удары, чѣмъ раньше они были, тѣмъ болѣе передвигаются къ краямъ поля

сознанія. Послѣднее можно себѣ образно представить въ видѣ поля окружающаго фиксаціонную точку и которое чѣмъ ближе къ периферіи, тѣмъ больше затемнено, границу же его составляетъ порогъ сознанія.

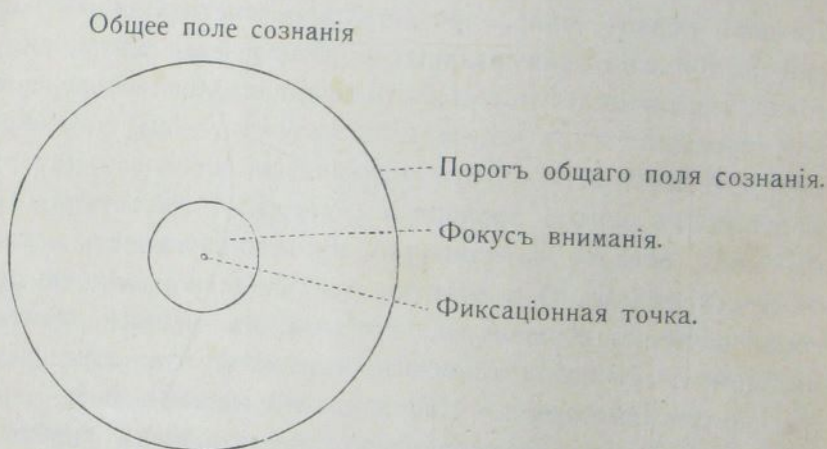
Изъ этого образа видно, что такъ наз. фиксаціонная точка сознанія обозначаетъ лишь идеальный центръ той центральной области, въ предѣлахъ которой многія впечатлѣнія еще могутъ быть ясно и отчетливо воспринимаемы. Такъ, при рядѣ тактовъ, слышимый въ данный моментъ ударъ лежитъ въ самой фиксаціонной точкѣ сознанія, но и непосредственно предшествовавшіе ему удары еще достаточно ясны и отчетливы, чтобы ихъ можно было вмѣстѣ съ нимъ объединить въ одну болѣе ограниченную область, отличающуюся отъ остальнаго поля сознанія своей значительною ясностью. И въ этомъ отношеніи психологическіе факты находятся въ соотвѣтствіи съ фактами въ полѣ зрѣнія, въ которомъ тоже одна точка является прямо фиксируемой, а въ окружности ея еще могутъ быть ясно воспринимаемы многія другія впечатлѣнія. Только благодаря этому обстоятельству мы можемъ сразу воспринимать цѣлый большой образъ, напр., прочесть цѣлое слово. Для центральной части нашего поля сознанія, окружающей его фиксаціонную точку, практическія потребности языка создали слово, которое перешло и въ научную психологію. Мы называемъ именно *вниманіемъ* тотъ психическій процессъ, который состоитъ въ ясномъ воспріятіи содержанія извѣстной ограниченной области сознанія, въ противоположность остальному содержанію. О впечатлѣніяхъ или какомъ-нибудь другомъ содержаніи сознанія, которыя въ данный моментъ выдѣляются со всей ясностью, говорятъ, что они лежатъ въ *фокусъ вниманія*. Послѣдній мы можемъ себѣ представить, если держаться прежняго образа, какъ центральную, окружающую фиксаціонную точку сознанія, область, ограниченную болѣе или менѣе ясной линіей отъ остальнаго, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе затемняющагося общаго поля

сознанія¹⁾. Но теперь является новая экспериментальная задача, образующая важное дополнение къ произведенному нами измѣренію объема сознанія. Надо отвѣтить на новый вопросъ: какъ великъ этотъ болѣе тѣсный объемъ вниманія?

На сколько ряды тактовъ были удобны, благодаря ритмическому раздѣленію послѣдовательныхъ впечатлѣній, для опредѣленія объема сознанія, на столько-же они неудобны, вслѣдствіе того-же раздѣленія, для разрѣшенія второй задачи. Ибо именно та связность, которую ритмъ тактового ряда устанавливаетъ между центромъ вниманія и остальнымъ полемъ сознанія, дѣлаетъ невозможнымъ точное разграниченіе этихъ обѣихъ областей. Хотя мы ясно замѣчаемъ, что вмѣстѣ съ непосредственно воспринимаемымъ ударомъ метронома въ центрѣ вниманія находятся еще и нѣкоторые предыдущіе удары, но сколько именно изъ нихъ, остается неопредѣленнымъ. Для разрѣшенія этой задачи зрительныя ощущенія представляютъ болѣе благоприятныя условія. Нужно однако помнить, что и физиологическія условія зрѣнія,

1) Эти отношенія частей сознанія можно приблизительно изобразить слѣдующей схемой:

Однако надо помнить, что это лишь приблизительная схема, ибо по Вундту и порогъ общаго поля сознанія и предѣлы фокуса вниманія не вполне опредѣленны и при томъ для разныхъ содержаній сознанія имѣютъ разныя величины.

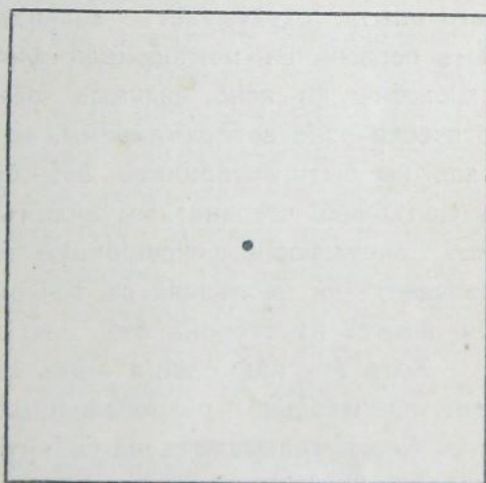
Примѣч. русск. перевода.

сами по себѣ и независимо отъ психологическихъ границъ яснаго воспріятія, ограничиваютъ воспріятіе объектовъ довольно большихъ, такъ какъ острое различеніе зрительныхъ впечатлѣній ограничено такъ назыв. областью „яснаго видѣнія“, окружающею фиксируемую точку зрительнаго поля.

Въ этомъ можно легко убѣдиться, если фиксировать среднюю точку *о* на помѣщаемой рядомъ таблицѣ буквъ однимъ глазомъ и на разстояніи 20—25 см., закрывъ другой глазъ. Если сосредоточить при этомъ вниманіе на боковыхъ мѣстахъ поля зрѣнія то можно еще узнать буквы, лежащія на границѣ фигуры, напр., верхнее *h* или боковое *i*. Этотъ опытъ требуетъ нѣкотораго предварительнаго упражненія въ фиксированіи, такъ какъ при обычныхъ условіяхъ мы всегда склонны направлять зрительную линію на тотъ-же пунктъ, на который направлено наше вниманіе. Но если немного прі-

			t	h	m					
		m	v	x	w	a	s	f		
		l	g	i	c	s	f	p	d	t
z	r	a	e	n	p	r	h	v	z	l
r	f	u	c	f	h	f	b	n	d	s
k	h	e	p	n	o	t	v	b	s	i
n	z	l	u	c	r	k	m	d	g	n
d	i	n	i	w	g	e	t	v	r	f
		s	a	t	f	l	b	p	n	k
		m	d	w	c	k	t	g		
		p	a	v	e	r				

A

S

учиться, сохраняя одну и ту-же точку зрительной фиксаціи, сосредоточивать вниманіе на разныхъ мѣстахъ поля зрѣнія,

то этотъ опытъ покажетъ, что пунктъ, фиксируемый зрѣніемъ, и пунктъ, фиксируемый вниманіемъ, не только не тождественны, но при достаточномъ упражненіи могутъ быть разъединены, и вниманіе можетъ быть направлено также на любой пунктъ, лежащій въ сторонѣ отъ прямо видимаго. Оказывается, что ясное воспріятіе въ психологическомъ смыслѣ и ясное зрѣніе въ фізіологическомъ смыслѣ могутъ и не совпадать. Если фиксировать, напр., середину (о) приведенной фигуры, а вниманіе направить на боковую точку п, то лежащія вокругъ п буквы f g s i ясно воспринимаются, а лежащія вокругъ о буквы h t r n оказываются тогда въ затемненномъ полѣ сознанія. Нашей таблицѣ буквъ приданъ такой размѣръ, что она, при разсматриваніи ея на разстояніи 20—25 см., приблизительно соотвѣтствуетъ по величинѣ области яснаго видѣнія (если за мѣру послѣдняго принять ясное различеніе буквъ таблицы). Слѣдовательно, эти наблюденія съ очевидностью показываютъ, что объемъ центра вниманія и область яснаго видѣнія въ фізіологическомъ смыслѣ настолько не совпадаютъ, что послѣдняя, при условіяхъ нашего опыта, охватываетъ значительно большую область, чѣмъ первый. Въ помѣщенной фигурѣ 95 буквъ. Если всѣ фізіологически ясно видимые объекты были-бы и психологически ясно воспринимаемы, то при фиксированіи пункта о должны быть восприняты всѣ буквы. Но этого нѣтъ ни въ малѣйшей степени; мы видимъ только нѣкоторые изъ нихъ, окружающіе фиксаціонную точку вниманія, все равно совпадаетъ-ли послѣдняя съ точкой, фиксируемой зрѣніемъ, или лежитъ въ сторонѣ отъ нея.

Хотя эти наблюденія надъ одновременнымъ воспріятіемъ произвольно расположенныхъ простыхъ объектовъ, напр. буквъ, указываютъ на сильную ограниченность объема вниманія, однако такимъ путемъ мы не можемъ разрѣшить вопроса о величинѣ этого объема болѣе или менѣе точно, численно, подобно тому, какъ мы опредѣлили величину объема сознанія посредствомъ опытовъ съ тактами. Но эти

зрительные опыты можно легко и безъ сложныхъ аппаратовъ видоизмѣнить такимъ образомъ, чтобъ они годились и для этой задачи, надо только имѣть въ виду, что и здѣсь полученные результаты дѣйствительны только при данныхъ условіяхъ. Для этой цѣли изготовляютъ нѣсколько таблицъ изъ буквъ, подобно представленной на нашемъ рисункѣ, но каждую съ другимъ расположеніемъ элементовъ. Кромѣ того, надо приготовить немного большую квадратную ширму изъ бѣлаго картона съ черной точкой посерединѣ (см. рисунокъ). Эту ширму прикрываютъ избранную для одного опыта фигуру съ буквами (А) и предлагаютъ наблюдателю, закрывъ одинъ глазъ, фиксировать другимъ эту точку. Затѣмъ съ возможной быстротой отдергиваютъ на моментъ ширму и такъ-же быстро снова прикрываютъ ею фигуру. Быстрота движенія должна быть настолько значительной, чтобы въ моментъ открытія объекта не могло произойти перемѣщенія по полю зрѣнія ни глаза, ни вниманія¹⁾. Если опытъ долженъ повторяться, то таблицу надо каждый разъ мѣнять, иначе впечатлѣніе новаго опыта будетъ дополняться изъ предыдущихъ. Поэтому для полученія безспорныхъ результатовъ нужно опытъ такъ обставить, чтобъ не могло быть вліянія предыдущихъ воспріятій, и задача тогда сведется къ вопросу: какое число простыхъ, впервые вступающихъ въ сознаніе содержаній можетъ схватить сразу фокусъ вниманія? При такой постановкѣ вопроса можно было-бы противъ нашего метода возразить, что каждая буква не есть простое содержаніе сознанія, надо выбрать болѣе простые объекты, напр., точки. Но такъ какъ точки не имѣютъ отличительныхъ признаковъ, то опытъ съ ними

¹⁾ Для болѣе точнаго и равномѣрнаго исполненія этихъ опытовъ употребляетъ особый простой аппаратъ, т. наз. тахистоскопъ, въ которомъ падающая ширма дѣлаетъ объектъ на очень короткое и точно измѣримое время видимымъ. Но если этого аппарата нѣтъ, можно удовольствоваться и описываемымъ средствомъ, надо только приучиться къ чрезвычайно быстрымъ движеніямъ руки.

очень трудень, если не совершенно невозможенъ. Съ другой стороны, въ пользу буквъ говоритъ ихъ привычность, вслѣдствіе которой буква обычнаго шрифта такъ-же быстро воспринимается, какъ и простая точка.—фактъ, въ которомъ легко убѣдиться опытомъ. Кромѣ того буквенные символы своими характерными отличіями представляютъ то преимущество, что ихъ легко послѣ моментальнаго вліянія удержать въ сознаніи и дать затѣмъ отчетъ о ясно воспринятыхъ изъ нихъ. Если такъ провести опытъ, какъ здѣсь указывается, то окажется, что неопытный наблюдатель, большей частью схватываетъ 3—4 буквы. Но уже послѣ нѣсколькихъ опытовъ,—конечно, каждый разъ съ другимъ объектомъ, какъ выше указано,—число это повышается до 6, но эта величина уже не можетъ быть превзойдена даже путемъ дальнѣйшихъ упражненій и остается одинаковой у различныхъ наблюдателей. Ее можно, поэтому, считать постоянной величиной вниманія для человѣческаго сознанія.

Здѣсь опредѣленіе объема вниманія было произведено при одномъ условіи, прямо противоположномъ тому, что было при измѣреніи объема сознанія. Послѣднее было возможно только благодаря тому, что были даны ряды впечатлѣній, которые соединялись въ одно сложное цѣлое. Для измѣренія-же объема вниманія мы должны были изолировать отдѣльныя впечатлѣнія одно отъ другого, такъ чтобъ они составляли лишь беспорядочное многообразіе элементовъ. Это различіе не зависитъ лишь отъ того, что въ одномъ случаѣ мы имѣли дѣло со слуховыми ощущеніями, а въ другомъ со зрительными. Напротивъ, гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что суть дѣла здѣсь въ *психологическихъ* условіяхъ, въ одномъ случаѣ, соединенія элементовъ въ цѣлое а въ другомъ—раздѣленія ихъ. Является поэтому вопросъ: что будетъ, если мы заставимъ зрѣніе и слухъ, такъ сказать, помѣняться ролями, и на зрѣніе будемъ дѣйствовать связанными въ цѣлое впечатлѣніями, а на слухъ, напротивъ, изолированными. Простѣйшій способъ соединенія буквен-

ныхъ элементовъ въ одно цѣлое состоитъ въ образованіи изъ нихъ словъ или предложеній. Вѣдь буква сама является лишь искусственно изолированнымъ изъ такого естественнаго цѣлага (слова или фразы) элементомъ. И если мы произведемъ такой опытъ, какъ выше описано, съ этими дѣйствительными составными частями рѣчи, то получимъ совершенно другой результатъ. Если предложить наблюдателю, напр., такое слово, какъ

человѣконенавистникъ

то и неопытный, безъ подготовки прочтетъ его моментально. Слѣдовательно, въ то время какъ изолированныхъ элементовъ онъ могъ замѣтить самое большое 6, въ новомъ опытѣ онъ замѣчаетъ 20 или больше такихъ элементовъ безъ малѣйшаго затрудненія. Въ существенномъ этотъ случай соотвѣтствуетъ тому, что мы встрѣчали при ритмическихъ слуховыхъ опытахъ. Только условія сочетанія здѣсь другія: въ зрительномъ образѣ мы получаемъ, какъ одновременное впечатлѣніе, то, что при слуховомъ опытѣ должно лишь слагаться изъ послѣдовательнаго ряда простыхъ впечатлѣній. Съ этимъ связано еще и другое различіе. Слово можетъ лишь тогда быть воспринято въ одинъ моментъ, если оно уже раньше было намъ знакомо, или какъ цѣлое или въ своихъ составныхъ частяхъ, если оно сложное. Поэтому слово совершенно не знакомаго намъ языка является тѣмъ-же, чѣмъ беспорядочный комплексъ буквъ, и въ такомъ сочетаніи намъ не замѣтить болѣе шести элементовъ сразу. При ритмическомъ-же рядѣ тактовъ совершенно безразлично, какова форма такта, связывающая отдѣльные удары, если только ритмическое дѣленіе соотвѣтствуетъ ритмической способности нашего сознанія, т. е., напр., не выходитъ изъ указаннаго выше максимума трехъ повышеній. Однако, какъ явствуетъ изъ этого требованія, это различіе въ воспріятіи послѣдовательнаго во времени цѣлага (какое мы имѣемъ при слуховыхъ опытахъ) и одновременнаго, расположеннаго

въ пространствѣ (какъ при зрительныхъ опытахъ) только кажущееся. Слуховой тактъ, соответствующій нашему ритмическому чувству, имѣетъ въ сущности то-же значеніе какъ цѣлое слово или предложеніе въ нашей рѣчи. Поэтому, мы должны предположить, что при опытахъ съ чтеніемъ, какъ было и при опытахъ съ тактами, не всѣ многочисленные элементы, составляющіе слово, схватываются моментально вниманіемъ, но въ объемъ послѣдняго попадаетъ только ограниченная часть ихъ, которую психическое сцѣпленіе элементовъ соединяетъ съ частями, лежащими въ болѣе далекомъ полѣ сознанія. Дѣйствительно, есть одно общеизвѣстное явленіе, отлично доказывающее фактъ такого сцѣпленія уловленной вниманіемъ части слова съ болѣе темнымъ содержаніемъ сознанія, а именно то, что мы при бѣгломъ чтеніи очень легко пропускаемъ ошибки печати или письма. Это было-бы не возможно, если-бы мы при чтеніи одинаково ясно воспринимали вниманіемъ всѣ элементы слова или предложенія. Въ дѣйствительности, въ центрѣ вниманія въ каждый моментъ находится только немного элементовъ, отъ которыхъ отходятъ нити психическихъ связей къ элементамъ неясно воспринятымъ, даже отчасти къ такимъ, которые фізіологически находятся въ области неяснаго бокового зрѣнія, также какъ при слушаніи ритма воздѣйствующій въ настоящій моментъ звукъ связывается съ предшествовавшими ему, перешедшими уже въ болѣе темную область сознанія. Главное различіе между обоими случаями лежитъ не столько въ формальныхъ отношеніяхъ объема вниманія и объема сознанія, сколько въ свойствахъ элементовъ и ихъ соединеній.

Если мы теперь, вооруженные данными полученными изъ зрительныхъ опытовъ, обратимся снова къ опытамъ съ метрономомъ, то, по аналогіи, является вопросъ, нельзя-ли опыты съ тактами такъ поставить, чтобъ отдѣльныя звуковыя впечатлѣнія были изолированы, какъ то было при измѣреніи объема вниманія въ области зрѣнія. Такая изоли-

ровка получится очень простымъ образомъ, если мы, вслушиваясь въ удары метронома, воздержимся отъ повышеннѣй звуковъ, чтобы не проявился даже простѣйшій тактъ въ $\frac{2}{8}$. Конечно, вслѣдствіе ритмическаго предрасположенія нашего сознанія и всей нашей психо-физической организаціи это не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда, все время прорывается желаніе уловить въ ровно протекающемъ рядѣ ударовъ тактъ, по крайней мѣрѣ, въ $\frac{2}{8}$. Но если въ ударахъ метронома нѣтъ объективно замѣтныхъ различій, то не очень уже трудно удовлетворить этому требованію. Надо только взять достаточно большіе интервалы, чтобы ритмическое дѣленіе было затруднено, хотя сочетаніе еще остается возможнымъ. Этимъ требованіямъ удовлетворяютъ, въ общемъ, интервалы въ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ сек.; при нихъ можно, послѣ нѣкотораго упражненія, воспринимать тактовые удары, по желанію, какъ ритмически, такъ и не ритмически, т. е. равномерно. Если такъ сдѣлать и такимъ-же образомъ, какъ при прежнихъ ритмическихъ опытахъ, произвести нѣсколько ударовъ метронома, а затѣмъ, послѣ короткой паузы повторить ихъ въ томъ-же или немного другомъ количествѣ, то равенство или не равенство перваго ряда второму можно и здѣсь ясно замѣтить. Если, напр., для одного сравненія избрать рядъ А въ 6 ударовъ, а для другого рядъ В въ 9 ударовъ, то повтореніе двухъ рядовъ

одинаковой величины покажетъ, что при А равенство узнается вполне точно, а при В это уже невозможно, и даже при 7 или 8 впечатлѣннѣхъ сужденіе дѣлается очень неувереннымъ. Мы, слѣдовательно, приходимъ и здѣсь къ тому-же выводу, что при зрительныхъ опытахъ: *шесть простыхъ впечатлѣннѣхъ составляютъ предѣлъ объема вниманія.*

Такъ какъ это число постоянно для слуховыхъ, какъ и для зрительныхъ впечатлѣннѣхъ, для послѣдовательныхъ, какъ

и для одновременныхъ, то надо заключить, что оно представляетъ независимую отъ рода ощущеній психическую постоянную величину. Дѣйствительно, и при примѣненіи другого рода впечатлѣній приходятъ опять къ тому-же результату, что шесть простыхъ содержаній сознанія составляютъ то, что вниманіе можетъ охватить. Если, напр., выбрать слоги любого рода, но безъ какого-бы то ни было сочетанія въ слова, и произнести рядъ ихъ передъ вторымъ наблюдателемъ съ предложеніемъ повторить ихъ, то это повтореніе удастся вполнѣ при такомъ рядѣ:

а п к у н о л и з а р о,

но не удастся при такого рода рядѣ:

р а п о с у а м н а и л о к п у.

При 7 или 8 такихъ безсвязныхъ слоговъ повтореніе также, большей частью, не удастся; самое большее можно приучиться повторять 7 слоговъ. Получается, слѣдовательно, точно тотъ-же результатъ, что выше, при тактовыхъ рядахъ А и В.

Но есть еще другое, согласующееся съ этимъ, наблюденіе. Онъ тѣмъ интереснѣе, что касается третьяго рода ощущеній, осязанія, и было сдѣлано помимо психологическаго интереса, изъ практическихъ побужденій. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ попытокъ создать цѣлесообразный шрифтъ для слѣпыхъ, французскій учитель слѣпыхъ Брайль разрѣшилъ практически эту столь важную проблему въ серединѣ прошлаго вѣка. Самъ слѣпой, онъ по собственному опыту лучше всего могъ судить, какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять такой шрифтъ. Онъ пришелъ къ выводу, что, во первыхъ, пространственное расположеніе точекъ есть единственно годное средство для созданія легко различимыхъ буквенныхъ знаковъ, во вторыхъ, что для того, чтобъ слѣпой могъ легко и увѣренно различать осязающимъ пальцемъ эти символы, нельзя при соз-

сознанія—*перцепціей*, а повышеніе въ фокусъ вниманія—*апперцепціей*. При этомъ однако мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ тѣ философскія отношенія, въ которыхъ эти понятія находятся у Лейбница къ его теоріи монадъ, а беремъ ихъ въ чистомъ эмпирико-психологическомъ смыслѣ. Сообразно съ этимъ, мы понимаемъ подъ перцепціей только дѣйствительно доказуемое вступленіе какого-нибудь содержанія въ сознаніе, а подъ апперцепціей—его усвоеніе вниманіемъ. Перципированное содержаніе есть, слѣдовательно, болѣе или менѣе темно сознанное, но всегда находящееся выше порога сознанія; апперципированное-же содержаніе сознанія есть то, которое ясно сознается или, — если примѣнить и здѣсь образъ порога,—то, которое лежитъ выше порога вниманія. Теперь можно отношеніе между обѣими областями сознанія такъ опредѣлить: если апперцепція направляется на какое-нибудь изолированное содержаніе, остальное, лишь перципируемое содержаніе, совсѣмъ пропадаетъ, какъ если-бъ его и не было; если-же, напротивъ, апперципируемое содержаніе связано съ содержаніями лишь перципируемыми, оно соединяется съ ними въ цѣлое воспріятіе, предѣлы котораго ограничены лишь порогомъ сознанія. Съ этимъ стоитъ въ тѣсной связи тотъ фактъ, что объемъ апперцепціи сравнительно ограниченъ и постояненъ, объемъ перцепціи-же не только больше, но и значительно измѣнчивѣе. Послѣдній мѣняется, какъ показало намъ сравненіе простыхъ и сложныхъ тактовъ, въ зависимости отъ объема психическихъ образованій, соединяемыхъ въ одно цѣлое. Но различіе между просто перципированными и апперципированными и въ такомъ цѣломъ не исчезаетъ. Въ фокусъ вниманія всегда находится только ограниченная часть его, какъ то ясно показываетъ въ опытахъ съ чтеніемъ фактъ, что можно измѣнять отдѣльныя перципированныя части, не нарушая тѣмъ воспріятія всей цѣлости сложнаго. Это болѣе далекое, неясно-перципируемое содержаніе имѣетъ здѣсь тоже значеніе, что аккомпаниментъ для поющаго голоса.

Небольшія отклоненія аккомпанимента мы легко можемъ не замѣтить, если главный голосъ правиленъ по тону и ритму. Но впечатлѣніе цѣлаго исчезло-бы, если-бы аккомпаниментъ прекратился.

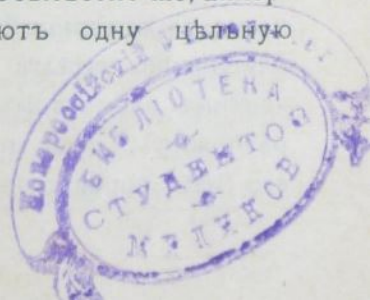
Кромѣ этого, въ отношеніяхъ между перцепируемымъ и апперципируемымъ содержаніемъ сознанія выясняется еще другое обстоятельство, подчеркивающее важность процессовъ апперцепціи. Мы уже въ началѣ указали, что чрезвычайно трудно воспринимать рядъ ударовъ метронома совершенно одинаково, всегда есть склонность выдѣлить нѣкоторые изъ нихъ субъективнымъ удареніемъ. Это явленіе стоитъ, очевидно, въ связи съ однимъ основнымъ свойствомъ апперцепціи, проявляющимся во всѣхъ процессахъ сознанія. Какъ извѣстно даже изъ практической жизни, мы не въ состояніи направлять наше вниманіе непрерывно и равномерно на одинъ и тотъ-же предметъ. Если-же мы все-таки хотимъ этого добиться, то замѣчаемъ, что въ апперцепціи даннаго предмета происходятъ постоянно измѣненія, она то усиливается, то убываетъ въ энергіи. При сохраняющихся одинаковыми условіяхъ, эти переменны легко обращаются въ правильный періодическій процессъ. Особенно легко, конечно, устанавливается такая періодичность, если и сами внѣшнія впечатлѣнія, на которыя вниманіе устремлено, тоже періодичны. Такой именно случай въ совершенной формѣ мы имѣли въ рядѣ ударовъ метронома. Поэтому здѣсь колебанія апперцепціи устанавливаются непосредственно по періодамъ впечатлѣній. Вслѣдствіе этого мы и дѣлаемъ ударенія на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя совпадаютъ съ повышеніемъ апперцепціонной волны, такъ что и одинаковые сами по себѣ удары располагаются ритмически. Родъ этого субъективнаго ритмическаго порядка зависитъ до извѣстной степени отъ нашей воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ того, въ какомъ объемѣ мы стремимся связать эти впечатлѣнія въ цѣлое. Если, напр., удары метронома слѣдуютъ очень быстро, то получаютъ сложныя дѣленія такта, какъ мы выше видѣли это.

Такія-же отношенія между апперципируемыми и перципируемыми содержаніями сознанія оказываются и при другихъ, въ частности одновременныхъ впечатлѣніяхъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ, смотря по роду ощущеній. Если, напр., въ опытахъ съ быстрымъ прочтеніемъ мы предлагаемъ короткое слово, оно воспринимается въ единомъ актѣ. Если-же предложить длинное слово, напр., человеконенавистникъ, легко даже непосредственнымъ наблюденіемъ замѣтить, что время воспріятія нѣсколько удлинняется, и что воспріятіе слагается, собственно, изъ двухъ, иногда трехъ быстро другъ за другомъ слѣдующихъ апперцепціонныхъ актовъ, все теченіе которыхъ можетъ занимать замѣтно больше времени, чѣмъ самое впечатлѣніе. Эта послѣдовательность нѣсколькихъ актовъ вниманія выступаетъ еще яснѣе, если вмѣсто одного слова взять предложеніе приблизительно такой же длины, напр., слѣдующее:

Суженаго конемъ не объѣдешь.

Здѣсь разчлененію существенно способствуетъ раздѣленіе словъ. При такомъ предложеніи обыкновенно замѣчаются три слѣдующихъ другъ за другомъ апперцепціонныхъ акта, причемъ только при послѣднемъ все объединяется въ одну цѣльную мысль. И здѣсь это возможно только до тѣхъ предѣловъ, пока предшествующія послѣдней апперцепціи содержанія находятся еще въ полѣ сознанія. Если-же взять столь длинное предложеніе, что это дѣлается невозможнымъ, происходитъ то-же самое, что мы видѣли при ритмическихъ рядахъ, превышающихъ размѣры допустимаго тактоваго дѣленія: законченный актъ захватываетъ тогда только одну часть такого послѣдовательно даннаго цѣлаго. Такимъ образомъ оба явленія,—воспріятіе сложныхъ тактовъ и воспріятіе сложныхъ словъ или предложеній,—по существу одинаковы. Разница состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ апперципируемое впечатлѣніе связывается съ предшество-

вавшими впечатлѣніями, находящимися въ полѣ перцепціи, посредствомъ ритмическаго дѣленія, во второмъ-же случаѣ— посредствомъ смысла, соединяющаго въ цѣлое слова или части словъ. Изъ этого также видно, что этотъ процессъ не состоитъ только въ послѣдовательной апперцепціи частей. Нѣкоторыя части вѣдь успѣли уже исчезнуть изъ апперцепціи и стали просто перцептированными къ моменту сочетанія ихъ въ одно цѣлое съ послѣднимъ апперципируемымъ впечатлѣніемъ. И это соединеніе само есть также единый и моментальный актъ апперцепціи. Изъ этого слѣдуетъ, что во всѣхъ такихъ случаяхъ сочетанія большого комплекса элементовъ, апперцепція является дѣятельностью, связывающей эти элементы, и что она при этомъ соединяетъ непосредственно апперципируемыя части цѣлага съ просто перцептированными. Такимъ образомъ, важное значеніе отношеній между обѣими функціями, перцепціей и апперцепціей, состоитъ въ значительной измѣнчивости этихъ отношеній и въ томъ, что въ этихъ измѣненіяхъ находятъ себѣ выраженіе разныя приспособленія къ потребностямъ нашей душевной жизни. Апперцепція то ограничивается тѣсной областью, дабы вполне устранить огромное множество постоянно вліяющихъ на насъ другихъ впечатлѣній, то она, съ помощью вытекающаго изъ перемежающейся ея природы разчлененія послѣдовательныхъ содержаній, охватываетъ своими нитями широкую, заполняющую все поле сознанія, ткань психическихъ содержаній. Но всегда при этомъ она остается той объединяющей дѣятельностью, которая соединяетъ многообразное содержаніе въ упорядоченное цѣлое; процессы-же перцепціи противостоятъ ей какъ центробѣжныя и въ то-же время ей подчиненныя. Совмѣстно-же, апперцепція вмѣстѣ съ перцепціей составляютъ одну цѣльную душевную жизнь.

2. Элементы сознанія.

До сихъ поръ мы разсматривали сознаніе въ его общихъ форменныхъ свойствахъ, каковы объемъ его, различныя степени ясности его содержаній, наконецъ, стоящія со всѣмъ этимъ въ связи, отношенія апперцепціи и перцепціи. Теперь спрашивается: каковы тѣ специфическія содержанія, которыя сознаются нами въ этихъ формахъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ томъ, что представляютъ послѣднія, дальнѣйшимъ образомъ уже неразложимыя, составныя части этихъ содержаній. Такія послѣднія составныя части называются обыкновенно *элементами*. И можно считать первой задачей каждой науки, занимающейся эмпирическими фактами, опредѣленіе элементовъ явленій, а второй—открытіе законовъ, по коимъ эти элементы вступаютъ въ соединенія. Согласно этому, вся задача психологіи заключается въ двухъ проблемахъ: каковы элементы сознанія, въ какія соединенія вступаютъ они и какіе законы можно при этомъ констатировать?

Если мы, въ отличіе отъ элементовъ сознанія, будемъ всякаго рода соединенія этихъ элементовъ называть *сложными психическими образованіями* (или просто *образованіями*), то отношеніе однихъ къ другимъ легко объяснить на уже знакомомъ примѣрѣ. Если вернуться снова къ метрону, то отдѣльный ударъ, который мы можемъ получить, немедленно затѣмъ остановивъ маятникъ, является психическимъ элементомъ. Такой ударъ, въ общемъ, больше не разложимъ, если не считаться съ тѣмъ, что мы слышимъ его изъ опредѣленнаго пространственнаго пункта и т. п.,

что въ данномъ случаѣ вполнѣ допустимо. Но когда мы слышимъ два удара, то они уже образуютъ сложное психическое образованіе. Послѣднее дѣлается тѣмъ болѣе сложнымъ, чѣмъ больше мы такихъ тактовыхъ членовъ соединимъ въ тактовой рядъ, въ особенности, если это усложненіе увеличимъ еще различной силы удареніями, какъ, напр., въ тактахъ въ $\frac{2}{8}$ и $\frac{4}{4}$. Такой элементъ сознанія, какъ отдѣльный ударъ, называется *ощущеніемъ*, сочетаніе же элементовъ въ такты большей или меньшей сложности — *представленіемъ*. Правда, нѣкоторые психологи употребляютъ слово представленіе только для образованій, которыя возникаютъ не изъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, т. е. только для такъ наз. „образовъ воспоминанія“, представленія же, возникающія изъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній, называютъ „воспріятіями“. Однако, съ чисто психологической точки зрѣнія, это различіе не имѣетъ никакого значенія, потому что нѣтъ общихъ различій между образами воспоминанія и, такъ наз., чувственными воспріятіями. Образы воспоминаній въ нашихъ сновидѣніяхъ обыкновенно столь же живы, какъ чувственныя впечатлѣнія при бодрствованіи, почему они постоянно и принимаются нами за дѣйствительно переживаемыя явленія. Съ другой стороны, слово „представленіе“ очень удачно выражаетъ существенный признакъ, присущій всѣмъ психическимъ сложнымъ образованіямъ: мы ставимъ ихъ передъ собой, т. е. проицируемъ ихъ внѣ насъ. Въ этомъ же смыслѣ—принадлежности къ внѣшнему міру—мы воспринимаемъ также тѣ ощущенія и возникающія изъ нихъ психическія образованія, которыя локализируются нами въ нашемъ собственномъ тѣлѣ и называются, вслѣдствіе этого, общими ощущеніями или органическими, напр., ощущенія мускульной усталости, ощущенія давленія внутреннихъ органовъ, боли и т. п. Въ противоположность этимъ элементамъ осязательныхъ и общихъ ощущеній, составляющимъ сравнительно однородную группу ощущеній давленія, тепла, холода и боли, спеціальныя чувства слуха, зрѣнія, обонанія

и вкуса даютъ намъ множество различныхъ ощущеній, каждое изъ которыхъ въ присущей ему особенности именуется *качествомъ* этого ощущенія. Каждое такое качество, сверхъ того, можетъ измѣняться по силѣ. Напр., отдѣльный ударъ такта мы можемъ произвести въ различной интенсивности, причемъ качество его остается однимъ и тѣмъ-же.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы находимъ отношенія между ощущеніями и представленіями такія-же, какія мы видѣли выше на примѣрѣ тактовыхъ ударовъ. Такъ, напр., зеленое или красное, черное или бѣлое и т. п. мы называетъ зрительными ощущеніями, зеленую-же плоскость или черное тѣло — зрительнымъ представленіемъ. Отношенія здѣсь тѣ-же, что между отдѣльнымъ ударомъ и тактовымъ рядомъ; только сочетаніе нѣсколькихъ ощущеній въ одно представленіе плоскости или тѣла происходитъ болѣе непосредственно, такъ что требуется сознательная абстракція отъ этого сочетанія въ представленія, чтобъ выдѣлить понятіе объ ощущеніи. Но такъ какъ представленія плоскостей и тѣлъ могутъ измѣняться, когда цвѣтъ остается тѣмъ-же, то мы должны и здѣсь такой сохраняющійся при измѣненіи сложныхъ образованій элементъ считать простымъ ощущеніемъ. Точно также мы называемъ простой тонъ слуховымъ ощущеніемъ, а состоящій изъ многихъ тоновъ звукъ или аккордъ—слуховымъ представленіемъ и т. д. Если тоны слѣдуютъ другъ за другомъ въ мелодической или ритмической связи, создаются представленія еще большей сложности, и точно такъ-же могутъ нѣсколько сравнительно простыхъ зрительныхъ представленій соединиться въ большія одновременныя или послѣдовательныя единства. Особенно зрѣніе и слухъ образуютъ такимъ способомъ крайне богатая многообразія, и притомъ двояко, черезъ соединенія качествъ простыхъ ощущеній, и черезъ соединенія представленій, уже сложенныхъ изъ ощущеній. Такъ, уже простой рядъ тоновъ отъ самаго низкаго до самаго высокаго состоитъ изъ безконечнаго числа степеней тонового качества, изъ которыхъ

наша музыкальная скала беретъ лишь нѣкоторые, относительно далеко отстоящіе одинъ отъ другого. Музыкальные же звуки суть сочетанія извѣстнаго числа такихъ простыхъ тоновыхъ ощущеній, а, такъ называемыя, созвучія увеличиваютъ еще дальнѣйшимъ образомъ эту сложность.

Болѣе замкнутую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе разностороннюю сложность представляютъ простыя свѣтотыя ощущенія. Такъ, напр., отъ краснаго постепенные переходы ведутъ къ оранжевому, а затѣмъ къ желтому, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ cadaго изъ этихъ цвѣтовъ мы можемъ перейти непрерывнымъ рядомъ переходовъ черезъ болѣе блѣдныя цвѣтовые тоны къ бѣлому, и черезъ болѣе темныя—къ черному. Представленія въ этой чувственной области въ полномъ смыслѣ безконечны по своему разнообразію. Вспомнимъ разнообразныя формы плоскостей и тѣлъ и различія отдаленности и направленія, въ коихъ мы воспринимаемъ предметы, и намъ станетъ ясно, что здѣсь нѣтъ предѣловъ многообразію. Такимъ образомъ, оказывается, что богатство ощущеній и представленій, доставляемыхъ намъ при помощи cadaго изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, находится въ извѣстной зависимости отъ пространственной отдаленности объектовъ, познаваемыхъ даннымъ чувствомъ. Ограниченнѣе всего область ощущеній осязательныхъ и общихъ, относящихся къ нашему собственному тѣлу. Близки къ нимъ ощущенія обоихъ, такъ называемыхъ, химическихъ чувствъ, вкуса и обонянія, которыя служатъ животнымъ важными указателями и предохранителями при разысканіи пищи, и сохраняютъ отчасти это значеніе и для человѣка. Значительно шире область ощущеній и представленій слуха, посредствомъ которыхъ въ рѣчи, пѣніи и музыкѣ внѣшній міръ вступаетъ въ сношенія съ нашимъ сознаніемъ. Наконецъ зрѣніе, захватывающее самую широкую пространственную область, даетъ форму и содержаніе всему нашему образу внѣшняго міра.

Какъ ни различны качества ощущеній и формы представленій, въ одномъ отношеніи эти элементы и психическія

образованія однородны: всѣ они говорятъ намъ объ *объективномъ* мірѣ, о вещахъ и процессахъ внѣ насъ, объ ихъ свойствахъ, сочетаніяхъ и отношеніяхъ. Ибо и наше собственное тѣло, о которомъ говорятъ намъ осязательныя и общія ощущенія, является для нашего сознанія частью, хотя и ближайшей, внѣшняго міра. Возникаетъ поэтому вопросъ: единственное-ли содержаніе сознанія составляютъ эти объективные элементы и образованія? Или, другими словами: имѣются-ли только такія психическія содержанія, которыя мы проицируемъ во внѣ, или рядомъ съ отраженнымъ въ нашемъ сознаніи внѣшнимъ міромъ, существуютъ въ сознаніи еще другіе элементы, которые мы не воспринимаемъ какъ находящіеся внѣ насъ объекты и ихъ свойства?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, возьмемъ снова метрономъ. Изберемъ интервалъ средней величины въ $1\frac{1}{2}$ секунды и ритмизируемъ рядъ тактовъ описаннымъ вначалѣ способомъ, посредствомъ субъективнаго повышенія отдѣльныхъ ударовъ. Какъ мы уже говорили, отдѣльный ударъ представляетъ ощущеніе, рядъ ударовъ—представленіе. При воздѣйствіи на насъ такого ритмическаго цѣлага, мы можемъ, однако, замѣтить явленія, не подходящія ни подъ ощущеніе, ни подъ представленіе. Прежде всего по окончаніи тактоваго ряда у насъ возникаетъ впечатлѣніе *пріятнаго* цѣлага. Если опредѣлить точнѣе это понятіе пріятнаго, его можно назвать субъективнымъ чувственнымъ удовольствіемъ, вызываемымъ внѣшними впечатлѣніями, которыя мы по этому самому тоже называемъ пріятными. Это понятіе состоитъ, такимъ образомъ, собственно изъ двухъ членовъ: объективнаго представленія, — въ нашемъ примѣрѣ ряда тактовъ, — и субъективнаго чувствованія удовольствія. Это послѣднее, очевидно, не заключается ни во внѣшнемъ впечатлѣніи тактоваго ряда, ни въ томъ, что мы называемъ его представленіемъ, а является присоединяющимся *субъективнымъ* элементомъ. Какъ таковое, мы его не проицируемъ во внѣ, а воспринимаемъ, какъ реакцію нашего сознанія или, чтобъ сразу точнѣе вы-

разиться, нашей апперцепціи. Это обнаруживается также и въ относительной независимости этого чувствованія удовольствія отъ объективныхъ качествъ впечатлѣнія.

Такъ какъ при такомъ простомъ образованіи, какъ ритмическій рядъ тактовъ, чувствованіе пріятнаго бываетъ обыкновенно очень умѣреннымъ, то при этихъ опытахъ можно часто наблюдать, что у многихъ лицъ оно опускается ниже порога сознанія, и они воспринимаютъ только объективное свойство такта, тогда какъ у другихъ субъективная реакція выступаетъ очень опредѣленно. Чувствованіе удовольствія становится, какъ извѣстно, сильнѣе, если ритмическій тактъ соединяется съ гармонической смѣной тоновъ и образуетъ, такимъ образомъ, мелодическое цѣлое. Чувствованія пріятнаго, вызываемаго мелодіей, не лишены, вѣроятно, никто. Но здѣсь мы замѣчаемъ, что это чувствованіе, вызываемое одной и той-же мелодіей, можетъ очень сильно мѣняться, въ зависимости отъ личности, и такія субъективные различія увеличиваются съ усложненіемъ мелодического состава. Сложный комплексъ тоновъ можетъ у музыкально образованнаго человѣка вызвать восхищеніе, а необразованнаго оставляетъ холоднымъ. Этому послѣднему, съ другой стороны, можетъ понравиться чрезвычайно простая мелодія, которую музыкантъ найдетъ пошлой и потому отталкивающей. Во всемъ этомъ чувствованіе удовольствія, связанное съ извѣстными ощущеніями и представленіями, проявляется какъ элементъ *субъективный*, зависящій не отъ впечатлѣнія только, но всегда также, и даже прежде всего, отъ воспринимающаго субъекта. Этотъ субъективный характеръ уже виденъ въ томъ, что хотя это чувствованіе связано съ представленіями внѣшняго міра, но, какъ указано, не проицируется во внѣ.

Но чувствованія удовольствія не единственныя, наблюдаемыя при простыхъ опытахъ съ тактами. Если точно наблюдать состояніе сознанія между двумя ударами такта въ ритмическомъ рядѣ, можно замѣтить, что воспріятіе равен-

ства двухъ интерваловъ происходитъ подѣ вліяніемъ субъективнаго процесса, протекающаго въ теченіе каждаго промежутка одинаково и вызывающаго этимъ впечатлѣніе равенства. Въ обычной жизни явленія, замѣчаемая въ этихъ случаяхъ, называются смѣной „ожиданія“ и „исполненія“. Если прослѣдить ближе эти явленія, то окажется, что процессъ ожиданія, въ приведенномъ случаѣ, непрерывно и правильно мѣняется. Въ моментъ сейчасъ-же за ударомъ метронома, ожиданіе начинается и это напряженіе нарастаетъ, пока не послѣдуетъ второй ударъ. Въ этотъ моментъ напряженіе, вслѣдствіе сопровождающаго второй ударъ исполненія ожидаемаго, сразу разрѣшается, а затѣмъ, въ слѣдующій промежутокъ этотъ процессъ начинается снова. Если тактовой рядъ, вслѣдствіе различныхъ степеней удареній надъ звуками, имѣетъ болѣе сложную форму, то и субъективные процессы становятся соотвѣтственно болѣе сложными, такъ какъ происходитъ наслоеніе нѣсколькихъ процессовъ ожиданія и исполненія.

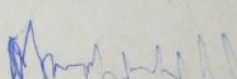
Въ чемъ состоятъ эти процессы, которые намъ еще не разъ встрѣтятся, хотя и не въ такомъ правильномъ чередованіи, какъ при ритмѣ? Что и ожиданіе, и удовлетвореніе—элементы, весьма мало связанные съ объективнымъ впечатлѣніемъ, ясно само собой. Эти процессы вѣдь также субъективно измѣнчивы, какъ чувствованіе пріятнаго при ритмическомъ рядѣ или при мелодіи. Поэтому всѣ согласны, что эти особенные элементы сознанія возникаютъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ. Но можно предположить, что носителями этихъ субъективныхъ состояній ожиданія являются ощущенія, воспринимаемая при слушаніи тактовыхъ ударовъ, частью внутри уха, вслѣдствіе напряженія барабанной перепонки, частью — въ окружающихъ ухо мимическихъ мышцахъ, и которымъ соотвѣтствуютъ при ожиданіи зрительныхъ впечатлѣній подобныя-же ощущенія въ глазу. Но это предположеніе оказывается при болѣе близкомъ разсмотрѣніи ошибочнымъ по различнымъ основаніямъ. Во-первыхъ, эти ощу-

щенія, насколько то можно замѣтить, остаются во все время состоянія ожиданія въ одинаковой силѣ, въ нихъ не замѣчается ни слѣда того правильнаго нарастанія и моментальнаго перехода въ противоположное состояніе удовлетворенія, которое мы видѣли при ритмическихъ опытахъ. Во-вторыхъ, мы можемъ вызвать такія-же ощущенія въ ухѣ и вокруг уха или въ окружности глаза, если произвольно, не находясь въ состояніи ожиданія, будемъ напрягать эти мускулы, или если мы пропустимъ черезъ нихъ умѣренный электрической токъ; въ обоихъ случаяхъ, однако, совершенно отсутствуетъ характерный элементъ ожиданія. Кромѣ того, ясно, что если мы припишемъ эти явленія однообразнымъ мускульнымъ ощущеніямъ, то не сможемъ объяснить тѣхъ наслоеній состояній ожиданія различной степени и продолжительности, которыя наблюдаются при сложныхъ ритмическихъ рядахъ или въ тѣхъ сложныхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя вызываются умственными процессами. Какъ, напр., ощущеніями мышцъ, участвующихъ въ фиксированіи глазами, объяснить то сильное чувство ожиданія, которое возбуждаетъ интересный романъ или драматическое дѣйствіе? Принявъ во вниманіе, что эти состоянія столь-же субъективны и зависимы отъ индивидуальности сознанія, какъ чувство удовольствія, вызываемое пріятнымъ ритмомъ, приходится признать, что и эти противоположныя состоянія, которыя мы кратко обозначаемъ, какъ *напряжение и разрѣшеніе*, должно по праву тоже называть *чувствованіями*. Они повсюду, гдѣ ни являются, сопровождають ощущенія и представленія въ качествѣ нѣкоторой субъективной реакціи, но не тождественны съ послѣдними.

При указанной средней скорости метронома можно констатировать, какъ ритмическія впечатлѣнія правильно сопровождаются тѣсно связанными другъ съ другомъ чувствами удовольствія, напряженія и разрѣшенія. Но эта картина существенно мѣняется, если измѣнить скорость

тактовъ. Если возьмемъ интервалъ въ $2\frac{1}{2}$ —3 секунды, то напряженіе и разрѣшеніе еще будутъ слѣдовать другъ за другомъ по прежнему, и даже яснѣе, такъ какъ напряженіе при большихъ интервалахъ увеличивается въ силѣ. Но съ увеличеніемъ интерваловъ не менѣе ясно уменьшается чувствованіе удовольствія, и легко достигнуть предѣла, гдѣ напряженіе ожиданія дѣлается тягостнымъ. Здѣсь прежнее удовольствіе замѣняется чувствованіемъ *неудовольствія*, стоящимъ опять-таки въ тѣсной связи съ чувствованіями напряженія и разрѣшенія. Если, наконецъ, мы будемъ измѣнять интервалы въ противоположномъ направленіи, уменьшая паузы до $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ сек., то напряженіе и разрѣшеніе исчезаютъ. Ихъ мѣсто занимаетъ растущее съ быстротой впечатлѣній возбужденіе, къ которому прибавляется болѣе или менѣе живое неудовольствіе. Такимъ образомъ, къ найденнымъ уже нами чувствованіямъ надо присоединить еще новое, которое лучше всего назвать *возбужденіемъ*, и которое хорошо знакомо намъ въ своихъ болѣе сложныхъ формахъ изъ обыденной жизни, такъ какъ оно образуетъ существенную составную часть многихъ аффектовъ, какъ гнѣвъ, возбуждающая радость и пр. Къ этому чувствованію возбужденія легко тѣми-же простыми средствами получить противоположное,—стоитъ только сразу умѣрить скорость ударовъ, сдѣлавъ ее средней. Это измѣненіе всегда сопровождается яснымъ чувствованіемъ *успокоенія*.

Итакъ, опыты съ метрономомъ показали намъ *три* пары чувствованій: удовольствіе и неудовольствіе, напряженіе и разрѣшеніе, возбужденіе и успокоеніе. Но мы также видѣли, что по отдѣльности каждая изъ этихъ формъ чувствованій рѣдко встрѣчается, а обыкновенно нѣсколько изъ нихъ соединяются въ одно цѣлое. Послѣднее мы можемъ, поэтому, назвать цѣльнымъ чувствованіемъ, первая же—частичными, и отношенія между ними такія-же, какъ между представленіями и простыми ощущеніями. Изъ самой противоположности каждыхъ двухъ чувствованій явствуетъ, что они могутъ

взаимно уравниваться, такъ что получается состояніе, свободное отъ чувствованій. Кромѣ того, такъ же какъ разныя формы чувствованій могутъ соединяться въ одно цѣльное, такъ бываетъ, — особенно при сложныхъ душевныхъ состояніяхъ, — и съ противоположными чувствованіями, т. е. онѣ не всегда взаимно уравниваются, но иногда выступаютъ въ видѣ сочетанія контрастовъ. Простые случаи такихъ контрастныхъ состояній или „двойственныхъ настроеній“, какъ ихъ называютъ въ обычной жизни, мы можемъ въ простой формѣ наблюдать и при опытахъ съ метрономомъ, напр., когда такты слѣдуютъ съ такой медленностью, что напряженіе (ожиданія) уже становится мучительнымъ, а разрѣшеніе и отчасти новое напряженіе еще пріятны.

Переходя отъ ритмическихъ слуховыхъ ощущеній къ любымъ другимъ ощущеніямъ, мы всюду встрѣчаемъ тѣ же пары чувствованій, какія вызывалъ метрономъ. Особенно бросается въ глаза это сходство, если послѣдовательными впечатлѣніями вызывать противоположныя чувствованія. Такъ, красное дѣйствуетъ возбуждающе, а синее, въ сравненіи съ нимъ, успокоительно. Не меньше противоположны низкій и высокій тоны; но здѣсь противоположныя чувствованія уже смѣшанныя, какъ показываютъ самыя выраженія: серьезный, торжественный — для низкихъ тоновъ и веселый, возбуждающій — для высокихъ. Повидимому, при низкихъ тонахъ удовольствіе и неудовольствіе сочетаются въ то цѣльное чувствованіе серьезнаго, къ которому присоединяются еще успокоеніе, если низкій тонъ звучитъ въ контрастъ предшествовавшимъ высокимъ.

Чувствованія, связанныя съ впечатлѣніями осязанія, обонанія и вкуса, значительно однообразнѣе и проще. Здѣсь, напр., противоположны сильное неудовольствіе отъ болевыхъ ощущеній и удовольствіе отъ легкаго щекотанія или пріятное впечатлѣніе сладкаго и непріятное очень горькаго и кислаго вкуса. Но уже среди запаховъ встрѣчается много такихъ, которые вызываютъ сложныя чувствованія, напр., пріятный

и въ то-же время возбуждающій запахъ эфиромента, или неприятный и также возбуждающій запахъ амміака и др. Органическія ощущенія тоже вызываютъ часто смѣшанныя чувствованія, но, по преимуществу, удовольствіе или неудовольствіе.

Наконецъ, важное свойство чувствованій состоитъ въ томъ, что они могутъ соединяться въ нѣкоторый послѣдовательный процессъ, примыкающій къ извѣстному теченію представленій. Такой протекающій во времени процессъ, смѣняющихся и вмѣстѣ съ тѣмъ соединенныхъ чувствованій и представленій, мы называемъ *аффектомъ*, при меньшей-же интенсивности и большей продолжительности чувствованій—*настроеніемъ*. Такъ, радость, веселость, надежда суть аффекты съ преобладаніемъ чувствованія удовольствія; гнѣвъ, печаль, забота, боязнь—съ преобладаніемъ неудовольствія. Но въ обоихъ этихъ рядахъ аффектовъ значительное мѣсто занимаютъ также чувствованія возбужденія или успокоенія (послѣднее особенно въ связи съ неудовольствіемъ, причемъ мы называемъ его угнетающимъ), а также напряженія и разрѣшенія. Радость и гнѣвъ суть возбуждающіе, печаль и страхъ—угнетающіе аффекты; надежда, забота, страхъ связаны съ напряженностью, а въ моментъ, когда наступаетъ ожидаемое событіе или когда страхъ проходитъ, проявляется сильное чувствованіе разрѣшенія. Многіе аффекты отличаются, кромѣ того, періодическими измѣненіями, количественными или качественными, въ теченіи смѣняющихся чувствованій. Большія колебанія въ интенсивности характерны для гнѣва, надежды, заботы. Но надежда, страхъ и гнѣвъ отличаются нерѣдко и качественными колебаніями. Надежда и страхъ могутъ чередоваться, и тогда они, въ силу контраста, часто усиливаются. При аффектахъ мы можемъ это теченіе чувствованій наблюдать и объективно въ мимическихъ движеніяхъ мускуловъ лица, а при сильныхъ аффектахъ также и на другихъ мускулахъ. Эти мимическія и пантомимическія, такъ наз., „выразительныя движенія“

связаны всегда съ характерными измѣненіями біеній сердца и дыхательныхъ движеній, которыя являются настолько тонкими признаками этихъ субъективныхъ явленій, что наблюдаются и при слабѣйшихъ аффектахъ, и даже при простыхъ чувствованіяхъ, не соединенныхъ еще въ аффектъ. Сюда принадлежатъ также происходяція часто при аффектѣ расширенія и суженія мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, особенно лица, напр., покраснѣніе при стыдѣ и гнѣвѣ, поблѣднѣніе при страхѣ и испугѣ.

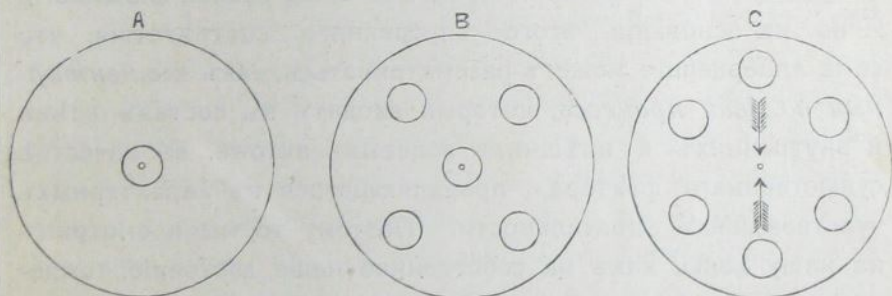
Къ аффектамъ тѣсно примыкаетъ слѣдующій классъ важныхъ сложныхъ процессовъ, протекающихъ во времени: *волевые процессы*. Воля еще и теперь часто считается специфическимъ психическимъ элементомъ или сущность ея видятъ въ представленіи намѣреннаго дѣйствія. Но внимательное наблюденіе волевого процесса въ его субъективныхъ и объективныхъ процессахъ показываетъ, что онъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ аффектамъ и долженъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, разсматриваться какъ теченіе чувствованій. Не бываетъ воленія безъ болѣе или менѣе интенсивныхъ чувствованій, соединенныхъ въ аффектъ. Характерное отличіе волевого процесса отъ аффекта лежитъ, главнымъ образомъ, *въ конечной стадіи* процесса, непосредственно предшествующей волевому дѣйствию и его сопровождающей. Если отнять эту конечную стадію, то останется простой аффектъ. Мы называемъ, напр., аффектомъ гнѣвъ, если человекъ выражаетъ его только въ выразительныхъ движеніяхъ, но говоримъ о дѣйстви въ аффектѣ, если онъ, напр., побьетъ своего противника, вызвавшего его гнѣвъ. Во многихъ случаяхъ аффекты и чувствованія, входящіе въ составъ волевого процесса, слабы, но никогда не бываетъ, чтобъ они совершенно отсутствовали. Произвольныхъ дѣйствій безъ аффекта, изъ чисто умственныхъ соображеній, какъ то принималось многими философами, не существуетъ.

Но волевые процессы отличаются от обычных аффектов некоторыми признаками, придающими волею его особенный характер. Во первых, представления, входящая в волевой процесс и сопровождаемая болѣе или менѣе сильными чувствованіями, находятся в непосредственной связи съ конечной стадіей этого процесса, волевымъ дѣйствіемъ, и ее готовятъ. Такія готовятъ представления, сопровождаемая чувствованіями мы называемъ *мотивами*, а также импульсами или побудительными влеченіями воли. Во вторыхъ, конечная стадія волевого процесса состоитъ изъ характерныхъ чувствованій, которыя при всѣхъ волевыхъ проявленіяхъ в существеномъ одинаковы. Ихъ называемъ мы чувствованіями *дѣятельности*. Они, повидимому, слагаются изъ соединенныхъ чувствованій возбужденія, напряженія и разрѣшенія, какъ то показываетъ и ближайшій субъективный анализъ и сопровождающія ихъ объективныя выраженія, особенно дыхательныя движенія. При этомъ возбужденіе и напряженіе предшествуютъ заключительному дѣйствию, а разрѣшеніе, в связи съ возбужденіемъ, сопровождаютъ дѣйствіе и остаются еще некоторое время и послѣ него. Опредѣляющимъ для волевыхъ процессовъ является число и взаимодействіе мотивовъ. Если имѣется только одинъ мотивъ, вызывающій аффектъ и его разрѣшеніе в дѣйствіе, то подобный волевой процессъ мы называемъ *импульсивнымъ дѣйствіемъ*. Дѣйствія животныхъ почти всецѣло сводятся къ такимъ простымъ волевымъ актамъ. В душевной жизни человѣка они играютъ тоже очень важную роль, в частности, сложные волевые процессы, при частомъ ихъ повтореніи, могутъ превращаться в простые импульсивные акты. Дѣйствія, получающіяся в результатъ многихъ взаимодействующихъ мотивовъ, мы называемъ *произвольными* или, если борьба между мотивами была сознательная, то *дѣйствіями по выбору*¹⁾.

1) В своемъ «Grundriss der Psychologie» Вундтъ поясняетъ различіе этихъ трехъ видовъ волевого процесса слѣдующей схемой:

Въ такихъ случаяхъ, при сложныхъ мотивахъ, характерная для волевыхъ процессовъ конечная стадія имѣеть нѣсколько особую форму. При импульсивныхъ дѣйствіяхъ весь процессъ протекаетъ быстрѣе, заключительныя чувствованія возбужденія, напряженія и разрѣшенія почти сливаются съ самимъ влеченіемъ, при произвольныхъ-же дѣйствіяхъ и, особенно, дѣйствіяхъ по выбору они протекають медленнѣе, то усиливаясь, то ослабѣвая. То-же имѣеть мѣсто и въ такихъ сложныхъ волевыхъ актахъ, которые проявляются не въ опредѣленныхъ внѣшнихъ движеніяхъ, а вызываютъ измѣненія въ процессахъ сознанія. Такого рода внутренніе волевые акты мы находимъ при произвольномъ напряженіи вниманія, при направленіи опредѣленными мотивами мышленія и т. д.

Если ближе прослѣдить чувствованія напряженія, возбужденія и разрѣшенія, составляющія внутренній волевой актъ, то легко замѣтитъ ихъ сходство съ процессами, сопровождающими апперцепцію впечатлѣній и представленій.

На этихъ трехъ чертежахъ большіе круги изображаютъ общій объемъ сознанія, центры ихъ—фиксаціонную точку апперцепціи, малые круги—мотивы дѣйствія. Вступленіе мотива въ фиксаціонную точку есть моментъ рѣшенія воли. Чертежь А изображаетъ импульсивное дѣйствіе (по одному мотиву); В—дѣйствіе произвольное, въ которомъ есть нѣсколько мотивовъ, изъ которыхъ одинъ рѣшительный; С—дѣйствіе по сознательному выбору между мотивами. Эта сознательная борьба мотивовъ изображается стрѣлками, направленными отъ мотивовъ на фиксаціонную точку сознанія.

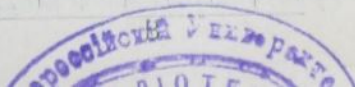
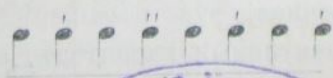
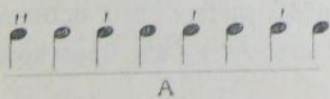
(Примѣч. русск. перевода).

Существенный составъ импульсивныхъ и произвольныхъ дѣйствій, съ одной стороны, и процессовъ апперцепціи или вниманія, съ другой, образуютъ очевидно одни и тѣ-же элементы, объединяемые подъ названіемъ „чувствованій дѣятельности“. Эти процессы сходны и въ томъ, что импульсивному и произвольному актамъ соотвѣтствуютъ и двѣ формы апперцепціи. Когда мы замѣчаемъ впечатлѣніе, данное намъ помимо нашего соучастія, вниманіе обращается на него, такъ сказать, принудительно, подъ вліяніемъ одного этого мотива; мы его воспринимаемъ, можно сказать, „пассивно“, чувствованіе дѣятельности слѣдуетъ всегда лишь за впечатлѣніемъ. Если-же мы обращаемся къ впечатлѣнію, ожидаемому нами, то чувства напряженія и возбужденія ясно предшествуютъ ему: происходитъ „активная“ апперцепція. Эти процессы часто называли „непроизвольнымъ“ и „произвольнымъ“ вниманіемъ. Однако эти выраженія нецѣлесообразны, такъ какъ, въ дѣйствительности, мы въ обоихъ случаяхъ имѣемъ волевые процессы, но, какъ и при импульсивномъ и произвольномъ актахъ, процессы лишь разной сложности. Ясно, на основаніи этого внутренняго соотвѣтствія, что сама апперцепція можетъ разсматриваться, какъ *элементарный волевой процессъ*, который входитъ въ составъ всѣхъ и внутреннихъ и внѣшнихъ волевыхъ актовъ, въ качествѣ существеннаго фактора, проявляющагося въ характерныхъ чувствованіяхъ дѣятельности. Поэтому то мы и смотримъ на нашу волю, какъ на собственное наше достояніе, тождественное съ самой нашей сущностью, на представленіе же — какъ на нѣчто внѣшнее ей, на что наша воля реагируетъ своими чувствованіями. Такимъ образомъ, воля въ концѣ концовъ совпадаетъ съ нашимъ „я“: это я не есть уже ни представленіе ни специфическое чувствованіе; оно состоитъ въ тѣхъ элементарныхъ волевыхъ процессахъ апперцепціи, которые, всегда мѣняясь и въ то-же время сохраняясь, сопровождаютъ процессы сознанія и образуютъ, такимъ образомъ, неизмѣнный субстратъ нашего самосозна-

нія. Ближайшія внѣшнія проявленія этого „я“ суть чувствованія, составляющія не что иное, какъ реакцію апперцепціи на внѣшнія переживанія; дальнѣйшими же являются сами эти внѣшнія переживанія, представленія, изъ коихъ тѣ, которыя никогда насъ не оставляютъ, т. е. представленія нашего собственнаго тѣла, тѣснѣйшимъ образомъ связываются съ дѣйствующими при ихъ воспріятіи волевыми процессами. Поэтому они наивному сознанію кажутся слитыми съ самимъ „я“ въ одно цѣлое.

Итакъ, аффекты, настроенія и волевые процессы суть психическія содержанія, которыя всѣ различаются своеобразнымъ теченіемъ, но не содержатъ въ себѣ никакихъ специфическихъ элементовъ, а разлагаются на одни и тѣ же формы чувствованій. Въ частности, какъ ни своеобразенъ волевой процессъ, эта своеобразность все-же состоитъ не въ какихъ-нибудь особенныхъ элементахъ представленій и чувствованій, а исключительно въ характерѣ соединенія этихъ элементовъ въ аффекты съ особой конечной стадіей, состоящей опять-таки изъ обыкновенныхъ формъ чувствованій.

Но остается отвѣтить на одинъ вопросъ, не разрѣшенный еще тѣмъ, что всѣ чувствованія мы свели на шесть главныхъ формъ—удовольствія и неудовольствія, напряженія и разрѣшенія, возбужденія и успокоенія. Совершенно-ли одинакова каждая изъ этихъ формъ, обладаетъ-ли она всюду, гдѣ ни встрѣчается, совершенно одинаковымъ качествомъ? Или эти формы похожи въ извѣстномъ отношеніи, напр., на синій цвѣтъ, имѣющій много оттѣнковъ, такъ что и каждая основная форма чувствованія является не только въ разныхъ интенсивностяхъ, но и сама имѣетъ разныя качества? Для рѣшенія этого вопроса снова обратимся къ метроному, который и здѣсь окажется пригоденъ. Возьмите 2 такта въ $\frac{4}{4}$, но съ разнымъ расположеніемъ удареній, какъ это показано на схемахъ въ А и В. Оба ряда заключаютъ одина-

ковое число повышений и понижений, но въ разномъ порядкѣ. *A* представляетъ типичный примѣръ нисходящаго такта, *B*—примѣръ вначалѣ восходящаго, а потомъ нисходящаго. При подходящей скорости метронома можно въ его равномѣрныхъ ударахъ одинаково легко слышать тотъ или другой тактъ. Но разъ выборъ между обѣими формами сдѣланъ, то оказывается, что удары, продолжающіе слѣдовать по окончаніи одного такта, *A* или *B*, группируются въ томъ-же порядкѣ, что и въ первомъ актѣ. Такое самопроизвольное повтореніе возможно только благодаря тому, что мы при послѣднемъ ударѣ такта охватываемъ въ сознаниіи весь тактъ, какъ одно цѣлое, дабы затѣмъ слѣдующіе удары подобнымъ-же образомъ располагать, о чемъ уже говорилось выше, при измѣреніи объема сознанія. Но изслѣдованіе чувствованій, которое мы теперь произвели, существенно дополняетъ наши первыя наблюденія. Оно намъ показываетъ, что важную роль при воспріятіи тактовъ играютъ смѣняющіяся чувствованія напряженія и разрѣшенія, часто также возбужденія и успокоенія, а наконецъ, и удовольствія. Послѣднее появляется именно въ концѣ тактового ряда, какъ результатъ сочетанія членовъ въ ритмическое цѣлое. Ясно, такимъ образомъ, что центръ тяжести въ смыслѣ возбужденія чувствованій лежитъ на послѣднемъ тактѣ каждаго ряда, при немъ всѣ послѣдовательныя ритмическія чувствованія соединяются въ одно цѣлое. Несомнѣнно, этимъ именно чувствованіемъ мы и сознаемъ при повтореніи тактовыхъ рядовъ ихъ равенство или неравенство. Апперципируется вѣдь не весь предшествовавшій рядъ самъ по себѣ, котораго большинство членовъ успѣло уже перейти въ болѣе темное поле сознанія, а то цѣльное чувствованіе, которое связано съ послѣднимъ апперципируемымъ членомъ ряда и которое является какъ-бы равнодѣйствующей всѣхъ предшествовавшихъ чувствованій. Если мы сравнимъ это конечное чувствованіе, придающее ритму его особенный аффективный характеръ, въ примѣрѣ *A* и въ примѣрѣ *B*.

то увидимъ, насколько это чувствованіе, съ одной стороны, зависитъ отъ свойствъ и распредѣленія предшествующихъ ему и его составляющихъ чувствованій, а съ другой, насколько оно въ каждомъ случаѣ имѣетъ свое специфическое качество. Правда, и это послѣднее всегда подойдетъ подъ одно или нѣсколько изъ шести основныхъ качествъ, но всегда есть еще въ немъ и особый специфическій оттѣнокъ, отличающій его отъ другихъ того-же вида. Нельзя его разсматривать и какъ простое суммирование чувствованій, связанныхъ съ отдѣльными частями тактового ряда, напр., проявляющіяся въ теченіи рядовъ А и В чувствованія напряженія и разрѣшенія одинаковы или, самое большее, отличаются лишь своей относительной силой; было-бы поэтому непонятно, почему остающееся въ концѣ каждого ряда результирующее чувство оказывается столь различнымъ для обоихъ рядовъ. Въ изложенномъ еще легче убѣдиться, если дѣлать опыты не съ метрономомъ, а просто выстукивая чѣмъ-нибудь ряды А и В, такъ что усиленія ударовъ будутъ не только субъективными, а и объективными, дѣйствительными. Если другой наблюдатель будетъ сравнивать такъ данные послѣдовательно ряды А и В, онъ въ концѣ каждого ряда получитъ столь разнящіяся впечатлѣнія, что не въ состояніи даже увѣренно сказать, одинаковой-ли длины были эти ряды или нѣтъ. Тогда какъ при повтореніи одинаковыхъ въ смыслѣ такта рядовъ мы можемъ охватить какъ цѣлое 5 тактовъ въ $\frac{4}{4}$, мы при измѣненіи ритма не въ состояніи точно сравнить даже одиночные такты, если они разнаго ритма. Концентрированное въ концѣ каждого ряда цѣльное чувствованіе обладаетъ въ каждомъ случаѣ особою, зависящей отъ особенностей ритма качественной окраской, хотя въ ней есть общія всѣмъ такимъ чувствованіямъ удовольствіе и разрѣшеніе предшествовавшихъ напряженій ожиданія. Эти наблюденія существенно дополняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ предыдущія данныя о сочетаніи большихъ тактовыхъ рядовъ. Если мы раньше нашли, что сходство сравнива-

емыхъ рядовъ всегда констатируется при конечномъ ударѣ ряда, и именно непосредственно, въ единомъ апперцепціонномъ актѣ, то теперь это явленіе вполне объясняется объединяющимъ характеромъ и моментальнымъ возникновеніемъ результирующаго цѣльнаго чувствованія. Благодаря послѣднему, конечный ударъ ритмическаго ряда дѣлается представителемъ всего ряда, такъ какъ въ его апперцепціи вполне адекватно концентрируются качества ритмическаго чувствованія, соответствующаго формѣ такта. Такимъ образомъ, качественные оттѣнки чувствованія, вызванные извѣстными представленіями, дѣлаются представителями самихъ этихъ представлений и эта замѣна получаетъ огромное значеніе вслѣдствіе того, что (какъ показывали ритмическіе опыты) представленія, лежащія въ болѣе темныхъ областяхъ сознанія, оказываютъ вліяніе на апперцепцію именно воздѣйствіемъ связанныхъ съ ними чувствованій.

То, что мы видѣли на простыхъ примѣрахъ съ тактами, приложимо и ко всѣмъ представленіямъ вообще. Если соединить ритмъ съ правильнымъ чередованіемъ тоновъ, т. е. взять мелодическій мотивъ, то при повтореніи его произойдетъ точно то-же, что при повтореніи тактовыхъ рядовъ безъ мелодій. Только качественная равнодѣйствующая этого цѣлаго, сосредоточенная и здѣсь на апперцепціи послѣдняго впечатлѣнія и дѣлающая возможнымъ его непосредственное узнаваніе, становится, конечно, значительно болѣе богатой. Въ заключительномъ чувствованіи то, что подготовлялось въ теченіи мелодической смѣны тоновъ, сгущается въ цѣльное, единое и замкнутое проявленіе. Точно то-же самое происходитъ и съ другими представленіями. Съ какими бы слабыми чувствованіями не были связаны извѣстныя представленія, эти послѣднія все-же придаютъ соответственному имъ цѣльному чувствованію нѣкоторую качественную окраску, которая, при отсутствіи болѣе сильной реакціи чувства, является въ видѣ слабыхъ чувствованій напряженія и возбужденія, сопровождающихъ всѣ процессы сознанія, и осо-

бенно апперцепціи. Мы еще остановимся ниже, при разсмотрѣніи разныхъ формъ психическихъ образованій, на большемъ, часто не замѣчаемомъ значеніи этихъ чувствованій для процессовъ сознанія, въ частности, для процессовъ воспоминанія и узнаванія и для, такъ наз., дѣятельности воображенія и разума. Здѣсь-же въ заключеніе отмѣтимъ только результатъ, къ которому приводятъ наши наблюденія относительно сущности чувствованій. Если мы выше назвали ихъ состояніями самого субъекта, субъективной реакціей сознанія, то теперь видимъ, что это опредѣленіе хотя и правильно, но неточно. Психическое значеніе чувствованій, возбуждаемыхъ какимъ-нибудь объективнымъ содержаніемъ сознанія, лежитъ не въ ихъ отношеніи къ сознанію вообще, а въ ихъ тѣсной связи съ процессами апперцепціи. Какъ показываютъ ритмическіе опыты вызванія чувствованій впечатлѣніями, чувство всегда связано съ актомъ апперцепціи и можетъ быть разсматриваемо, какъ *специфическая форма реакціи апперцепціи* на содержанія, данныя въ сознаніи, находящіяся въ связи съ непосредственно апперципируемымъ впечатлѣніемъ.

Остаются еще два вопроса. Почему чувствованію присуща особенность выступать въ видѣ паръ противоположностей, напр., удовольствія—неудовольствія и др.? И почему такихъ паръ противоположностей, т. е. такъ сказать, измѣрній чувствованій, именно три? Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о послѣднихъ, дальнѣйшимъ образомъ неразложимыхъ фактахъ психологическаго опыта, то отвѣтъ не можетъ состоять въ объясненіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это столь-же невозможно, какъ нельзя объяснить, почему синее—синее и красное—красно. Но возможно однако сдѣлать этотъ фактъ болѣе понятнымъ, если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія связи, соединяющей чувствованія съ совокупностью процессовъ сознанія. Взглядъ на чувствованія, какъ на форму реакціи апперцепціи на данныя въ сознаніи содержанія, дѣлаетъ въ извѣстномъ смыслѣ понятными эти

противоположности чувствованій. Мы видѣли, что актъ апперцепціи представляетъ простой актъ воли. Но въ каждомъ воленіи заключается въ скрытомъ состояніи или стремленіе или отталкиваніе: наше воленіе или привлекается желаемымъ предметомъ или отвращается отъ того, что для насъ нежелательно. Въ этомъ и лежитъ общее начало для контраста чувствованій, которое затѣмъ въ основныхъ формахъ ихъ дѣлится на три направленія. А именно, пара противоположностей удовольствіе—неудовольствіе, можетъ разсматриваться, какъ видоизмѣненія указаннаго стремленія и отталкиванія, связанныя съ качественными особенностями впечатлѣній или представленій: то, къ чему мы стремимся, связано съ удовольствіемъ, то, отъ чего мы отвращаемся—съ неудовольствіемъ. Съ другой стороны, пара противоположностей возбужденіе—успокоеніе находится, повидимому, въ прямой связи съ интенсивностью, съ которой апперцепція вступаетъ въ дѣятельность, все равно, какимъ-бы качествомъ содержанія ни вызывалась эта дѣятельность, т. е. является ли это содержаніе пріятнымъ, непріятнымъ или безразличнымъ. Пскольку именно эта дѣятельность, вызываемая опредѣленнымъ содержаніемъ сознанія, можетъ состоять въ усиленіи или уменьшеніи нормальной апперцепціонной дѣятельности, интенсивность реакціи выражается въ парѣ противоположностей — возбужденіи и успокоеніи. Наконецъ, вслѣдствіе связи между собой всѣхъ послѣдовательныхъ процессовъ сознанія, каждый актъ апперцепціи стоитъ въ связи и съ предшествовавшими ему и имѣющими послѣдовать процессами. И смотря по тому, какое направленіе получаетъ перевѣсъ, т. е. вліяютъ-ли сильнѣе только что протекшіе или имѣющіе еще наступить процессы, возникаетъ въ первомъ случаѣ чувствованіе разрѣшенія, во второмъ—напряженія. Такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать каждое чувствованіе, какъ разлагаемое по тремъ измѣреніямъ и въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, причемъ, однако, любое изъ этихъ слагаемыхъ можетъ силь-

нѣе или слабѣе выступать, а то и совсѣмъ отсутствовать, но всегда всѣ эти качества даннаго содержанія въ сознаніи вмѣстѣ взятыя придаютъ цѣлому его специфическую, въ смыслѣ чувствованія, окраску, отличающую его отъ всѣхъ другихъ содержаній.

3. Асоціація.

Какъ показало предыдущее изложеніе, всѣ элементы нашего сознанія связаны другъ съ другомъ. Даже тамъ, гдѣ объективныя впечатлѣнія лишены связи, мы создаемъ ее нашими субъективными ощущеніями и чувствованіями. Такъ, напр., отдѣльные удары тактового ряда сами по себѣ изолированы, но мы ихъ соединяемъ въ одно ритмическое цѣлое посредствомъ нашихъ чувствованій напряженія и расслабленія и сопровождающихъ ихъ слабыхъ мускульныхъ ощущеній. Точно также мы видѣли, что различные комплексы представлений, сложныя чувствованія, аффекты и волевые процессы получаютъ всѣ въ результатъ психическихъ соединительныхъ процессовъ. Спрашивается, какого рода эти связи и какимъ законамъ онѣ слѣдуютъ? ¹⁾

1) Чтобы читатель могъ легче ориентироваться въ дальнѣйшемъ довольно сложномъ изложеніи, даемъ классификацію всѣхъ видовъ соединеній по Вундту.

A. Ассоціативныя соединенія (ассоціація).

а) Одновременныя ассоціаціи:

1. сліянія,
2. ассимиляціи,
3. компликаціи.

б) Послѣдовательныя ассоціаціи:

1. узнанія и воспризнанія,
2. ассоціаціи воспоминаній (по смежности и сходству).

B. Апперцептивныя соединенія.

(Прим. русск. перевода).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ XVIII вѣкѣ англійская психологія обратила вниманіе на значеніе этихъ соединительныхъ процессовъ, психологи обыкновенно называли ихъ „ассоціаціями“ и многіе были того мнѣнія, что одного этого понятія достаточно для всѣхъ психическихъ процессовъ сочетанія. Но мы сейчасъ увидимъ, что при этомъ не считались съ однимъ очень важнымъ различительнымъ признакомъ, проявляющимся во всѣхъ такихъ процессахъ сознанія, и который мы изберемъ основаніемъ для раздѣленія этихъ процессовъ. Это различіе состоитъ въ томъ, что одна часть психическихъ соединеній „сами собой“ образуются, т. е. не сопровождаются тѣми чувствами дѣятельности, которыя, какъ мы видѣли, являются характерной составной частью апперцепціонныхъ и волевыхъ процессовъ,—въ то время, какъ другая часть ихъ тѣсно связана съ этими чувствами дѣятельности. Параллельно этому, процессы соединеній обнаруживаютъ и другія нѣкоторыя различія. Мы поэтому будемъ называть пассивно переживаемые соединительные процессы *ассоціаціями*, а активно переживаемые—*апперцептивными соединеніями* или кратко—*апперцепціями*. Если мы, такимъ образомъ, въ сравненіи съ обычнымъ употребленіемъ, ограничиваемъ объемъ понятія ассоціаціи, то, съ другой стороны, его сильно и расширимъ, подводя подъ него всѣ существующія въ дѣйствительности связи указаннаго рода. Старое ученіе объ ассоціаціи сводило ихъ исключительно къ явленіямъ воспоминанія. При такомъ пониманіи, во-первыхъ, дѣло ограничивается лишь ассоціаціей представленій, во-вторыхъ, при (схематичномъ) процессѣ воспоминанія эти представленія располагаются всегда послѣдовательно во времени: сначала дѣйствуетъ какое-нибудь внѣшнее впечатлѣніе, а затѣмъ оно напоминаетъ намъ что-либо подобное этому впечатлѣнію или стоящее къ нему въ томъ или другомъ отношеніи. Но, какъ покажетъ намъ болѣе близкое ознакомленіе съ вопросомъ, эти процессы воспоминанія составляютъ лишь крайне малую часть всѣхъ ассоціацій и притомъ

имѣющую значительно меньшее значеніе, чѣмъ остальные, въ сравненіи съ которыми они являются притомъ лишь вторичными.

Если расположить всѣ случаи ассоціаціи въ рядъ по простотѣ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по степени объединенности, то началомъ можетъ служить слѣдующій простой опытъ. Если заставить звучать натянутую струну фортепіано, тронувъ ее посрединѣ, то, какъ учить физика, въ колебаніе придетъ не только цѣлая струна, но въ болѣе слабой степени и каждая изъ ея половинъ по отдѣльности, а съ еще меньшими размахами и каждая ея треть, четверть и т. д. Этимъ въ порядкѣ цѣлыхъ чиселъ убывающимъ частичнымъ колебаніямъ соотвѣтствуютъ тоны все болѣе высокіе: половинѣ струны соотвѣтствуетъ октава, трети—квинта этой октавы, четверти—двойная октава и т. д. Если сначала заставить звучать эти высшіе тоны каждый въ отдѣльности (приводя каждый разъ въ колебаніе лишь соотвѣтственную часть струны) и вернуться затѣмъ къ тону цѣлой струны, то при внимательномъ вслушиваніи въ этотъ послѣдній звукъ можно наряду съ сильнымъ основнымъ тономъ ясно уловить и ближайшіе къ нему высшіе тоны, т. наз. обертоны. Поэтому говорятъ: звукъ струны или другого инструмента состоитъ не только изъ *одного* того тона, по которому мы опредѣляемъ его высоту, но, кромѣ того, и изъ ряда обертоновъ, придающихъ ему особую „окраску“, тембръ. Изъ этого видно, что въ воспріятіи звука имѣетъ мѣсто психическая ассоціація, особенно тѣсно объединенная. Вышеупомянутый опытъ сравненія звука съ его отдѣльными обертонами показываетъ, что послѣдніе существуютъ въ общемъ ощущеніи и при достаточномъ вниманіи могутъ быть нами выдѣлены. И тѣмъ не менѣе, при обыкновенныхъ условіяхъ, мы ихъ не воспринимаемъ, какъ самостоятельные тоны, но они являются намъ всѣ вмѣстѣ, какъ нѣкоторое специфическое видоизмѣненіе основного тона, которое мы и называемъ его тембромъ. Такого рода ассоціацію, при которой соединяющіяся ощу-

нія настолько сливаются въ общій результатъ, что уже не ощущаются ясно въ видѣ отдѣльныхъ составныхъ частей, мы называемъ *слиянiями*. Эти слиянiя могутъ быть однако болѣе и менѣе тѣсны. Напр., отдѣльный звукъ есть очень тѣсное слиянiе, аккордъ же—менѣе тѣсное, такъ какъ, хотя и здѣсь отдѣльные тоны довольно сильно соединены, но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ легко могутъ быть ясно выслушаны въ общемъ аккордѣ.

Подобныя слиянiя могутъ происходить и въ другихъ ощущенiяхъ, причеъ они могутъ принимать и болѣе сложныя формы, когда происходитъ слиянiе ощущенiй различныхъ чувствъ. Вслѣдствiе того, что составныя части слитнаго представленiя исчезаютъ въ общей равнодѣйствующей, мы часто не можемъ уловить ихъ непосредственнымъ воспрiятiемъ, какъ то отчасти еще было возможно при звуковыхъ слиянiяхъ, а должны для познанiя ихъ прибѣгать къ косвеннымъ методамъ. Эти методы основываются на принципѣ, что каждое ощущенiе, измѣненiе коего имѣетъ существенное влiянiе на цѣлое представленiе, должно входить какъ часть въ составъ этого представленiя. Прекрасный случай этого рода даютъ намъ пространственныя представленiя осязанiя и зрѣнiя. Если притронуться палочкой къ какому-нибудь мѣсту кожи, то мѣсто это можно опредѣлить довольно точно, даже не видя его. Но въ этой локализации существенную роль играютъ два разныхъ рода ощущенiй, какъ то особенно доказываютъ патологическiе случаи разстройства этой чувствительности. Во первыхъ, послѣдняя сильно затрудняется въ случаяхъ частичнаго прекращенiя чувствительности кожи: пациентъ можетъ въ этомъ случаѣ сильно ошибаться относительно мѣста прикосновенiя. Во вторыхъ, не меньше влiяетъ полный или частичный параличъ мускуловъ затронутаго мѣста, напр., мускуловъ руки, если впечатлѣнiе прикосновенiя произведено на рукѣ: и въ этомъ случаѣ больной часто локализируетъ прикосновенiе совсѣмъ ложно. Мы поэтому должны предположить, что представленiе мѣста при-

косновенія не создается по отдѣльности ни ощущеніями кожи ни ощущеніями мускуловъ, но что его производятъ тѣ и другія вмѣстѣ, въ своемъ сліяніи. Конечно, разъ это сліяніе уже произошло, становится возможной локализация и по однимъ кожнымъ ощущеніямъ. Но что обѣ составныя части — кожныя и мускульныя ощущенія—должны слиться для образованія представленія о мѣстѣ, это ясно показываютъ слѣпые и особенно слѣпорожжденные. При полномъ отсутствіи у нихъ зрѣнія, играющаго для зрячаго господствующую роль во всѣхъ его пространственныхъ представленіяхъ, мы находимъ зато у слѣпыхъ постоянное интенсивное взаимодействіе осязательныхъ ощущений и осязающихъ движеній.

Этому вполне соотвѣтствуютъ и явленія, которыя наблюдаются при образованіи пространственныхъ зрительныхъ впечатлѣній. И здѣсь всегда дѣйствуютъ совмѣстно два рода ощущенийъ. Однимъ являются ощущенія сѣтчатой оболочки глаза, которыя, подобно осязательнымъ ощущеніямъ кожи, мѣняются въ своихъ качествахъ не только въ зависимости отъ характера внѣшнихъ раздражителей, но и съ перемѣной мѣста сѣтчатой оболочки, подвергающагося этимъ впечатлѣніямъ. Вторымъ-же факторомъ оказываются чрезвычайно тонкія ощущенія, сопровождающія разныя положенія и движенія глаза и мѣняющія свою интенсивность въ зависимости отъ величины этихъ движеній. Они аналогичны ощущеніямъ, сопровождающимъ движенія руки при осязаніи. Соотвѣтственно этому мы и здѣсь наблюдаемъ, что въ случаяхъ нарушеній въ расположеніи элементовъ сѣтчатой оболочки, происходящихъ, напр., при внутреннихъ воспаленіяхъ глаза, а также и въ случаяхъ неправильностей въ механизмѣ глазныхъ движеній, зрительное воспріятіе пространства сильно нарушается. Именно, видимые предметы кажутся деформированными или дѣлаются ошибки въ опредѣленіи ихъ величинъ и разстояній. Эти вліянія можно экспериментальнымъ путемъ показать и на нормальномъ глазѣ. Затрудняя дви-

женія глаза, можно вызвать преувеличеніе пространственной видимой величины: если сравнивать, напр., двѣ прямыхъ линіи строго одинаковой длины, изъ коихъ одна пересѣчена нѣсколькими поперечными черточками, что затрудняетъ наши движенія ея послѣдовательнаго осматриванія, то такая раздѣленная линія покажется длиннѣе нераздѣленной. Обратное, возможно систематическими опытами установить измѣненное, сравнительно съ нормальнымъ, соотношеніе между движеніями глаза и ощущеніями сѣтчатой оболочки, причемъ наблюдается, что пространственное видѣніе постепенно приспособляется къ этимъ новымъ отношеніямъ между движеніями глазъ и расположеніемъ элементовъ сѣтчатой оболочки. Если, напр., носить въ продолженіе нѣкотораго времени въ видѣ очковъ призматическія стекла, то сначала мы будемъ видѣть всѣ предметы въ искаженномъ видѣ: прямая линія кажется кривой, кругъ—оваломъ и т. д. Если же носить такіе очки нѣсколько дней, то искаженія прекратятся; можетъ даже случиться, что снявъ потомъ очки, мы получимъ искаженія уже въ противоположномъ случаѣ, т. е. при нормальномъ зрѣніи. Это явленіе можно объяснить только слѣдующимъ образомъ: ощущенія сѣтчатой оболочки по своимъ локальнымъ качествамъ,—можно назвать ихъ „качественными мѣстными знаками“,—сочетаны съ опредѣленными различающимися по интенсивностямъ двигательными ощущеніями глаза, которыя мы можемъ назвать „интенсивными мѣстными знаками“; опредѣляющимъ является при этомъ, вѣроятно, отношеніе къ центру сѣтчатой оболочки. Но опыты съ призматическими очками показываютъ, что эти сочетанія не абсолютно неизмѣнны или прирожденны, а устанавливаются, какъ результатъ упражненія, пріобрѣтены посредствомъ самой функціи и поэтому при измѣненіи условій функціи могутъ уступить мѣсто другому сочетанію. Эта связь явно имѣетъ характеръ ассоціаціи, а поскольку входящія въ составъ ея ощущенія мы узнаемъ лишь изъ того, что при измѣненіи ихъ мѣняется и зависящее отъ

нихъ пространственное представленіе, постольку эта ассоціація должна быть признана сліяніемъ. Но это сліяніе обладаетъ, въ отличіе отъ сліяній тембра звуковъ и аккордовъ, той особенностью, что состоитъ изъ элементовъ различнаго рода ощущеній. Въ ней качественные мѣстные знаки принадлежать чувству зрѣнія, или,—при аналогичныхъ пространственныхъ осязательныхъ воспріятіяхъ,—кожнымъ ощущеніямъ, а сочетанные съ ними интенсивные мѣстные знаки—ощущеніямъ двигательнымъ или мускульнымъ. Въ совокупности-же они образуютъ то, что можно назвать „комплексной системой мѣстныхъ знаковъ“.

Какъ ощущенія могутъ сливаться въ болѣе или менѣе сложныя представленія, такъ и чувствованія сливаются въ сложныя образованія, въ коихъ нѣкоторый элементъ играетъ обыкновенно роль какъ-бы носителя остальныхъ, способныхъ лишь его видоизмѣнять, подобно обертонамъ звука, и эти слитыя чувствованія могутъ, въ свою очередь, тѣснѣйшимъ образомъ соединяться съ соответственными сліяніями представленій. Такъ, впечатлѣніе музыкальнаго аккорда состоитъ изъ обоего рода сліяній, и лишь въ психологическомъ анализѣ мы отдѣляемъ въ немъ ассоціаціи представленій отъ ассоціацій чувствованій, составляющихъ эстетическій характеръ аккорда. Однимъ изъ важныхъ и въ то-же время самымъ простымъ сліяніемъ чувствованій этого рода является, такъ наз., „общее чувство“. Оно состоитъ изъ неопредѣленнаго множества ощущеній нашихъ внутреннихъ органовъ, съ которыми связаны болѣе или менѣе живыя чувствованія, принадлежащія, преимущественно, къ классу удовольствія—неудовольствія. И здѣсь, какъ и въ созвучіяхъ, нѣкоторые элементы господствуютъ, а другіе являются модифицирующими ихъ дополненіями. Наше общее самочувствіе, какъ бодрость и живость или, напротивъ, общее неудовольствіе и вялость, есть продуктъ, главнымъ образомъ, такого комплекса чувствованій, а въ немъ, при нормальныхъ усло-

віяхъ, главную роль играютъ чувствованія, связанная съ мускульными ощущеніями движенія и напряженія.

Наконецъ, очень важная форма сліяній возникаетъ изъ тѣхъ впечатлѣній, преимущественно доставляемыхъ слухомъ и нашими собственными органами движенія, которыя служатъ для нашего представленія о времени. И здѣсь мы можемъ съ помощью метронома уяснить себѣ происходящее. Если процессы сознанія, возникающіе при умѣренной скорости метронома, разложить на ихъ элементы, то найдемъ, что они суть частью ощущенія, частью чувствованія. Ощущеніями являются прежде всего отдѣльные удары такта, раздѣленные интервалами. Но они не единственныя, кромѣ нихъ еще есть, какъ было уже въ своемъ мѣстѣ отмѣчено, слабое ощущеніе напряженія, заполняющее промежутки между ударами и исходящее, вѣроятно, отъ мускула, напрягающаго барабанную перепонку; къ этому присоединяются подобныя-же ощущенія, вызываемыя сокращеніями окружающихъ ухо мимическихъ мускуловъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія ощущенія, весь процессъ представляетъ непрерывно текущую смѣну ощущеній, среди которой выдѣляются слѣдующія съ опредѣленными промежутками болѣе сильныя ощущенія, производимыя ударами такта. Къ этому присоединяются уже описанныя нами постоянно чередующіяся чувствованія напряженія и разрѣшенія, опредѣляющія ритмическій характеръ представленій. Всѣ эти элементы ощущеній и чувствованій образуютъ, въ дѣйствительности, нѣчто цѣлое. Для возникновенія представленія времени ни одна изъ этихъ составныхъ частей не должна отсутствовать. Безъ ощущеній чувствованія дѣлаются безпредметными, они могутъ возникнуть лишь тогда, если происходитъ воспріятіе ощущеній, на которое направляется наше ожиданіе и разрѣшеніе. Съ другой стороны, ощущенія остаются безсвязными, если нѣтъ чувствованій напряженія и разрѣшенія, дѣлающихъ возможнымъ воспріятіе равенства и неравенства послѣдовательныхъ отрѣзковъ времени. Безспорное доказательство—въ слѣду-

ющихъ фактахъ. Если удары такта будутъ настолько замедлены, что въ моментъ вступленія въ сознание новаго ощущенія предыдущее окажется уже исчезнувшимъ изъ него, то представленіе времени дѣлается неувѣреннымъ. Точно то-же произойдетъ, если удары будутъ слѣдовать съ такой скоростью, что чувствованія напряженія и разрѣшенія не смогутъ образоваться. Въ обоихъ случаяхъ если и остается нѣкоторое неопредѣленное представленіе времени, то лишь на основѣ какихъ-нибудь другихъ, внѣшнихъ слуховому процессу моментовъ. Какъ и всѣ наши объективныя измѣренія времени основываются на періодическихъ движеніяхъ—отъ движеній солнца до колебаній камертона—такъ и наше субъективное сознание времени связано съ ритмическими представленіями. Послѣднія являются уже при движеніяхъ ходьбы, большее-же разнообразіе и тонкость они получаютъ благодаря слуху. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ получающееся въ результатѣ представленіе времени разлагается на основу изъ ощущеній и на сопровождающія ихъ чувствованія напряженія и разрѣшенія, ожиданія и исполненія. Въ получаемомъ представленіи времени, эти элементы совершенно сливаются, такъ что и здѣсь вліяніе этихъ факторовъ можетъ быть доказано только тѣмъ, что когда замѣтно измѣняется какой-нибудь изъ нихъ (ощущеніе или чувствованіе), и слитное представленіе терпитъ существенныя измѣненія.

Какъ при сліяніи отдѣльные элементы сознанія соединяются въ сложныя образованія, такъ и эти послѣднія, въ свою очередь, вступаютъ во взаимодействіе, въ результатѣ котораго получаютъ новыя сочетанія. Особенное значеніе среди этихъ ассоціацій второго порядка имѣютъ тѣ, которыя мы можемъ назвать *ассимиляціями* и *диссимиляціями*. Мы ихъ находимъ въ видѣ ассоціацій представленій, тогда какъ соотвѣтственныя имъ ассоціаціи чувствованій или присоединяются къ ассоціаціямъ представленій въ видѣ второстепенной составной ихъ части или образуютъ особый

классъ сложныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессами узнаванія, воспоминанія и др., и какъ таковыя, еще будутъ ниже предметомъ нашего изслѣдованія.

Займемся сначала нѣкоторыми главными явленіями изъ области ассимиляцій и диссимиляцій. Чтобъ начать съ простѣйшаго, пусть одинъ зрительный объектъ вліяетъ ассимилирующе на другой. Это легче всего осуществляется, если различіе между обоими объектами сдѣлать незначительнымъ и, во вторыхъ, поставить ихъ въ такое соотношеніе, которое содѣйствуетъ сознанію ихъ равенства. Начертимъ, напр., въ кругѣ нѣсколько равныхъ секторовъ и еще одинъ съ центральнымъ угломъ нѣсколько меньшимъ: тогда легко возникаетъ склонность считать всѣ секторы равными, т. е. первые вліяютъ ассимилирующе на меньшій секторъ. Чтобъ вызвать противоположное явленіе, диссимиляцію, надо среди нѣсколькихъ небольшихъ секторовъ взять одинъ сравнительно большой; тогда этотъ послѣдній, въ противоположность окружающимъ его меньшимъ, покажется еще больше, въ чемъ легко убѣдиться, если нарисовать внѣ общей фигуры секторъ точно такой-же величины, какъ большой: этотъ отдѣльно лежащій секторъ кажется значительно меньшимъ, чѣмъ равный ему, но окруженный меньшими секторами. Такое диссимиляціонное измѣненіе называютъ *контрастомъ*. Но этотъ контрастъ не надо смѣшивать съ контрастомъ чувствованій, который создаетъ не мнимыя различія въ величинѣ, а качественныя противоположности, какъ удовольствіе и неудовольствіе или ихъ усиленіе.

Важнѣе, чѣмъ эти ассимиляціи и диссимиляціи между непосредственно данными впечатлѣніями, суть тѣ, которыя получаютъ изъ взаимодействія между непосредственнымъ впечатлѣніемъ и представленіями, принадлежащими прежнимъ впечатлѣніямъ, т. е. присоединяющимися благодаря воспоминанію. *Репродуктивныя* ассимиляціи такого рода мы имѣли уже при опытахъ быстрого зрительнаго воспріятія (стр. 23). Мы тамъ видѣли, что часто употребляемое слово

можетъ быть прочитано почти моментально, хотя его размѣръ значительно больше центра вниманія. Очевидно, что эта явная облегченность воспріятія предмета знакомаго зависитъ отъ того, что такой предметъ вызываетъ въ насъ репродукцію прежнихъ соотвѣтственныхъ впечатлѣній и этимъ дѣлаетъ возможнымъ восполненіе неполно воспринимаемаго образа. Въ этомъ легче всего убѣдиться опытами, въ которыхъ произвольно измѣнены нѣкоторыя отдѣльныя буквы длиннаго слова. Оказывается тогда, что такія измѣненія только отчасти или даже вовсе не воспринимаются при быстромъ прочтеніи. Напр., такой комплексъ буквъ какъ „чсловѣкопенавиетникъ“ легко будетъ прочитанъ, какъ „человѣконенавистникъ“, хотя изъ 20 буквъ 3 замѣнены другими. Если вниманіе почему-либо особенно устремляется на какуюнибудь изъ этихъ ошибокъ, она замѣчается, остальные же могутъ все-таки быть восприняты, какъ правильныя. Это явленіе того-же порядка, что обычный пропускъ ошибокъ при чтеніи книги, только въ нашемъ опытѣ неправильному прочтенію благопріятствуетъ мгновенность впечатлѣнія. Считается, что во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто лишь неточное воспріятіе, что ошибку „проглядѣли“. Но опыты съ быстрымъ прочтеніемъ показываютъ, что такое выраженіе не совсѣмъ правильно: въ дѣйствительности дѣло не только въ томъ, что мы не видѣли неправильной буквы, а въ томъ, что видѣли правильную на мѣстѣ неправильной. Если сейчасъ-же за опытомъ быстро прочтенія возстановить себѣ видѣнный образъ, то часто на мѣстѣ неправильной буквы, мы ясно видимъ предъ собой правильную. Это, разумѣется, возможно лишь потому, что неправильный буквенный символъ вытѣсняется правильнымъ, доставляемымъ привычной репродукціей. Такой процессъ состоитъ, очевидно, изъ двухъ частей: изъ вытѣсненія неправильнаго, во первыхъ, и репродукціи правильнаго знака, во вторыхъ. Оба процесса происходятъ одновременно, и вытѣсненіе можетъ поэтому разсматриваться, какъ слѣдствіе ре-

продукціи. Въ этомъ соединеніи двухъ актовъ есть и ассимиляція и диссимиляція: вслѣдствіе ассимиляціи, исходящей изъ остальныхъ частей слова, вызывается правильная буква, которая вмѣстѣ съ остальными вліяетъ диссимилирующе на неправильную букву.

Эти явленія позволяютъ сдѣлать еще одно заключеніе, важное для пониманія всѣхъ ассоціаціонныхъ процессовъ. Трудно предположить, что комплексъ буквъ, подобный вышеприведенному, воздѣйствуетъ на насъ, какъ цѣлое, а затѣмъ, какъ неправильный, замѣняется нами такимъ-же цѣлымъ правильнымъ словомъ. Скорѣе надо полагать, что процессы ассимиляціи и диссимиляціи проявляются только въ отдѣльныхъ неправильныхъ мѣстахъ. Неправдоподобно также, чтобы наблюдатель уже видѣлъ когда-нибудь раньше данное слово какъ разъ въ такой-же величинѣ и такого шрифта, какъ при опытѣ. Поэтому ассимилирующе воздѣйствуетъ на данное впечатлѣніе не какой-нибудь отдѣльный воспоминаемый образъ слова, а неопредѣленное множество всѣхъ такихъ прежнихъ образовъ, и въ совокупности, такъ сказать, переплавляютъ это впечатлѣніе въ форму того слова, которое мы въ концѣ концовъ воспринимаемъ. Отсюда видно, что эти ассоціаціи являются соединеніемъ не цѣлыхъ сложныхъ представленій, а элементовъ, которые могутъ входить въ составъ весьма различныхъ представленій.

Вслѣдствіе этого, ассимиляціи оказываются сходными съ вышеописанными сліянiями. Въ обоихъ случаяхъ элементарнымъ процессомъ является ассоціація, а различіе между обѣими формами состоитъ въ томъ, что при сліянiяхъ элементами являются составныя части сложнаго впечатлѣнія, а въ ассимиляціяхъ эти элементы уже суть части сложныхъ представленій, изъ коихъ они выдѣляются, чтобъ войти въ новыя образованія. Сліянiя и ассимиляціи дѣйствуютъ совмѣстно при всѣхъ чувственныхъ воспріятiяхъ. Въ тотъ моментъ, какъ мы видимъ предметъ, слышимъ созвучіе и т. п., происхо-

дить не только слияніе составныхъ частей впечатлѣнія, но немедленно вызываются также репродуцированные элементы, заполняющіе его пробѣлы и вводящіе его въ среду нашихъ привычныхъ представленій. Эти сплетающіеся другъ съ другомъ процессы происходятъ при всѣхъ чувственныхъ воспріятіяхъ. То, что мы считаемъ непосредственно воспріятымъ, всегда въ значительной части принадлежитъ воспоминанію безчисленныхъ прежнихъ нашихъ впечатлѣній, хотя мы не сознаемъ этой двойственности непосредственно воспріятого и ассимилятивно дополненнаго. Только тамъ, гдѣ репродуцированные элементы настолько преобладаютъ, что приходятъ въ противорѣчіе съ прочими нашими воспріятіями, мы впослѣдствіи говоримъ объ „обманѣ чувствъ“ или „иллюзіи“. Но это есть крайній случай, и рядъ незамѣтныхъ переходовъ ведетъ отъ него къ нормальнымъ ассимиляціямъ, которыя мы тоже можемъ назвать „нормальными иллюзіями“. Такъ, напр., слова какой-нибудь рѣчи долетаютъ до нашего уха часто въ неполномъ видѣ, контуры рисунка или картины тоже не вполне рисуются въ нашемъ глазу. Тѣмъ не менѣе этихъ недостатковъ мы не замѣчаемъ. Но это происходитъ не потому, что мы неточно воспринимаемъ вещи, какъ то иногда объясняютъ, а потому, что воспоминанія доставляютъ намъ богатая средства для восполненія воспринимаемаго образа.

Эту восполнительную ассоціацію въ особенно замѣтномъ видѣ находимъ мы въ тѣхъ случаяхъ, когда собственной ассимиляціи не происходитъ вслѣдствіе того, что ассоціруемые элементы принадлежатъ къ различнымъ родамъ ощущеній. Различіе чувственныхъ качествъ образуетъ въ такихъ случаяхъ преграду, мѣшающую ассимиляціи. Но зато могутъ возникать другія тѣсныя связи, благодаря которымъ при воздѣйствіи впечатлѣнія одного рода воспроизводятся ассоціированныя съ нимъ впечатлѣнія другого рода. Такъ, напр., при чтеніи „про себя“ можно часто замѣтить слабые звуковые образы словъ, къ которымъ присоединяются и слабыя движенія артикуляціи рѣчи. При видѣ музы-

кальнаго инструмента, у насъ репродуцируется слабое ощущение его звука; огнестрѣльное оружіе вызываетъ, когда мы его видимъ, слабый звуковой образъ выстрѣла, или, если мы слышимъ выстрѣлъ, репродуктивный зрительный образъ оружія. Эти ассоціаціи между диспаратными чувственными качествами называютъ *компликаціями* (усложненіями). Онѣ составляютъ важное дополненіе къ ассимиляціямъ, и вмѣстѣ съ послѣдними существенно опредѣляютъ ходъ представленій въ сознаніи.

Такое совмѣстное дѣйствіе ассимиляцій и компликацій, кромѣ того, происходитъ при тѣхъ процессахъ ассоціаціи, которые называются обыкновенно „воспризнаніемъ“ или, если область охватываемая ассоціаціей неопредѣленно велика, — „узнаваніемъ“. Мы воспризнаемъ, напр., знакомаго, котораго мы долго не видали; но мы узнаемъ столъ, какъ столъ, хотя мы его никогда не видали, вслѣдствіе неопредѣленно многихъ ассоціацій съ другими столами, вызываемыхъ имъ. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что эти воспризнанія и узнаванія суть не что иное, какъ ассоціаціи. Мы не должны въ нихъ видѣть логическаго процесса, акта „сужденія“, какъ то подсказывается обычнымъ словоупотребленіемъ. Такой актъ можетъ, конечно, присоединиться къ чисто ассоціативному процессу ассимиляціи, напр., если мы послѣ ассоціаціи даемъ себѣ отчетъ въ ея мотивахъ. Но самъ по себѣ этотъ процессъ есть чистая ассоціація, и сведеніе его на какіе-нибудь акты сужденія, а тѣмъ болѣе рефлексіи, какъ то обычно дѣлаютъ схоластическіе психологи стараго и новаго времени, лишь затемняетъ истинный психологическій характеръ этихъ процессовъ.

Среди ассимиляцій, называемыхъ „воспризнаніями“ интересны тѣ, въ которыхъ осуществленіе ассимиляціоннаго процесса является затрудненнымъ, потому-ли что воспринимаемый предметъ намъ рѣдко встрѣчался, или потому что онъ со времени прежнихъ воспріятій измѣнился. Такъ, напр., мы не сразу воспринимаемъ неожиданно встрѣтив-

шагося пріятеля, котораго давно не видали. Если присмотрѣться ближе къ психологіи этого процесса, всегда оказывается, что сначала возникаетъ впечатлѣніе незнакомаго, чужога челоуѣка, а затѣмъ оно мѣняется, благодаря отдѣльнымъ чертамъ знакомаго лица, апперципируемымъ преимущественно почувствованію. Такъ получается неопредѣленное чувство знакомости, послѣ котораго во второмъ, большей частью быстро слѣдующемъ актѣ происходитъ дѣйствительное воспризнаніе, т. е. собственно ассимиляція. Здѣсь, слѣдовательно, ассимиляція превращается въ *последовательную ассоціацію*, называемую обыкновенно процессомъ воспоминанія. Этотъ процессъ тогда возникаетъ изъ обыкновенной одновременной ассимиляціи, когда послѣдняя встрѣчаетъ какую-нибудь задержку, такъ что первое впечатлѣніе и ассимиляція этого впечатлѣнія образуютъ два последовательныхъ акта. Особенно ясно происходитъ это разчлененіе на последовательные акты тогда, когда мотивы, задерживающіе ассимиляцію настолько сильны, что для оттѣсненія ихъ необходимо присоединеніе какого-нибудь новаго вспомогательнаго мотива. Какъ часто случается, что намъ кланяется лицо, совершенно не узнаваемое нами. Когда-же онъ назоветъ свое имя, вся его личность оказывается намъ хорошо знакомой. Репродуктивная ассимиляція возникла въ такомъ случаѣ лишь благодаря присоединенію вспомогательнаго мотива. Этотъ примѣръ также показываетъ, какъ въ процессѣ воспоминанія, представляющемъ расчлененіе ассимиляціоннаго процесса, могутъ дѣйствовать и complicаціи: имя и черты лица соединены лишь въ смыслѣ complicаціи, но complicація эта составляетъ въ данномъ случаѣ весьма крѣпкую ассоціацію.

Въ этихъ явленіяхъ задержки и способствованія ассимиляціи, которыя мы находимъ въ процессѣ воспризнанія, не малую роль играютъ и чувствованія. Раньше чѣмъ мы въ вышеприведенномъ примѣрѣ узнаемъ давно не виданнаго друга, это готовится въ неопредѣленномъ чувство-

ваніи, переходящемъ затѣмъ сразу, при замѣтномъ усиленіи, въ дѣйствительный актъ узнаванія. Какъ объяснить это чувствованіе? Откуда оно берется и какъ объяснить его переходъ въ ассимиляцію? Говорили о „чувствѣ знакомости“ или даже о „качествѣ знакомости“ и видѣли въ немъ специфическій элементъ, общій всѣмъ воспризнаніямъ. Думали, что оно должно быть присуще каждому знакомому предмету, какъ бы своего рода внѣшній знакъ его. Но принятіе такого, такъ сказать, абстрактнаго символа противрѣчитъ наблюденію. Ибо, какъ бы не было неопредѣленно это чувствованіе въ подготовительный періодъ передъ ассимиляціей, оно все-же имѣетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свое особое качество, соотвѣтственное свойствамъ воспризнаваемого предмета. Напр., одно такое чувствованіе мы испытываемъ при узнаваніи стараго друга, а другое—при узнаваніи мѣстности, по которой мы когда-то проѣзжали; оно также не одинаково, если мы встрѣчаемъ пріятнаго намъ г. X, или г. Y, котораго не желали бы видѣть. Въ такой же мѣрѣ, въ какой различны предметы, различны и ихъ, такъ называемыя, „качества знакомости“. Изъ этого слѣдуетъ, что эти качества суть интегральныя составныя части самихъ предметовъ, конечно не въ ихъ объективной природѣ, а въ ихъ вліяніи на насъ или, точнѣе выражаясь, на нашу апперцепцію. Но мы видѣли, что чувствованія вообще суть воздѣйствіе содержанія представленій, находящихся въ сознаніи, на апперцепцію. Слѣдовательно: качество знакомости есть своеобразный характеръ чувствованія, коимъ обладаетъ для насъ воспризнаваемое представленіе. Такъ какъ это чувствованіе, какъ показали наблюденія, можетъ быть очень живымъ и въ тотъ моментъ, когда ассимиляція новаго представленія старыми еще не произошла, то значитъ, въ этомъ подготовительномъ періодѣ воспризнанія ассимилирующія прежнія представленія уже должны подниматься въ темной области сознанія и вызывать соотвѣтственную реакцію чувствованія, хотя до апперцепціи сами они еще не до-

стигли. Такое толкованіе процесса находить существенную опору въ нашихъ прежнихъ наблюденіяхъ надъ чувствованіемъ ритма. И тамъ, въ сущности, происходило узнаніе. Если мы повторяемъ два одинаковыхъ рода тактовъ непосредственно одинъ за другимъ, мы узнаемъ во второмъ первый. Это, какъ мы раньше убѣдились, возможно благодаря тому, что на послѣднемъ ударѣ каждаго ряда концентрируется цѣльное чувствованіе, которое соотвѣтствуетъ предшествующему ритмическому цѣлому, какъ его специфическая, въ смыслѣ чувствованія, оцѣнка. Точно то-же самое повторяется при замедленномъ воспризнаніи, въ обычныхъ условіяхъ жизни, только, такъ сказать, съ обратнымъ распредѣленіемъ чувствованій. При узнаваніи такта, соотвѣтствующее ему чувствованіе возникаетъ изъ дѣйствія на апперцепцію элементовъ, только что вышедшихъ изъ центра вниманія въ темное поле сознанія; при впечатлѣніи-же, которое еще впервые и только постепенно воспризнается, чувствованіе возникаетъ изъ вліянія элементовъ, уже вошедшихъ въ темную область сознанія, но не поднявшихся еще до центра вниманія.

При этихъ сложныхъ процессахъ узнаванія предметовъ выступаетъ еще одно условіе, совсѣмъ или почти не проявлявшееся при повтореніи тактовыхъ рядовъ, вслѣдствіе простоты ихъ. Оно состоитъ въ томъ, что каждое представленіе возникаетъ въ нашемъ сознаніи въ связи съ другими связанными съ нимъ по времени или пространству, которыя при воспризнаніи тоже вторгаются въ ассимиляцію, то затрудняя ее, то способствуя ей. Въ первомъ случаѣ они могутъ замедлить или сдѣлать совсѣмъ невозможнымъ воспризнаніе, во второмъ—служать вспомогательными для него элементами. Такія побочныя представленія особенно ясно замѣтны тамъ, гдѣ они присоединяются къ главному представленію лишь спустя нѣкоторое время. Таково въ нашемъ примѣрѣ сообщеніе имени, приводящее къ немедленному узнанію личности, или,—если примѣръ сдѣлать проти-

воположнымъ, — когда начинающаяся ассимиляція оттѣсняется, такъ какъ имя не то, которое соотвѣтствуетъ остальнымъ мотивамъ ассимиляціи. Такія побочныя представленія не отсутствуютъ, конечно, и тогда, когда мы ихъ не замѣчаемъ, и они образуютъ даже, хотя лишь темно сознаваемая, но вліяющія на апперцепцію побочныя чувствованія, сопровождающія процессы узнанія и воспрізнанія, наряду съ чувствованіемъ, вызываемымъ главнымъ впечатлѣніемъ. Такимъ образомъ, эти чувствованія всегда, въ сущности, суть равнодѣйствующія цѣлой суммы вліяній, и каждое переживаніе получаетъ, въ результатѣ безконечныхъ разнообразныхъ побочныхъ представленій, сопровождающихъ ассимиляцію и узнаваніе, свою специфическую эмоціональную окраску, отличающую ее отъ предшествовавшихъ или послѣдующихъ.

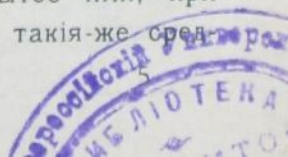
Многія принадлежащія къ этой категоріи явленія не поддаются обычному наблюденію, такъ какъ частое повтореніе дѣлаетъ насъ къ нимъ уже не воспріимчивыми. Въ тѣхъ случаяхъ, когда впечатлѣніе обладало живой окраской чувствованія, а его повтореніе встрѣчаетъ совсѣмъ другое душевное настроеніе, мы можемъ ясно замѣтить, какъ эта первоначальная окраска модифицируется тѣмъ новымъ фономъ, на которомъ оно теперь выступаетъ. Такимъ образомъ, каждый душевный процессъ имѣетъ свою специфическую окраску, даже когда онъ поверхностному взгляду кажется простымъ повтореніемъ предыдущаго: постоянно мѣняющіяся побочныя представленія придаютъ ему своими чувствованіями мѣстный и временный характеръ, которымъ каждое отдѣльное явленіе отличается отъ другого, хотя бы и очень съ нимъ сходнаго по содержанію. Но можетъ произойти и обратное. Кто не знаетъ того страннаго чувства, иногда охватывающаго насъ при какомъ-нибудь событіи, когда намъ кажется, что мы это уже когда-то пережили, хотя мы знаемъ навѣрно, что этого не могло быть? И эти разыгрывающіяся только въ области чувствованій

явленія, мы должны объяснить вліяніями, исходящими отъ темныхъ побочныхъ представленій, которыя могутъ оказываться одинаковыми и тамъ, гдѣ главныя представленія различны. Если эти чувствованія дѣлаются особенно живыми, они могутъ воздѣйствовать на ассимиляціонный процессъ, и тогда новое переживаніе иллюзорно принимается за узнанное старое. Возможно, что извѣстные рассказы про такъ наз., „второе зрѣніе“ или „ясновидѣніе“, которымъ одарены будто-бы нѣкоторыя лица, основываются на особенно живыхъ эмоціональныхъ реакціяхъ такого рода и ихъ вліяніи на ассимиляцію. Какъ постоянно мѣняющіяся констелляціи побочныхъ представленій придаютъ каждому отдѣльному переживанію специфическій колоритъ чувства, которымъ оно отличается отъ другихъ предшествующихъ или послѣдующихъ переживаній, такъ точно въ процессахъ, различныхъ по тѣмъ составнымъ частямъ ихъ, которыя находятся въ центрѣ сознанія, могутъ присутствовать одинаковыя констелляціи побочныхъ представленій, лежащія въ болѣе темной области сознанія.

Сюда надо причислить еще одно явленіе, которое навѣрно знаетъ каждый внимательный наблюдатель своей душевной жизни. Если вызвать въ памяти какое-нибудь прежнее переживаніе или вообще періодъ своей жизни, напр., дѣтство, ученическіе годы, первые годы самостоятельной работы и т. п., то каждое такое значительное событіе или жизненная пора окажется окруженной особымъ чувствомъ, вступающимъ въ ясное взаимодѣйствіе съ вызванными представленіями, увеличивая ихъ живость и само отъ того усиливаясь. Эту необыкновенную интенсивность и специфическое качество эмоціональной окраски трудно объяснить отдѣльнымъ припоминаемымъ представленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ случаяхъ второго рода (когда вспоминаются цѣлые періоды жизни) такихъ отдѣльныхъ, ясно-апперципированныхъ представленій и вообще нѣтъ. Но мы должны и здѣсь принять во вниманіе, что чѣмъ менѣе отчетливо и раз-

дѣльно выступаютъ отдѣльные представленія, тѣмъ больше проявляются многочисленныя темныя побочныя представленія и воспроизводятъ соотвѣтственное цѣльное чувство и тамъ, гдѣ отсутствуетъ ясная репродукція самихъ отдѣльныхъ представленій.

Если мы отъ этихъ отклоненій въ сторону вернемся къ процессамъ узнаванія, то выяснившаяся въ описанныхъ явленіяхъ дѣятельность побочныхъ представленій освѣтитъ намъ кое-какія особенности, встрѣчающіяся какъ при обычномъ узнаваніи, такъ, еще больше, при задержкахъ, которыя оно можетъ испытывать. При замедленномъ актѣ узнаванія проявляется часто интенсивная реакція чувства, которая, въ тѣхъ случаяхъ, когда она можетъ быть поставлена въ связь съ опредѣленными мотивами, указываетъ всегда на побочныя представленія. Обычно эти побочныя представленія лишь темно сознаются, но впослѣдствіи они часто могутъ быть опознаны и тогда оказываются мотивами какъ сопровождающаго, каждый разъ специфически окрашеннаго чувства, такъ и самаго узнаванія. Съ этими явленіями стоятъ въ связи другія, наблюдаемая въ тѣхъ случаяхъ, когда не доходитъ вообще до настоящаго акта узнаванія, или когда процессъ, ограничивающійся вначалѣ лишь чувствованіями, вызванными темными представленіями, болѣе или менѣе неожиданно переходитъ въ актъ воспоминанія. Разъясню нѣкоторыми примѣрами. Кому не случилось часами страдать отъ чувства, что онъ что-то забылъ или упустилъ сдѣлать, и не знать въ то-же время, что именно? Или кто не испыталъ такого переживанія: я выхожу изъ дому, и въ тотъ моментъ, какъ оказываюсь на улицѣ, чувствую, что чего-то нѣтъ, что должно было произойти; случайно прохожу, напр., мимо почтоваго ящика и моментально вспоминаю, что я забылъ взять съ собой срочное письмо. Сюда-же принадлежитъ и мучительное состояніе, когда мы не въ состояніи вспомнить знакомое, но забытое имя; при этомъ сознательно призываются на помощь такія-же сред-

ства припоминанія, какія дѣйствуютъ при замедленномъ воспризнаваніи знакомыхъ лицъ. Всѣ такіе случаи часто называютъ „расположеніями сознанія“ (Bewusstseinslagen), выраженіе, въ сущности, ничего не говорящее, не дающее никакого отчета о природѣ феномена. И здѣсь эти чувствованія забытаго, пропущеннаго, припоминаемаго и пр. отнюдь не одни и тѣ же въ разныхъ случаяхъ, а мѣняются въ зависимости отъ особенностей соотвѣтственнаго представленія. По аналогіи съ нашими опытами узнаванія, мы можемъ ихъ считать эмоціональными воздѣйствіями представленій, лежащихъ въ темной области сознанія, причемъ качество чувствованій всюду зависитъ отъ специфическихъ свойствъ этихъ представленій, въ упомянутыхъ-же случаяхъ выражается преимущественно напряженіями и возбужденіями.

Явленія узнаванія въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣютъ характеръ одновременной ассимиляціи, къ которой присоединяется иногда complicація, а въ разсмотрѣнныхъ же теперь задержанныхъ формахъ непосредственно переходятъ въ ассоціаціи воспоминаній. Эти послѣднія и дали старому ассоціаціонному ученію его общую схему формъ ассоціацій. Они, дѣйствительно, доставляютъ намъ наиболѣе явныя формы ассоціацій, такъ какъ въ нихъ ассоціированныя представленія выступаютъ послѣдовательно. Однако, что эта форма послѣдовательной связи не только не охватываетъ всѣхъ типовъ ассоціаціи, но не является даже важнѣйшей изъ нихъ, въ этомъ мы уже достаточно убѣдились. Въ дѣйствительности, эти послѣдовательныя ассоціаціи воспоминаній можно, по ихъ психологическому составу и способу происхожденія, опредѣлить какъ ассимиляціи и complicаціи, въ которыхъ сочетаніе ихъ составныхъ частей задерживается нѣкоторыми противодѣйствующими мотивами, такъ что эти части выступаютъ уже какъ отдѣльныя представленія. Это особенно явствуетъ изъ случаевъ, въ которыхъ возможенъ постепенный переходъ отъ непосредственнаго „однократнаго“ ассимилятивнаго узнаванія

къ ассоціаціи воспоминанія. Возьмемъ, напр., случай раз-
смотрѣнія портрета, изображающаго знакомое намъ лицо и
пусть нѣсколько такихъ портретовъ имѣютъ разныя сте-
пени схожести съ оригиналомъ. Въ томъ рѣдкомъ случаѣ,
когда портретъ обладаетъ высшей степенью сходства, про-
изоидеть непосредственная, свободная отъ всякихъ задер-
жекъ и замедленій ассимиляція. Если портретъ еще доста-
точно вѣренъ, чтобъ въ немъ безъ труда можно было уз-
нать оригиналь, но все-же имѣетъ и нѣкоторыя чуждыя
черты, процессъ принимаетъ форму замедленной ассимиля-
ціи. При всматриваніи въ портретъ, репродуктивная асси-
миляція вытѣсняетъ чужіе элементы, и поэтому возможно,
что и въ плохо удавшемся портретѣ мы все-таки узнаемъ
знакомое лицо, но на это потребуется уже нѣкоторое вре-
мя. Если же, наконецъ, портретъ очень мало похожъ, то
происходитъ своеобразная борьба между ассимиляціей и
диссимиляціей, причемъ можетъ случиться, что мы, незави-
симо отъ видѣннаго портрета, постараемся вызвать въ па-
мяти воспоминаемый образъ этого лица: такой процессъ
обыкновенно называютъ „ассоціаціей по сходству“, считая,
что видѣнный и вызванный образъ проходятъ послѣдова-
тельно въ сознаніи. Но это—односторонняя схематизація
лишь одного изъ моментовъ процесса, главная-же суть
процесса—борьба между ассимиляціонными и диссимиляці-
онными вліяніями въ такой схемѣ игнорируется.

Есть еще одно условіе, при которомъ ассимиляція
впечатлѣнія разлагается въ послѣдовательный рядъ пред-
ставленій. Это происходитъ именно тогда, если впечатлѣнія
въ прежнемъ опытѣ составляли сложное представленіе,
отдѣльные члены котораго располагались въ порядкѣ
времени, потому-ли, что рядъ самъ былъ временно
послѣдовательнымъ или потому, что онъ, будучи простран-
ственнымъ, требовалъ отъ насъ ряда послѣдовательныхъ
воспріятій. Оба случая въ главномъ тождественны, такъ
какъ обоимъ присущъ характеръ временной послѣдователь-

ности. Если слышатся или читаются слова: „Азь есмь Господь“, то тотъ, кто знаетъ „десять заповѣдей“ самъ склоненъ прибавить: „Богъ твой“, все равно является ли это ему въ видѣ зрительныхъ образовъ словъ, служащихъ продолженіемъ видѣнныхъ, или слабыхъ звуковыхъ образовъ, продолжающихъ слышанное, или, наконецъ, комбинаціей изъ впечатлѣній обоого рода. Такое сочетаніе называется „ассоціаціей по смежности“. И въ этомъ случаѣ многіе считаютъ, что извнѣ возбужденные и репродуцируемые образы ряда непосредственно связаны чистой послѣдовательностью; но и здѣсь это только вымышленная схема, не соотвѣтствующая дѣйствительности. Если внимательно прослѣдить ходъ процесса, можно ясно замѣтить, что репродуцированныя представленія вступаютъ въ сознаніе отнюдь не только тогда, когда непосредственно воспринятія уже вышли изъ центра апперцепціи. Напротивъ, происходитъ то-же явленіе, что при воспринятіи тактового ряда или при замедленномъ узнаваніи предмета. Въ тотъ моментъ, когда апперципируются слова „Азь есмь Господь“, все слѣдующее содержаніе заповѣди уже поднялось въ темную область сознанія, такъ что апперцепцію сразу опредѣляютъ чувствованія, связанныя не только съ ближайшими словами, но и съ содержаніемъ всѣхъ десяти заповѣдей вообще. Слѣдовательно, и здѣсь происходитъ репродуктивная ассимиляція, только, вслѣдствіе распредѣленія во времени вступающихъ во взаимную ассимиляцію частей, части эти апперципируются въ нѣкоторой послѣдовательности, подобно тому, какъ отдѣльные удары такта происходятъ послѣдовательно, въ сознаніи же образуютъ связанное цѣлое. Этотъ процессъ отчасти видоизмѣняется, если впечатлѣніе вызываетъ разные репродуктивные элементы, съ которыми оно, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ сознанія, можетъ ассимилироваться. Если я, напр., слышу слово „отецъ“ внѣ всякой опредѣленной связи съ другими представленіями, то съ нимъ можетъ вступить въ ассимилятивную связь,

смотря по обстоятельствамъ, слова „мать“, или „домъ“, или „страна“ и т. д. Въ такихъ случаяхъ можетъ произойти такая-же борьба между этими различными репродукціями, какую мы видѣли при разсматриваніи непохожаго портрета, и это тоже сопровождается чувствованіями неудовольствія и возбужденія и замедленіемъ всего процесса. Такія явленія при нормальныхъ условіяхъ душевной жизни встрѣчаются лишь рѣдко, но при искусственныхъ,—такъ наз. опытахъ надъ ассоціаціями,—становятся, можно сказать, общимъ правиломъ.

Изъ этихъ наблюденій явствуетъ, что сохраняющееся отчасти и въ новой психологіи дѣленіе всѣхъ ассоціаций воспоминаній на „сочетанія по сходству“ и „сочетанія по смежности“ основывается на схематизаціи этихъ процессовъ, игнорирующей ихъ существенное содержаніе и, въ особенности, тѣсную связь съ одновременными ассоціаціями. Основа такого ученія, оперирующаго больше съ фикціями и шаблонами, чѣмъ съ дѣйствительными явленіями, лежитъ въ ложной попыткѣ обратить представленія, такъ сказать, въ предметы или вещи, которая еще болѣе была закрѣплена ходячей ассоціаціонной психологіей, и уничтожить которую призванъ болѣе глубокой анализъ ассоціаций. Въмѣсто того, чтобы процессы воспоминанія разсматривать какъ предѣльные случаи, развивающіеся въ опредѣленныхъ условіяхъ изъ процессовъ сляній, ассимиляцій и компликацій, въ нихъ видѣли типичную, даже единственную форму ассоціации, и послѣдовательность двухъ зависящихъ другъ отъ друга представленій, связанныхъ только внѣшнимъ сходствомъ или обычной совмѣстностью, приняли за основную схему психическихъ связей вообще. Такимъ образомъ, сложилось мнѣніе, что каждое представленіе есть почти такой-же неизмѣнный объектъ, какъ предметъ, къ которому оно относится. Достаточно, однако, лишь не предвзятаго, свободнаго отъ такъ наз. теорій и правилъ ассоціаций изслѣдованія процессовъ сознанія, чтобы убѣдиться,

что представлѣніе столь-же мало является какой-нибудь сохраняющейся вещью, какъ и чувствованіе, аффектъ или волевой процессъ. Существуютъ только измѣнчивые и проходящіе процессы представлѣнія, но нѣтъ ничего подобнаго постоянно возвращающимся и уходящимъ представлѣніямъ, и эти процессы представлѣнія всюду переплетаются другъ съ другомъ своими элементами. Припоминаемое представлѣніе поэтому вообще такъ-же мало тождественно съ прежде бывшимъ актомъ соотвѣтственнаго припоминанія, какъ и съ первичнымъ впечатлѣніемъ, къ которому оно относится. И какъ представлѣнія не суть сохраняющіяся вещи, точно также они не являются процессами, независимыми отъ чувствованій и аффектовъ: темно сознаваемая представлѣнія вліяютъ своей эмоціональной стороной на апперцепцію, и вслѣдствіе этого апперцепція въ свою очередь получаетъ возможность сочетать отдѣльныя части сознанія въ одно цѣлое. Въ ассоціаціяхъ воспоминаній никогда не ассоціируются цѣлыя сложныя представлѣнія, но каждая ассоціація состоитъ изъ цѣлаго ряда элементарныхъ сочетаній, въ которыя вмѣшиваются процессы задержки и угнетенія, такъ что воспоминаемое представлѣніе можетъ отличаться отъ первоначальныхъ, повтореніемъ которыхъ оно кажется, разнообразнѣйшими измѣненіями, вызываемыми особыми условіями его возникновенія. Ассимиляціи и диссимиляціи, всегда вмѣшивающіяся, какъ факторы репродукціи, въ наши непосредственныя чувственныя воспріятія, образуютъ основную форму явленій и во всѣхъ актахъ воспоминанія. Эти послѣдніе всегда можно свести на процессы ассимиляціи, принимающіе здѣсь форму послѣдовательностей, вслѣдствіе возникшихъ задержекъ или вслѣдствіе временной послѣдовательности въ самомъ представлѣніи.

4. Апперцепція.

Бываютъ случаи тяжелыхъ душевныхъ болѣзней, когда больные быстро произносятъ множество безсвязныхъ словъ, перемѣшанныхъ съ бессмысленными звуками. Этотъ симптомъ разсматривается, какъ частное проявленіе такъ называемаго „вихря идей“. Здоровый человекъ можетъ сдѣлать то же, если станетъ произносить безъ всякой мысли всякія слова, которыя произвольно приходятъ ему въ голову. Вотъ, напр., такой рядъ словъ: „школа домъ садъ строить камни почва твердый мягкій длинный видѣть жатва дождь лить бить“. Сравните съ этимъ связность слѣдующаго отрывка изъ начала седьмой книги „Вильгельма Мейстера“ Гете: „Весна пришла во всей своей красѣ; ранняя гроза, собиравшаяся весь день, прогремѣла въ горахъ, дождь пробѣжалъ по долинѣ, солнце вновь вышло въ своемъ яркомъ блескѣ, и на сѣромъ небосклонѣ явилась чудная радуга“. Чѣмъ отличаются эти оба ряда словъ? Можетъ быть скажутъ, что въ первомъ рядѣ вообще нѣтъ никакой связи между отдѣльными словами; онъ похожъ на помѣщенные въ беспорядкѣ слова словаря. Однако не трудно замѣтить, что и этотъ рядъ не такъ безсвязенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Обыкновенно какая-нибудь ассоціація связываетъ послѣдующее слово съ предыдущимъ, какъ, напр., домъ со школой, садъ съ домомъ и т. д. Иногда связь дается не содержаніемъ представленія, а рифмой, какъ въ словахъ лить, бить. Иной разъ вообще нельзя найти опредѣленной

ассоціаціи. Однако, принявъ во вниманіе тѣ разнообразныя и темныя представленія, скрывающіяся за эмоціональными вліяніями, о которыхъ мы говорили выше, надо допустить и въ этихъ случаяхъ скрытыя ассоціаціи, тѣмъ болѣе, что такихъ случаевъ встрѣчаются сравнительно мало. „Свободное появленіе представленій“, которое признается нѣкоторыми психологами, мы должны безъ колебаній поставить на одну линію съ „случайностью“ въ области физическихъ явленій, которая вѣдь тоже означаетъ лишь неизвѣстную намъ причинность. Съ такой точки зрѣнія первый рядъ словъ оказывается въ каждомъ своемъ членѣ обусловленнымъ ассоціаціей, только этотъ рядъ не образуетъ одного цѣлаго; онъ подобенъ кучѣ камней, изъ которыхъ можно построить домъ или много домовъ, но для такого цѣлаго достааетъ общаго плана постройки, общей связности мысли. Разсматривая-же второй рядъ словъ, мы увидимъ, что и въ немъ отдѣльныя части явно связаны ассоціаціей: общія представленія весны, грозы, горь, дождя, солнца, радуги,—всѣ составляютъ члены въ цѣпи ассоціацій. Но здѣсь эти члены такъ упорядочены, что соединяются въ цѣлую картину, подъ впечатлѣніемъ которой мы видимъ себя въ обстановкѣ и настроеніи, которое хотѣлъ вызвать въ насъ авторъ. Въ этой картинѣ нельзя выкинуть ни одной изъ частей, каждая стоитъ въ связи съ цѣлымъ, которое является, такимъ образомъ, однимъ цѣльнымъ представленіемъ, объединяющимъ въ себѣ всѣ эти ассоціированные члены.

Если далѣе сказать, что второй изъ приведенныхъ рядовъ представленій отличается нѣкоторымъ объективнымъ признакомъ, именно осмысленностью своего порядка, то такое опредѣленіе, въ виду субъективной природы процесса, тоже не будетъ достаточнымъ. Представимъ себѣ, что ребенокъ учитъ приведенныя строки изъ Гете наизусть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смыслъ словъ, какъ то часто бываетъ, и также бессмысленно ихъ затѣмъ произносить; тогда отличіе этихъ фразъ отъ перваго ряда будетъ, съ психологической точки

зрѣнія, только кажущимся: каждое слово, здѣсь какъ и тамъ, связано одной только ассоціаціей съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но единого цѣлаго они въ сознаніи ребенка не образуютъ. Чѣмъ-же отличается это мнимое единство безсмысленно заученныхъ предложеній отъ дѣйствительнаго единства, существовавшаго въ душѣ писателя, когда онъ эти предложенія писалъ, или создающагося въ душѣ понимающаго читателя, когда онъ воспроизводитъ въ себѣ эту картину? Отвѣтъ на этотъ вопросъ сначала будетъ двойнымъ: авторъ, впервые создавшій въ себѣ этотъ образъ, и читатель, воспроизводящій его, находятся въ различныхъ положеніяхъ. Писатель, раньше чѣмъ напишетъ отдѣльныя предложенія, долженъ имѣть въ своемъ сознаніи цѣлое, хотя-бы въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Пользуясь опять метрономными опытами, мы скажемъ, что его положеніе подобно тому, когда мы въ рядѣ ударовъ старались услышать ритмъ извѣстнаго намъ такта или, когда мы пальцемъ выстукивали рядъ по заранѣ извѣстному намъ ритму; цѣлое уже заранѣ находится въ сознаніи, хотя въ центрѣ апперцепціи отдѣльныя части его вступаютъ постепенно, а затѣмъ, на концѣ періода вновь появляется цѣльное чувствованіе, объединяющее весь рядъ. Положеніе читателя отличается тѣмъ, что хотя онъ съ самаго начала и направляетъ свое вниманіе на цѣльное представленіе, составленное изъ многихъ частей, но это цѣлое онъ создаетъ лишь постепенно подъ впечатлѣніемъ читаемыхъ словъ. У автора, слѣдовательно, цѣлое находится въ началѣ и въ концѣ умственнаго процесса, протекающаго въ видѣ послѣдовательной апперцепціи отдѣльныхъ частей. У читателя-же вначалѣ процесса имѣется только устремленное на цѣлое ожиданіе, выражающееся въ чувствованіяхъ напряженія, устремленныхъ въ извѣстномъ качественномъ направленіи, и этого ожиданія достаточно, чтобъ воспріятіе постепенно выясняющихся частей образа направлялось въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ самъ авторъ доводилъ до своего яснаго сознанія бывшее у него сначала неопредѣленнымъ цѣльное представленіе. Въ обоихъ слу-

чаяхъ, такимъ образомъ, дѣятельность апперцепціи есть тотъ существенный факторъ, которымъ отличается возникновеніе такихъ сочетаній отъ простаго ассоціаціоннаго ряда, и, съ другой стороны, эти сочетанія вновь обращаются въ простую ассоціацію, если отдѣльныя части будутъ связаны между собою только памятью, и воспроизводятся безъ внутренняго единства. Въ послѣднемъ случаѣ воспроизведеніе превращается въ пассивно переживаемый процессъ, которому недостаетъ сознанія собственной дѣятельности, присущаго творчеству мысли у автора и, съ упомянутыми ограниченіями, воспроизведенію чужой мысли у читателя. Въ обоихъ случаяхъ это есть описанное нами и характерное для активной апперцепціи чувство дѣятельности, состоящее изъ чередующихся возбужденій, напряженій и разрѣшеній, которое и дѣлаетъ процессъ существенно отличнымъ отъ простаго ассоціаціи.

Если въ этомъ объективномъ признакѣ—соединеніи многого въ единство, и въ субъективномъ—произвольной дѣятельности, всѣ апперцепціи сходны, то при сравненіи разныхъ мыслительныхъ процессовъ выступаютъ между ними поразительныя различія по *содержанію* соединяемыхъ представленій. Возьмемъ предложеніе вродѣ слѣдующаго, изъ Канта: „Направилась-ли разработка познаній, составляющихъ предметъ дѣятельности разума, по надежному научному пути или нѣтъ, это скоро будетъ видно по результатамъ“. Если сравнить эту фразу изъ „Критики чистаго разума“ съ приведеннымъ выше описаніемъ изъ „Вильгельма Мейстера“, то не кажется-ли, что они принадлежатъ двумъ совершенно различнымъ мірамъ мышленія? Въ одномъ—все наглядно, каждое слово—чувственное представленіе, цѣлое—картина въ словахъ; въ другомъ—ни одного живого представленія, одни отвлеченныя понятія, получающія живое содержаніе лишь въ результатѣ ряда мыслей, вызванныхъ ими. И однако эта абстрактная рѣчь имѣетъ то общее съ нагляднымъ описаніемъ, что въ концѣ концовъ она тоже сводится къ нагляд-

нымъ представлѣніямъ и должна употреблять слова, являющіяся опять-таки впечатлѣніями слуха и зрѣнія, чувственными представлѣніями. Конечно, такія понятія, какъ познаніе, разумъ, наука и даже разработка, дѣятельность, результатъ, изъ которыхъ состоитъ фраза Канта, и въ томъ значеніи, въ какомъ они въ ней приведены, нельзя назвать наглядными. Но основное, первичное значеніе всѣхъ этихъ словъ чувственное. На ранней ступени развитія языка слово работа употреблялось только въ смыслѣ механическомъ, въ смыслѣ видимаго дѣйствія; познаніе означало знаніе, получаемое чувственно, наглядно; слово-же путь еще и нынѣ тѣсно связано съ чувственнымъ представлѣніемъ хожденія, хотя и оно во фразѣ Канта имѣетъ иное значеніе. Изъ того, что чувственныя представлѣнія являются средствами, безъ которыхъ мы никогда не можемъ обойтись, и что самыя абстрактныя мысли также, въ концѣ концовъ, сводятся къ нимъ, можно заключить, что абстрактное, не наглядное мышленіе развилось шагъ за шагомъ изъ нагляднаго. Какъ учить насъ исторія познанія, это произошло благодаря тому, что сначала первоначальныя чувственныя представлѣнія вступали между собой въ многообразныя соотношенія, на болѣе-же высокой ступени эти соотношенія въ свою очередь стали сочетаться, какъ члены единой мысли. Такъ, слово познаніе представляетъ для мыслящаго почти безграничное множество процессовъ нагляднаго познанія, и потому именно и стало отвлеченнымъ понятіемъ, наглядно уже не представимымъ. Такимъ образомъ, благодаря непрерывающемуся сцѣпленію апперцепцій, происходитъ все усиливающееся „сгущеніе“ мышленія, которое оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ сбереженіемъ и экономіей мыслительной работы. Слово, выражающее понятіе, вродѣ познаніе, можно сравнить съ банковымъ билетомъ, обладающимъ почти безграничной монетной цѣнностью. Здѣсь очень подходитъ выраженіе Мефистофеля, обращенное къ ученику: „Одинъ ударъ

вызываетъ тысячу соединеній". Тѣмъ не менѣе, какъ далеко ни ушло мышленіе, съ помощью такого развитія значеній словъ, отъ своей первоначальной чувственной основы, оно все-же протекаетъ въ чувственныхъ образахъ. Потому что, продолжая словами Мефистофеля, „гдѣ не хватаетъ понятій, тамъ на помощь приходятъ слова“. Но слова-то имѣютъ здѣсь очень серьезное значеніе. Они являются дѣйствительнымъ эквивалентомъ непредставимыхъ понятій и превращаютъ абстрактную мысль въ процессъ наглядный, именно, зрительныхъ и слуховыхъ словесныхъ представленій словъ.

Но наряду съ этими прогрессирующими черезъ апперцепцію сгущеніями сохраняетъ свою цѣнность и значеніе также первоначальное наглядное мышленіе и всѣ стадіи его между конкретнымъ объектомъ и самымъ отвлеченнымъ понятіемъ; и въ этомъ рядѣ познавательныхъ цѣнностей особо важное мѣсто занимаетъ самая первоначальная степень вполне нагляднаго мышленія единичныхъ фактовъ дѣйствительности. Она имѣетъ особую цѣнность и для нашей жизни и для нашего мышленія: для нашей жизни, потому что мы сами принадлежимъ къ реально существующему, конкретному міру и дѣйствуемъ на это конкретное; для нашего мышленія— потому что оно должно всегда мыслить свои отвлеченности осуществленными въ конкретныхъ ихъ приложеніяхъ, дабы не утратить подъ собою почвы. Эта особая цѣнность первоначальнаго, еще не обезцвѣченнаго никакими абстракціями нагляднаго мышленія обнаруживается въ томъ, что двѣ области человѣческой духовной дѣятельности, составляющія главную цѣнность человѣческой жизни, а именно, наука и искусство, осуществляютъ обѣ эти формы мышленія. Творенія искусства не въ меньшей степени созданія мысли, какъ и творенія науки; и въ общихъ законахъ своего построенія они слѣдуютъ тѣмъ-же законамъ апперцепціи, которые мы нашли въ старой рѣчи. Какъ мысль находится въ нашемъ сознаніи, какъ цѣлое, которое сначала вліяетъ на апперцепцію своимъ цѣльнымъ

чувствованіемъ, а затѣмъ въ послѣдовательныхъ апперцепціяхъ разчленяетъ свои составныя части, такъ и художникъ, или писатель, или композиторъ имѣютъ предъ собой цѣлое художественное произведеніе, хотя и въ неясныхъ очертаніяхъ, еще раньше, чѣмъ приступаютъ къ выполненію отдѣльныхъ частей, а затѣмъ въ этой расчленяющей дѣятельности выявляется это цѣльное представленіе. Конечно, вслѣдствіе вліянія вмѣшивающихся ассоціацій, ходъ мысли, какъ и композиціи художественнаго произведенія, можетъ въ отдѣльныхъ частяхъ претерпѣть важныя измѣненія и дополненія, но законмѣрность процесса въ цѣломъ остается нетронутой. Поэтому художественное произведеніе также нельзя назвать простымъ продуктомъ ассоціаціи, какъ и мысль, логически изложенную въ отдѣльныхъ предложеніяхъ.

Въ этихъ психологическихъ наблюденіяхъ находятъ объясненіе различныя явленія обыденной жизни. Прежде всего сюда принадлежитъ тотъ мало обращающій на себя вниманіе фактъ, что мы въ своей рѣчи легко и сразу выражаемъ сложнѣйшія мысли, хотя въ началѣ предложеній лишь очень смутно сознаемъ содержащіяся въ нихъ слова, представленія и ихъ сочетанія. Многія лица спотыкаются, когда имъ приходится публично говорить, только потому, что у нихъ исчезаетъ эта увѣренность въ саморегулированіи хода мыслей, и они думаютъ, что подходящій переходъ отъ одного слова къ другому придется искать. Тогда какъ въ непринужденномъ разговорѣ они безъ труда составляютъ фразы сложнѣйшей конструкціи, ихъ публичная рѣчь оказывается безпомощной, и каждую минуту ей угрожаетъ опасность полной остановки. Въ такихъ случаяхъ безусловное довѣріе къ свободному и самопроизвольному сложенію мысли есть лучшее средство побѣждать эти трудности, хотя этому можетъ помочь и раціональное педагогическое руководство.

Если наблюдать процессы, связывающіе начало и конецъ фразы, состоящей изъ одного предложенія или изъ нѣсколькихъ, образующихъ одну мысль, то легко увидѣть,

что уже при произнесении первого слова общее содержание присутствует в сознании в виде соответствующего ему чувствования, тогда как из представлений и выражающих их слов только одни лишь начальныя ясно сознаются. Если изложение протекает без ассоциативных отклонений и дополнений, придающих иногда мысли части, от которых она сначала была далека, то можно заметить, что начальное чувствование вполне согласуется с конечным, сопровождающим заключение выраженной мысли. Но конечное чувствование, сопровождающее последнее слово, бывает интенсивнее и вместе с тем уже переходит в чувствование, подготовляющее следующую мысль. Что эти наблюдения вполне совпадают с тем, что мы видели при опытах с метрономом, само бросается в глаза. Только условия при этих опытах были проще и точнее, так что более неопределенныя наблюдения над мышлением и речью приобретают лишь через них свою очевидность.

Описанныя явления получают форму еще более сложную, чем при обычной речи и мышлении, там, где процессы мышления служат для обширных творений. Конечно, и художник, охваченный идеей большого художественнаго произведения, и философ, занятый какой-нибудь сложной системой мысли, имеют передь собой свою идею в целомъ, раньше чем они приступают къ осуществлению ея, и здѣсь также это цѣлое существует первоначально лишь в видѣ неопределеннаго цѣльнаго чувствования, направляющаго ходъ мыслей, и принимаетъ ясную форму по мѣрѣ развитія ихъ. Но при этомъ, т. е. въ такихъ сложныхъ случаяхъ, отвлекающія вліянія значительно увеличиваются и мѣняютъ качество чувствования, витающаго надъ цѣлымъ. Поэтому можетъ случиться, что идея послѣ ея осуществленія окажется иной, чемъ она была въ первой концепціи, и такія измѣненія могутъ въ теченіе процесса нѣсколько разъ повториться. Во всѣхъ такихъ случаяхъ измѣненія производятся обыкновенно новыми ассоціациями, вызываемыми от-

дѣльными членами процесса, и эти ассоціаціи, если онѣ не подходят къ предполагавшейся концепціи, могутъ ассимилировать ее или даже совершенно вытѣснить. Съ усложненіемъ творческой дѣятельности мысли, эти стороннія вліянія такъ усиливаются, что нормальное теченіе ея становится исключеніемъ, а преобладаніе преобразующихъ силъ—правиломъ. И если въ большинствѣ случаевъ эти явленія и не поддаются объективному контролю, то есть зато не мало примѣровъ, когда они, по крайней мѣрѣ въ главныхъ моментахъ, явно замѣтны. Такъ, Гетевскій Фаустъ не только носить явные слѣды многократныхъ измѣненій идеи цѣлаго, но надо даже полагать, что поэтъ въ послѣднихъ своихъ концепціяхъ забылъ первую; а въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“, можно думать, онъ чуть-ли не сознательно далъ волю игрѣ вызванныхъ дѣйствіемъ ассоціацій. Если это и крайніе случаи, то все-же сомнительно, чтобы въ области искусства или науки нашлись творенія, на созданіи которыхъ не отразились вмѣшивающіяся вліянія, производимыя частью новыми впечатлѣніями, частью вызываемыми ими и ихъ психической обработкой идеями. Профессиональный языкъ психологовъ примѣняетъ для этихъ двухъ переплетающихся процессовъ термины разсудокъ и фантазія. Если преобладаетъ нормальный порядокъ мысленныхъ образованій, притомъ связанный съ тенденціей къ отвлеченностямъ, это приписывается разсудку; если-же сознание склонно къ свободной игрѣ ассоціацій и нововызванныхъ идей, а также къ болѣе наглядной формѣ мышленія, то говорятъ о дѣятельности фантазіи. Но подъ этими терминами нельзя подразумѣвать какія-либо особыя духовныя способности или даже функціи различнаго рода, а только относительную степень участія входящихъ во всѣ мысленные процессы апперцепцій и ассоціацій. И если школьная традиція считаетъ фантазію специфической принадлежностью искусства, а разсудокъ—науки, то это лишь превратное пониманіе. Наука безъ фантазіи такъ-же невозможна, какъ искусство безъ разсудка.

Какъ схематическія общія понятія разсудка и фантазіи соотвѣтствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ лишь различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ разсматриваются единія сами по себѣ духовныя функціи, и различаются лишь по относительному участию факторовъ, такъ и ассоціаціи и апперцептивныя сочетанія не являются процессами, принадлежащими различнымъ областямъ душевной жизни. Онѣ не только всегда взаимно переплетаются, но апперцепціи оказываются всегда, гдѣ только мы въ состояніи разглядѣть условія ихъ возникновенія, происходящими изъ ассоціацій. Это происхожденіе апперцептивныхъ сочетаній изъ ассоціацій нигдѣ нельзя такъ ясно показать, какъ въ области рѣчи, представляющей мышленіе въ его наиболѣе доступномъ для насъ объективномъ сложеніи. Одинъ примѣръ, примыкающій къ даннымъ выше образцамъ наглядной и логической формъ мышленія, можетъ разъяснить сказанное. Предложенія изъ „Вильгельма Мейстера“, рисующія наступленіе весны, могутъ служить, какъ мы видѣли, образцомъ чувственно-наглядной формы мышленія. Но и они всецѣло подчинены законамъ логическаго мышленія, которое, въ цѣляхъ образованія одного цѣльнаго представленія, соединяетъ весьма далекіе другъ отъ друга члены фразы и пользуется отвлеченными элементами, въ видѣ грамматическихъ частицъ и флексій, для внесенія распорядка среди частей наглядно воспринимаемаго. На примитивной ступени мышленія и его выраженій въ рѣчи это бываетъ иначе. Возьмемъ для примѣра какую-нибудь простую фразу на нашемъ языкѣ, вродѣ слѣдующей: онъ далъ дѣтямъ грифель. Это предложеніе, для насъ непосредственно понятное, уроженецъ африканской колоніи Того наврядъ-ли пойметъ, если мы его буквально переведемъ на его языкъ. Уже грифель былъ-бы для него слишкомъ отвлеченнымъ понятіемъ. Затѣмъ, онъ не смогъ-бы себѣ представить, какъ можно давать что-нибудь, не взявъ прежде эту вещь. Понятіе дѣти онъ не можетъ образовать безъ мысли о томъ, чьи это дѣти. Остальные-же элементы а-н

шого предложенія, служащіе для соединенія цѣлаго въ одно представленіе, каковы падежныя и глагольныя окончанія, покажутся ему странной смѣсью разныхъ словъ. Поэтому это предложеніе на языкѣ негра изъ Того должно быть сказано слѣд. образомъ: „онъ взять камень писать что-нибудь его дать чье-нибудь дитя они“. И надо еще помнить, что и такой буквальный переводъ носить слѣды понятій нашей культуры, потому что въ языкѣ Того совершенно нѣтъ, напр., различій между существительными и глаголами. Но если мы ближе присмотримся къ подобному предложенію, то замѣтимъ, что въ немъ представленія именно расположены какъ разъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ процессъ проходитъ въ нашемъ воспріятіи, и такъ какъ каждое слово выражаетъ здѣсь, собственно, только одно представленіе, не подводя его подъ какую-нибудь грамматическую категорію, которая въ этомъ языкѣ вообще отсутствуютъ, то выраженіе мыслей въ данномъ случаѣ находится по существу на ступени почти чистой ассоціаціи представленій. Отъ совершенно непланомѣрной ассоціаціи, какую мы имѣли въ приведенномъ въ началѣ этой главы примѣрѣ „школа домъ садъ и т. д.“, это предложеніе отличается только тѣмъ, что непосредственно слѣдуетъ въ своихъ членахъ видѣнному явленію, т. е. такъ его воспроизводитъ въ воспоминаніи, какъ это явленіе само протекало въ воспріятіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь ясно выступаютъ передъ нами и оба мотива, заставляющіе чистую ассоціацію, вслѣдствіе въ ней самой заложенныхъ причинъ, превращаться въ апперцептивное сочетаніе. Одинъ изъ этихъ мотивовъ—объективный. Онъ лежитъ въ законмѣрномъ сцѣпленіи внѣшнихъ явленій, представляющихся нашему воспріятію и заставляющихъ тѣмъ и ассоціацію сочетать представленія въ томъ-же правильномъ порядкѣ. Такой рядъ, какъ „школа домъ садъ и т. д.“, возможенъ лишь тогда, когда теченіе мысли отдѣляется отъ воспріятія и слѣдуетъ лишь случайнымъ внутреннимъ мотивамъ, остающимся по устраненіи

регулирующаго наше мышленіе порядка внѣшнихъ явленій. Поэтому ассоціація, которая связана съ этими явленіями, является болѣе первоначальной, закономѣрность теченія явленій въ природѣ придаетъ ту-же закономѣрность и этой нормальной ассоціаці нашихъ представленій. Но къ этому объективному мотиву присоединяется второй, субъективный. Мы не могли-бы ассоціативно сохранять и воспроизводить представляющійся намъ въ опредѣленномъ порядкѣ рядъ впечатлѣній, если-бы вниманіе наше не слѣдило шагъ за шагомъ за отдѣльными частями этого ряда, дабы затѣмъ соединить ихъ въ одно цѣлое. Такъ возникаетъ изъ естественной связи вещей въ природѣ, среди которыхъ человѣкъ живетъ, упорядоченное мышленіе, но само это мышленіе есть сначала не что иное, какъ субъективное воспроизведеніе закономѣрности явленій природы. Это воспроизведеніе однако возможно, съ своей стороны, только благодаря волѣ, управляющей сочетаніемъ представленій. Такимъ образомъ, человѣческое мышленіе, какъ и человѣкъ самъ, есть одновременно и продуктъ природы и твореніе его собственной духовной жизни, находящей въ волѣ то единство, которое превращаетъ необозримое многообразіе психическихъ содержаній въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, развитіе апперцептивныхъ соединеній мыслей изъ ассоціацій подтверждаетъ сдѣланный нами при изслѣдованіи волевыхъ процессовъ выводъ, что каждому внѣшнему произвольному дѣйствію соотвѣтствуютъ внутренніе волевые акты, состоящіе именно въ воздѣйствіи воли на теченіе мыслей. Эта связь между внутреннимъ и внѣшнимъ воленіемъ находитъ теперь свое самое ясное выраженіе въ тѣсной связи между мыслью и рѣчью. Мы не можемъ дѣйствовать во внѣ, не совершая тѣмъ внутреннихъ волевыхъ дѣйствій. Поэтому господству воли надъ первоначально беспорядочными ассоціаціями, съ самаго начала соотвѣтствуетъ, какъ внѣшнее волевое проявленіе, упорядоченное выраженіе мыслей въ рѣчи. Какъ-бы близко не стояло мышленіе въ первобытномъ языкѣ

къ чистой ассоціаціи представленій, какъ то показываетъ вышеприведенный примѣръ, но уже и въ такомъ мышленіи ясно проявляется господство воли, именно во внутренней связности ассоціаціоннаго ряда. Этимъ дана почва для развитія, путемъ все усиливающихся сгущеній и сочетаній мышленія, сложнѣйшихъ апперцептивныхъ формъ, находящихъ одновременно адекватное выраженіе въ формахъ языка. Эта связь между внутренними и внѣшними воленіями, которая такъ ясно проявляется въ связи между мыслью и рѣчью, имѣетъ столь-же важное практическое значеніе, какъ и теоретическое. Она открываетъ намъ не только пониманіе высшихъ произведеній человѣческой душевной жизни, но и настоятельно указываетъ, что воспитаніе воли,—важнѣйшая для образованія характера часть воспитанія,—не должно быть исключительно и даже главнымъ образомъ направлено на внѣшнія дѣйствія. Скорѣе главнымъ объектомъ этого воспитанія должно быть внутреннее воленіе, выражающееся въ упорядоченіи мышленія, укрѣпленіе котораго противъ отвлекающей игры ассоціацій есть важнѣйшая и труднѣйшая задача.

Часто пытались изучать процессы мышленія иными путями, чѣмъ тѣмъ, по которому мы теперь слѣдовали. Во первыхъ думали, что лучше всего въ основу психологическаго анализа процессовъ мышленія положить законы логическаго мышленія, установленные еще со временъ Аристотеля въ научной логикѣ. На это превращеніе психическихъ процессовъ въ логическія сужденія и заключенія схоластическая философія затратила массу остроумія, и ея послѣдователи встрѣчаются еще и въ наше время. Такое превращеніе всего психическаго въ логическое было произведено не только съ мыслительными процессами въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и съ ассоціаціями, процессами чувственнаго воспріятія, простыми ощущеніями, чувствованіями, аффектами и пр., такъ что въ этой старой схоластической психологіи человѣческое сознаніе оказалось само схоластическимъ

философомъ, направляющимъ свои дѣйствія по законамъ логики. Но эти законы въ дѣйствительности представляютъ лишь поздній продуктъ научнаго развитія, предполагающей длинную, опредѣляемую множествомъ своеобразныхъ факторовъ, исторію мышленія. Поэтому попытка объяснить этими нормами,—пригодными только для небольшой части мыслительныхъ процессовъ, и притомъ, въ развитомъ сознаніи,—все мышленіе, въ психологическомъ смыслѣ слова, можетъ вести только къ подмѣнѣ дѣйствительныхъ фактовъ сѣтью логическихъ разсужденій. Дѣйствительно, эти попытки оказались по результатамъ совершенно безплодными: психическіе процессы, какъ таковыя, оставались безъ разсмотрѣнія, а для изслѣдованія логическихъ законовъ также ничего не было сдѣлано, такъ какъ въ нихъ видѣли первичные факты сознанія ¹⁾).

Нѣкоторые ²⁾ психологи думали улучшить этотъ методъ, призвавъ на помощь самонаблюденіе. Они надѣялись, направивъ вниманіе на собственное сознаніе, разобраться въ томъ, что въ насъ происходитъ, когда мы мыслимъ. Или пытались добиться той-же цѣли тѣмъ, что задавали другому лицу какой-нибудь вопросъ, долженствовавшій вызвать въ немъ процессы мышленія, а затѣмъ разспрашивали это лицо о сдѣланныхъ при этомъ самонаблюденіяхъ. Что изъ такихъ попытокъ сразу и безъ всякихъ приготовленій познать сложнѣйшіе душевные процессы ничего не могло выйти, должно быть ясно всякому, слѣдившему за произведеннымъ нами выше изслѣдованіемъ. Безъ тщательнаго анализа элементарныхъ психическихъ процессовъ, а также отношеній между вниманіемъ и остальнымъ объемомъ сознанія и примѣшивающихся сюда многообразныхъ чувствованій, невоз-

¹⁾ Вундтъ имѣетъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, Ф. Brentano и австрійскую школу психологовъ.

²⁾ Имѣются въ виду новѣйшія изслѣдованія «Вюрцбургской школы» (Кюльпе, Ваттъ, Мессеръ, Бюлеръ и др.).

(Примѣчанія русск. перевода).

можно понять общія условія и, такъ сказать, среду, въ которой живетъ наше мышленіе, а слѣдовательно, и понять само это мышленіе въ его психологическомъ составѣ. Поэтому всѣ такія попытки разрѣшить проблему мышленія непосредственнымъ наблюденіемъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Нѣкоторые психологи объясняли это не ошибочностью своего метода, а самой сущностью мышленія. Заявляли, что оно безсознательно ¹⁾, слѣдовательно, такъ какъ все чувственно-воспринимаемое входитъ въ сознаніе, и сверхчувственно, и для объясненія его остается довѣряться собственнымъ спекуляціямъ. Этимъ опять открывалась дверь для толкованія психическихъ явленій произвольными логическими построеніями. Этотъ мнимый методъ точнаго самонаблюденія кончилъ, такимъ образомъ, тѣмъ-же, съ чего онъ началъ: схоластикой.

А между тѣмъ для психологіи, также какъ и для другихъ наукъ, является обязательнымъ правиломъ, что нельзя понять сложныхъ феноменовъ, не ознакомившись предварительно съ простыми. Согласно этому, общія явленія теченія простыхъ процессовъ въ сознаніи, каковыя мы въ самой наглядной формѣ и при простѣйшихъ условіяхъ встрѣчаемъ при наблюденіяхъ надъ сочетаніемъ и сравненіемъ рядовъ тактовъ, являются общими основными условіями и для сложныхъ мыслительныхъ процессовъ. Конечно, эти формальныя условія всякаго процесса сознанія недостаточны для объясненія особыхъ свойствъ и явленій развитаго мышленія. Для этого надо обратиться къ изученію самаго этого развитія, какъ оно засвидѣтельствовано въ формахъ языка на различныхъ ступеняхъ его развитія. Къ сожалѣнію, наиболѣе доступное нашему наблюденію развитіе ребенка даетъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, по понятнымъ причинамъ, только скудныя, а частью и сомнительныя свѣдѣнія.

¹⁾ Напр., Марбе и др.

(Прим. русск. перевода).

Въ основѣ мышленія и рѣчи ребенка въ нашихъ современныхъ культурныхъ условіяхъ лежитъ множество унаслѣдованныхъ предрасположеній, вліяніе которыхъ нельзя точно опредѣлить; кромѣ того, невозможно изолировать ребенка отъ вліяній, которыя оказываетъ на него съ самаго перваго момента окружающая его среда. Духовное развитіе ребенка оказывается, такимъ образомъ, не только ускореннымъ, но, въ сравненіи съ самопроизвольнымъ, во многихъ отношеніяхъ и существенно измѣненнымъ. Но зато въ духовной жизни первобытныхъ народовъ мы имѣемъ именно такія ступени самопроизвольнаго и во многихъ случаяхъ свободнаго отъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній развитія мышленія, и различныя ступени духовной жизни этихъ народовъ находятъ, большей частью, адекватное выраженіе во внѣшнихъ проявленіяхъ, прежде всего въ языкѣ, который является какъ средствомъ выраженія, такъ и орудіемъ мышленія. Поэтому можно на формахъ развитія языковъ наблюдать описанный выше постепенный переходъ ассоціативныхъ процессовъ мышленія въ апперцептивные. Это показалъ приведенный нами на стр. 89 примѣръ сравнительно примитивной формы языка и мышленія. Болѣе подробное изложеніе этого предмета выходитъ уже изъ границъ индивидуальной психологіи и составляетъ задачу психологіи народовъ, къ важнѣйшимъ отдѣламъ которой и принадлежитъ психологическая исторія развитія мышленія въ языкѣ.

5. Законы душевной жизни.

Многіе психологи и философы отрицають вообще существованіе особыхъ законовъ душевной жизни, если подъ этимъ понимать специфическія, отличныя отъ общихъ физическихъ законовъ закономерности. Одни заявляютъ, что всякій физическій законъ есть только психологическое отраженіе физическихъ сочетаній, слагающееся изъ связанныхъ съ извѣстными центральными мозговыми процессами ощущеній. Другіе утверждаютъ, что въ духовной области вообще нѣтъ никакихъ законовъ, и въ томъ именно и состоитъ существенная противоположность между науками о природѣ и науками о духѣ, что только первыя даютъ намъ твердые законы, вторыя-же вообще чужды закономерности. Первое изъ этихъ воззрѣній, принадлежащее материалистической психологіи, опровергается всѣми уже разсмотрѣнными нами явленіями сознанія, такъ какъ это ученіе неспособно объяснить самый фактъ сознанія, совершенно невыводимый изъ физическихъ свойствъ матеріальныхъ молекулъ или атомовъ. То неоспоримое обстоятельство, что не существуетъ процессовъ сознанія, которые не были-бы связаны какимъ-либо образомъ съ физическими процессами, материалистическая гипотеза превращаетъ въ догму, гласящую, что процессы сознанія являются по своей сущности физическими процессами. Это утвержденіе стоитъ въ противорѣчій съ нашимъ непосредственнымъ опытомъ: въ опытѣ намъ данъ человѣкъ и всякое другое подобное ему живое существо, какъ *психо-физическое* единство, а не только какъ физическое.

Второе воззрѣніе, признающее только за естественными науками законы, въ смыслѣ общезначимыхъ нормъ явленій, и принципиально ограничивающее поэтому задачи психологіи лишь описаніемъ фактовъ, образующихъ будто только чисто-случайныя или произвольныя сочетанія, основывается на явно ложномъ перетолкованіи понятія закона. Считаютъ, что только такую правильность явленій можно назвать закономѣрной, которая всегда и неизмѣнно повторяется въ одномъ и томъ-же видѣ. Но такихъ законовъ вообще нѣтъ, даже и въ естественныхъ наукахъ. Напротивъ, повсюду извѣстный законъ лишь постольку опредѣляетъ ходъ явленій, поскольку его дѣйствіе не парализовано другими законами. А вслѣдствіе сложности всѣхъ явленій, каждый процессъ протекаетъ вообще подъ вліяніемъ многихъ законовъ, почему именно самые общіе законы и не могутъ быть показаны во всей ихъ строгости на опытѣ. Такъ, напр., въ механикѣ нѣтъ закона болѣе общаго, чѣмъ такъ называемый „законъ инерціи“. Его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: если пришедшее какимъ-либо образомъ въ движеніе тѣло не подвергнется вліянію другихъ силъ, оно будетъ безпредѣльно двигаться въ томъ-же прямолинейномъ направленіи и съ той-же скоростью. Ясно, что этотъ законъ нигдѣ и никогда не можетъ осуществиться въ дѣйствительности, такъ какъ случая полной независимости отъ новыхъ, измѣняющихъ движеніе силовыхъ вліяній нигдѣ и никогда не можетъ представиться. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ законъ инерціи всеобщимъ закономъ природы, такъ какъ всѣ дѣйствительные процессы движенія оказывается возможнымъ разсматривать, какъ законѣрныя видоизмѣненія этого идеальнаго, не существующаго въ конкретной дѣйствительности случая движенія, свободнаго отъ всѣхъ стороннихъ вліяній.

Если съ этою признанной въ естествознаніи точкою зрѣнія мы подойдемъ къ вопросу о существованіи или несуществованіи психическихъ законовъ, то прежде всего

должны помнить, что психологическими законами можно называть только правильности, проявляющіяся въ процессахъ сознанія, а не тѣ, которыя лежатъ внѣ сознанія, напр., принадлежатъ фізіологическимъ мозговымъ процессамъ. Поэтому, напр., соединенія ощущеній или простыхъ чувствованій зъ сложныя представленія, аффекты и т. п., если они происходятъ съ извѣстной правильностью, могутъ быть названы психическими законами. Напротивъ, тотъ фактъ, напр., что въ темномъ зрительномъ полѣ зрительныя линіи обоихъ глазъ направляются на свѣтящуюся точку, есть фізіологическій, а не психологическій законъ. Само собой разумѣется, что и такого рода физическіе законы могутъ имѣть рѣшающее вліяніе на дѣйствіе извѣстныхъ психическихъ законовъ; но это не должно препятствовать строгому разграниченію этихъ двухъ закономерностей. Для признанія закона психологическимъ требуется, чтобы составляющіе факторы и результаты ихъ были содержаніями нашего непосредственнаго сознанія, т. е. ощущеніями, чувствованіями и ихъ сочетаніями. Если теперь, пользуясь этимъ критеріемъ, мы просмотримъ всѣ многообразные процессы сознанія, затронутые въ нашемъ обзорѣ, то увидимъ, что всѣ эти процессы имѣютъ характеръ строгой закономерности, не въ томъ, конечно, смыслѣ, что эти законы суть правила, не допускающія исключенія,—какъ мы видѣли, такихъ законовъ, вслѣдствіе взаимнаго перекрещиванія вліяній, вообще не существуетъ,—а въ томъ одномъ только и допустимомъ смыслѣ, что каждое сложное явленіе сводится къ закономерному взаимодействию своихъ элементовъ. Если-бы такихъ психологическихъ закономерностей не было, не существовало-бы никакой цѣльности въ нашей душевной жизни, она превратилась бы въ хаосъ безсвязныхъ элементовъ, и само сознаніе, являющееся именно противоположностью такой хаотической безсвязности, не было-бы возможно. Такъ, каждое отдѣльное представленіе есть закономерное сочетаніе ощущеній. Звукъ

извѣстнаго тембра слагается всегда изъ извѣстныхъ элементарныхъ звуковыхъ ощущеній. То, что источники звуковъ, т. е. струны, духовыя трубы и пр., обладаютъ извѣстными физическими свойствами, вслѣдствіе которыхъ и могутъ происходить опредѣленные сочетанія тоновыхъ качествъ въ сознаніи, является, конечно, важнымъ обстоятельствомъ для психическаго закона звуковыхъ сліяній, но сами эти физическіе факты есть все-же нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ этотъ психологическій законъ. Если-бы само сознаніе не было способно къ подобнымъ закономѣрнымъ сочетаніямъ, указанные объективные моменты не имѣли-бы никакого значенія для него. Точно то-же надо сказать и относительно сочетанія свѣтовыхъ ощущеній въ пространственныя представленія, соединенія изображеній предмета въ правомъ и лѣвомъ глазу въ одинъ тѣлесный образъ, возникновенія особыхъ цѣльныхъ чувствованій изъ частичныхъ, какъ то мы нашли въ общемъ чувствованіи и эстетическихъ элементарныхъ чувствованіяхъ, наконецъ, относительно сложенія аффектовъ и волевыхъ процессовъ изъ ихъ элементовъ. Характеръ закономѣрности, обнаруживающійся во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе сложныхъ процессахъ сознанія, особенно проявляется во временной послѣдовательности психическихъ процессовъ. Какъ не было недостаточно старое ученіе объ ассоціаціяхъ, его главная ошибка состояла не столько въ преждевременномъ постулированіи закономѣрностей, сколько въ томъ, что его анализъ не проникалъ достаточно глубоко въ основы этой закономѣрности ассоціативныхъ процессовъ. Наконецъ, послѣднимъ громкимъ свидѣтельствомъ въ пользу закономѣрнаго характера душевныхъ переживаній, являются апперцептивныя сочетанія, специфическимъ продуктомъ которыхъ, какъ мы видѣли, оказывается мышленіе и его сочетанія. Едва-ли возможно найти лучшее доказательство абсурдности теоріи незакономѣрности психическихъ явленій, чѣмъ тотъ выводъ, къ которому она насъ неизбежно приво-

дять, а именно, что само понятіе закона оказывается въ такомъ случаѣ незаконномѣрнымъ. Ибо вѣдь это понятіе законномѣрности есть само не что иное, какъ результатъ психическихъ сочетаній мысли, законномѣрность которыхъ эта теорія отрицаетъ.

Насъ завело бы слишкомъ далеко перечисленіе всего множества отдѣльныхъ психическихъ законовъ, и безъ того упомянутыхъ въ главахъ объ ассоціаціи и апперпепціи. Но какъ въ естествознаніи надъ частными законами возвышаются болѣе общіе основные законы, которые мы можемъ назвать также принципами изслѣдованія, поскольку они являются руководящими требованіями, направляющими всѣ изслѣдованія, такъ и въ психологіи мы можемъ попытаться установить нѣкоторые основные законы, которые должны получаться изъ общаго обзрѣнія частныхъ законномѣрностей. Напр., въ механической физикѣ упомянутый выше законъ инерціи считается основнымъ закономъ; таковымъ въ еще большемъ объемѣ признается законъ сохраненія вещества и родственный ему принципъ сохраненія энергіи. Нашъ вопросъ поэтому мы формулируемъ слѣдующимъ образомъ: существуютъ-ли психологическіе принципы такого же общаго значенія?

Прежде чѣмъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, должно напомнить объ ограниченіи, которому подлежитъ всеобщность руководящихъ принциповъ, даже въ области естествознанія, а тѣмъ болѣе въ психологіи, ввиду значительно болѣе сложной природы психическихъ явленій. Это ограниченіе состоитъ въ томъ, что значеніе каждаго основного закона обусловлено извѣстными обстоятельствами, такъ что тамъ, гдѣ послѣднія отсутствуютъ, тамъ и соотвѣтственный принципъ становится сомнительнымъ или даже совсѣмъ отпадаетъ. Такъ, принципъ сохраненія энергіи дѣйствителенъ лишь тамъ, гдѣ измѣряются величины энергіи въ конечной, т. е. замкнутой матеріальной системѣ. Но онъ теряетъ свое значеніе, если система безконечна по своему протя-

женію или хотя и конечна, но подвержена воздѣйствіямъ извнѣ. Подобное-же ограниченіе надо примѣнить и къ психическимъ основнымъ законамъ, получаемымъ путемъ обобщенія болѣе частныхъ психологическихъ закономерностей. Поскольку именно сознаніе предполагаетъ связность между собою психическихъ явленій, основные психологическіе законы дѣйствительны только въ предѣлахъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто соединеніе психическихъ процессовъ. Такимъ образомъ, могутъ быть основные законы, которымъ подчинены образованія сложныхъ психическихъ процессовъ изъ элементовъ, но не имѣетъ смысла искать закона для совершенно отдѣльныхъ процессовъ, происходящихъ въ сознаніи внѣ всякой связи съ другими процессами. Возможно, что благодаря этому границы приложимости психологическихъ принциповъ окажутся болѣе тѣсными, чѣмъ границы общихъ естественныхъ законовъ. Но это зависитъ отъ того, что психологическія изслѣдованія направляются на внутреннія, а не на внѣшнія отношенія. Надо также имѣть въ виду, что это ограниченіе можетъ компенсироваться самимъ характеромъ психическихъ основныхъ законовъ. Разсмотрѣніе перваго и самаго общаго изъ этихъ законовъ намъ покажетъ, что эти предположенія оправдываются въ дѣйствительности.

Этотъ первый основной законъ касается отношенія въ сложномъ психическомъ процессѣ составныхъ его частей къ тому общему результату, который изъ нихъ образуется. Эти отношенія могутъ, по своему качественному содержанию, быть чрезвычайно разнообразны, такъ что въ этомъ смыслѣ отдѣльные психическіе процессы и по качеству своихъ элементовъ, и по качеству ихъ сочетаній, совершенно несравнимы. Элементарныя свѣтотыя ощущенія столь-же мало сходны съ качествами тоновъ, какъ пространственный зрительный образъ съ созвучіемъ, и отношеніе первыхъ ко вторымъ несходно по качеству съ отношеніемъ элементовъ эстетическаго чувствованія къ самому

этому чувствованію или отдѣльныхъ чувствованій ко всему содержанію аффекта, или, наконецъ, мотивовъ къ волевому процессу, въ составъ котораго они входятъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти случаи съ извѣстной стороны, именно со стороны формы того отношенія, которое существуетъ въ нихъ между составными частями и ихъ результатомъ, всѣ подходятъ подъ одинъ принципъ, который мы можемъ кратко обозначить, какъ *принципъ творческаго синтеза*. Это означаетъ, что во всѣхъ психическихъ соединеніяхъ продуктъ синтеза не является простой суммой составляющихъ его элементовъ, а нѣкоторымъ новымъ по качеству образованіемъ, хотя и предопредѣляемымъ этими элементами въ томъ смыслѣ, что для возникновенія этого новаго качества ничего, кромѣ данныхъ составныхъ его факторовъ, не требуется. Такъ, въ свѣтовыхъ ощущеніяхъ сѣтчатой оболочки и мускульныхъ ощущеніяхъ движенія глаза содержится все существенно-необходимое для возникновенія опредѣленныхъ пространственныхъ образовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, пространственные образы есть нѣчто качественно новое, не разложимое на свойства указанныхъ его элементовъ. Точно также волевой актъ, возникшій подъ вліяніемъ нѣсколькихъ другъ другу содѣйствующихъ или противодѣйствующихъ мотивовъ, есть неизбѣжный продуктъ этихъ мотивовъ, и наблюденіе не можетъ открыть ничего кромѣ этихъ условій его, но въ то-же время самъ этотъ волевой актъ не есть простой результатъ сложенія элементовъ-мотивовъ, а нѣчто новое, въ которомъ эти элементы синтезируются въ новую единую равнодѣйствующую. Эта творческая и въ то же время насквозь законамѣрная природа яснѣе всего выступаетъ въ апперцептивныхъ сочетаніяхъ, и здѣсь она, собственно, уже давно молчаливо признавалась. Всякому извѣстно, что заключеніе, основывающееся на рядѣ отдѣльныхъ мыслительныхъ актовъ, есть результатъ этихъ отдѣльныхъ мыслительныхъ актовъ, и если мы дѣлаемъ обратный анализъ способа его возникновенія,

то находимъ, что онъ съ неизбежною слѣдуетъ изъ этихъ предпосылокъ. На этомъ творческомъ характерѣ апперцептивныхъ сочетаній основывается, прежде всего, закономерность психическихъ развитій, проявляющаяся частью въ отдѣльномъ сознаниі въ теченіе его индивидуальной жизни, частью въ духовномъ общемъ развитіи, представляемомъ культурой и исторіей. Соотвѣтственно этому, высказываемое иногда мнѣніе, что законъ сохраненія энергіи, дѣйствительный для силъ природы, долженъ быть приложенъ и къ духовной жизни, такъ что сумма и ея энергія не возрастаетъ, но остается на одномъ и томъ-же уровнѣ, есть лишь догматическій предразсудокъ и опровергается фактами индивидуальной и общей исторіи развитія. Это, впрочемъ, не исключаетъ того, что иногда, вслѣдствіе упомянутыхъ выше условій, которымъ подчиняются всѣ духовныя образованія, происходятъ отдѣльные перерывы въ духовномъ развитіи или возникаютъ даже возвратныя движенія.

Связь творческаго роста и строгой закономерности, характеризующіе духовную жизнь, обнаруживается въ томъ, что будущіе продукты этой жизни хотя и не могутъ быть предсказаны,—особенно при болѣе сложныхъ процессахъ и широкихъ теченіяхъ,—но зато можно, наоборотъ, отъ данныхъ продуктовъ душевной жизни дѣлать, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, точное заключеніе къ составляющимъ ихъ факторамъ. Психологъ, какъ и психологически мыслящій историкъ, являются какъ-бы „пророками прошлаго“. Если они стоятъ на высотѣ своей задачи, то знаютъ не только, что произошло, но и что должно было произойти при данномъ положеніи вещей. На практикѣ, эта точка зрѣнія въ историческихъ наукахъ давно признана. Но очень важенъ тотъ фактъ, что психологія можетъ доказать существованіе того-же принципа творческаго синтеза, даже въ простѣйшихъ чувственныхъ воспріятіяхъ и душевныхъ движеніяхъ, гдѣ, ввиду простоты условій, обращенная

назадъ дедукція нерѣдко превращается въ предсказаніе явленій.

Законъ творческаго синтеза подвергается значительному измѣненію въ такихъ случаяхъ, когда въ теченіе психическихъ процессовъ вступаютъ стороннія вліянія, исходящія изъ областей, лежащихъ внѣ непосредственно достигнутыхъ синтезовъ и становящіяся, въ свою очередь, самостоятельными условіями новыхъ воздѣйствій, соединяющихся съ прежними въ одно сложное цѣлое. При этомъ можетъ даже случиться, что стороннія вліянія получаютъ перевѣсъ и первоначальные синтезы превратятся какъ-бы въ постороннія вліянія или даже совершенно исчезнутъ. Такія обстоятельства при длинныхъ процессахъ могутъ многократно повторяться и вызывать, такимъ образомъ, цѣпь явленій, члены которой будутъ все дальше и дальше удаляться отъ исходнаго пункта. Особенно часто встрѣчается это въ волевыхъ процессахъ, слагающихся изъ всѣхъ другихъ психическихъ образованій, какъ то показываютъ многочисленные случаи въ психологіи народовъ и исторіи культуры. Каждое вызванное какимъ-нибудь мотивомъ дѣйствіе привноситъ съ собой, кромѣ цѣлей, содержащихся въ мотивѣ, еще и другія, не имѣвшіяся первоначально въ виду послѣдствія. И когда эти послѣднія вступаютъ въ сознаніе и возбуждаютъ въ немъ чувствованія и стремленія, они превращаются, въ свою очередь, въ мотивы, усложняющіе и измѣняющіе первоначальное волевое дѣйствіе или даже замѣняющее его совершенно другимъ. По этой главной формѣ можно разсматриваемое измѣненіе закона творческаго синтеза вообще назвать *принципомъ гетерогоніи* (инородности) *цѣлей*. Онъ имѣетъ огромное значеніе для развитія какъ индивидуальнаго, такъ и общаго сознанія, особенно потому, что отпавшіе первоначальные цѣлевые мотивы почти всегда продолжаютъ все-таки существовать, хотя въ меньшихъ слѣдахъ, наряду съ новыми, заступившими ихъ мѣсто. Такіе остатки первоначальныхъ цѣлей продолжаютъ

жить въ непонятныхъ уже намъ формахъ, напр., въ безчисленномъ множествѣ привычекъ, обычаевъ и, особенно, въ ведущихъ свое начало отъ сѣдой древности религіозныхъ обрядовъ. Но не только эти явленія, а и возникновеніе цѣлей актуальныхъ сдѣлалось-бы необъяснимымъ, если-бъ не принимать во вниманіе имѣющаго во всѣхъ этихъ случаяхъ вліянія принципа гетерогоніи.

Дополненіемъ къ закону творческихъ синтезовъ, а въ извѣстномъ смыслѣ выраженіемъ той-же самой психической закономерности является *законъ (психическихъ) взаимоотношеній*. Какъ законъ творческаго синтеза указываетъ на характеръ синтетическаго единства, присущій всѣмъ сложнымъ психическимъ продуктамъ, такъ законъ взаимоотношеній можно назвать аналитическимъ принципомъ, поскольку именно онъ подчиняетъ нѣкоторому общему правилу взаимоотношенія между самими составными частями, содержащимися въ синтезированномъ цѣломъ. Это правило состоитъ въ томъ, что психическіе элементы каждаго синтетическаго продукта находятся между собою во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ, изъ которыхъ съ необходимостью и возникаетъ данный продуктъ, причемъ этими-же взаимоотношеніями мотивируется и творчески—новый характеръ этого синтеза. При этомъ, подъ словомъ *внутреннія* взаимоотношенія мы понимаемъ такія, которыя зависятъ отъ качественныхъ свойствъ отдѣльныхъ частичныхъ содержаній и противоположны, тѣмъ самымъ, внѣшнимъ взаимоотношеніямъ, зависящимъ отъ формальнаго распорядка содержаній въ пространствѣ и времени. Эти внутреннія взаимоотношенія составныхъ факторовъ специфически отличны отъ внѣшнихъ и въ то-же время дополняютъ ихъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что такимъ внѣшнимъ и внутреннимъ отношеніямъ соотвѣтствуетъ первымъ—естественно-историческая, а вторымъ—психологическая точка зрѣнія на явленія. Процессы естественно-историческіе всецѣло предопредѣляются сочетаніемъ усло-

вѣи времени и пространства, въ которыхъ находятся элементы явленій. Душевныя-же явленія хотя и не могутъ быть совершенно независимы отъ этихъ внѣшнихъ условій-такъ какъ связаны съ естественно-историческими явленіями, но ихъ дѣйствительная сущность покоится на внутреннихъ, качественныхъ соотношеніяхъ синтезирующихся въ цѣлое элементовъ.

Законъ взаимоотношеній охватываетъ, также какъ законъ творческихъ синтезовъ, съ которымъ онъ находится въ тѣснѣйшей связи, всѣ психическія единства какого-бы они не были рода, отъ отдѣльныхъ процессовъ представленій и сложныхъ чувствованій до всей сложности индивидуальнаго и родового развитія духовной жизни. Такъ, сочетаніе извѣстнаго количества тоновыхъ элементовъ въ единый звукъ посредствомъ специфическихъ представленій и чувствованій, являющихся результатомъ этого сочетанія, покоится всецѣло на качественныхъ и интенсивныхъ взаимоотношеніяхъ, въ которыхъ находятся другъ къ другу эти тоны. Это ясно слѣдуетъ изъ законмѣрной зависимости между результатомъ и взаимоотношеніемъ элементовъ, согласно которой каждое измѣненіе послѣднихъ соотвѣтственно мѣняетъ и свойства синтезированнаго результата. Такъ, и пространственный зрительный образъ опредѣляется взаимоотношеніями между ощущеніями сѣтчатой оболочки и ощущеніями мускульнаго напряженія и т. д. Сложное эстетическое чувствованіе есть постольку продуктъ простыхъ эстетическихъ чувствованій, поскольку эти простыя чувствованія своими качественными взаимоотношеніями опредѣляютъ этотъ продуктъ. Наконецъ, и всѣ процессы духовнаго развитія покоятся на соотношеніяхъ составляющихъ ихъ отдѣльныхъ моментовъ, благодаря которымъ эти послѣднія и соединяются въ синтетическія единства. Благодаря этой взаимной связи между закономъ творческаго синтеза и закономъ взаимоотношеній и возможно познаніе значенія cadaго изъ этихъ принциповъ. Мы также неспособны понять психиче-

скую цѣнность творческихъ новообразованій, не принимая во вниманіе внутреннія взаимоотношенія элементовъ, какъ не можемъ понять особенностей этихъ взаимоотношеній, если не будемъ постоянно имѣть въ виду синтетическій продуктъ, являющійся ихъ слѣдствіемъ.

Лучшее доказательство тѣсной связи между обоими принципами даютъ опять-таки апперцептивныя сочетанія, особенно процессы логическаго мышленія, какъ они выражаются въ сочетаніи предложеній въ языкѣ. Мысль предложенія уже сначала находится въ нашемъ сознаніи какъ цѣлое (стр. 81), однако еще не какъ комплексъ представленій, поднявшихся до ясной апперцепціи. На этой стадіи она есть синтетическій продуктъ предшествующихъ процессовъ ассоціаціи и апперцепціи. За этимъ, на второй стадіи выраженія мысли рѣчью, происходитъ расчлененіе этого цѣлаго представленія на части, причемъ всѣ эти части ставятся въ психическія взаимоотношенія одна къ другой. Эти взаимоотношенія называются грамматиками подлежащимъ и сказуемымъ, существительнымъ и прилагательнымъ, глаголомъ и нарѣчіемъ и т. д. Грамматическое значеніе этихъ категорій ясно показываетъ, что здѣсь происходитъ разложеніе въ систему логически взаимоотносящихся частей, которыя, благодаря этому порядку, и соединяются въ единый конечный синтетическій результатъ. При этомъ отношеніе подлежащаго и сказуемаго охватываетъ всѣ остальные—существительнаго и прилагательнаго, глагола и дополненія или нарѣчія, какъ подчиненные себѣ члены, которые, въ свою очередь, связаны другъ съ другомъ частью своими особыми соотношеніями, частью соотношеніями первыхъ двухъ главныхъ частей предложеній. Этимъ объясняется и тотъ психическій фактъ, что, послѣ того какъ процессъ расчлененія мысли закончился, цѣльно представленіе снова появляется въ сознаніи, но только яснѣе, чѣмъ вначалѣ. Точно такимъ-же образомъ и цѣлыя предложенія соединяются дальнѣйшимъ образомъ въ еще болѣе объемистыя цѣпи мыслей, простѣйшія

формы которых обнаруживаются, напр., въ процессахъ умо-
заключенія.

Какъ принципъ творческаго синтеза въ извѣстныхъ особенно важныхъ случаяхъ находитъ свое специфическое приложеніе и въ то-же время дополненіе въ принципъ гетерогоніи цѣлей, такъ принципъ взаимоотношеній находитъ приложеніе и дополненіи въ *принципъ усиливающихъ контрастовъ*. Этотъ послѣдній охватываетъ тѣ изъ взаимоотношеній психическихъ элементовъ и образованій, которыя являются между предѣльными качествами или интенсивностями. Въ области представленій мы видѣли такія вліянія контраста въ ассоціативныхъ ассимиляціяхъ и диссимиляціяхъ. Мы нашли, что при извѣстномъ предѣлѣ различія двухъ ощущеній или представленій, напр., двухъ пространственныхъ или двухъ временныхъ величинъ, двухъ звуковыхъ или свѣтовыхъ ощущеній, ассимиляція, имѣющая мѣсто при меньшихъ различіяхъ, сразу переходитъ въ диссимиляцію: впечатлѣнія больше не уравниваются одно другому, а напротивъ, они расходятся въ смыслѣ противоположности. Въ другой, особенно важной формѣ, мы встрѣчаемъ этотъ принципъ въ области чувствованій, гдѣ онъ стоитъ въ связи съ дуализмомъ, свойственнымъ всѣмъ процессамъ чувствованій и ихъ сочетаніямъ. Согласно этому дуализму, каждому чувствованію противостоитъ контрастное чувствованіе: удовольствію—неудовольствіе, возбужденію—успокоеніе, напряженію—разрѣшеніе. Здѣсь принципъ взаимоотношеній проявляется прежде всего въ томъ, что чередованіе противоположныхъ чувствованій усиливаетъ контрастъ ихъ. Такъ, удовольствіе воспринимается интенсивнѣе и яснѣе въ его специфическомъ качествѣ, если ему предшествовало неудовольствіе. Таково-же отношеніе между возбужденіемъ и успокоеніемъ, напряженіемъ и разрѣшеніемъ.

Но и законъ контраста не ограничивается только взаимоотношеніями отдѣльныхъ, стоящихъ непосредственно одно за другимъ или рядомъ содержаній сознанія. Его важ-

ное значеніе особенно проявляется въ большихъ рядахъ явленій нашей душевной жизни. Вдумчивые историки давно замѣтили, что въ историческомъ развитіи періоды подъема и паденія не только слѣдуютъ другъ за другомъ, но и взаимно усиливаютъ другъ друга, какъ въ смыслѣ того впечатлѣнія, которое они производятъ на насъ, такъ и въ смыслѣ объективныхъ соотношеній ихъ другъ къ другу, такъ что послѣдующая фаза, такъ сказать, обостряется или повышается въ направленіи, противоположномъ предыдущей. Чтобы взять примѣръ изъ недавняго прошлаго, укажемъ на то, что классическій періодъ нѣмецкой литературы, въ его своеобразномъ созерцательномъ спокойствіи и красотѣ формъ, въ значительной степени обязанъ своей противоположности предыдущему—аффективированному періоду „бури и натиска“. Точно также литературный романтизмъ, съ его культомъ фантазіи и поэтически разукрашеннаго прошлаго, былъ усиленъ противоположностью къ разсудочной „эпохѣ просвѣщенія“, считавшей, напротивъ, современность высшимъ плодомъ человѣческаго развитія. Еще яснѣе и въ болѣе короткихъ періодахъ эта смѣна контрастовъ проявляется въ экономической области, гдѣ, впрочемъ, она отчасти поддерживается смѣной условій культуры. Въ этой области тѣ рѣзкія противоположности, напр., которыя мы наблюдаемъ въ колебаніяхъ кредита и биржи, объясняются, въ концѣ концовъ, колебаніями въ человѣческой психикѣ между надеждой и отчаяніемъ, усиливающими каждый разъ соотвѣтственный аффектъ.

Если сдѣлаемъ еще разъ обзоръ этихъ четырехъ принциповъ, изъ которыхъ второй и четвертый могутъ разсматриваться, какъ особая примѣненія обоихъ основныхъ законовъ,—творческаго синтеза и психическихъ взаимоотношеній, то намъ бросится въ глаза, что всѣ они, съ одной стороны, тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ; а съ другой, всѣ совершенно иного рода, чѣмъ соотвѣтственные общіе принципы въ естественныхъ наукахъ. Въ такомъ

отношеніи общихъ психическихъ законовъ къ естественнымъ законамъ нерѣдко видѣли противорѣчіе, а такъ какъ послѣдніе считались болѣе общими и болѣе обязательными, то на психологическіе принципы смотрѣли, какъ на недопустимыя обобщенія, если только ихъ не зовсе игнорировали, что чаще всего случалось. Но наше изслѣдованіе въ достаточной мѣрѣ показало, что въ дѣйствительности въ толкованіи психическихъ явленій, начиная съ самыхъ простыхъ чувствительныхъ воспріятій и сочетаній эмоцій и кончая сложнѣйшими душевными процессами въ обществѣ и исторіи, невозможно сдѣлать ни шагу безъ того, чтобы не встрѣтиться съ этими принципами, если только строго слѣдовать правилу, что психическія явленія должны быть изучаемы въ своей собственной связи. Указанное-же противорѣчіе или совершенное игнорированіе этихъ законовъ основывается на противоположномъ правилѣ: не изъ самихъ психическихъ процессовъ должны выводиться опредѣляющіе ихъ принципы, но естественные законы явленій внѣшней природы должны господствовать и въ психической сферѣ. Исходя изъ этого, принимали, напр., принципъ сохраненія энергіи также за основной законъ и для всякаго духовнаго развитія, и дабы все-же сохранить нѣкоторую самостоятельность за душевной жизнью, создали понятіе „психической энергіи“, которая, якобы вмѣстѣ съ механической, тепловой, электромагнетической и другими, могущими еще обнаружиться энергіями, подчиняется при своихъ трансформацияхъ закону сохраненія. Для этой „психической энергіи“ мы не обладаемъ, правда, никакой опредѣленной мѣрой, но такъ какъ она всегда оказывается промежуточной между другими, — физическими, измѣримыми — энергіями, то рѣшили, что она можетъ и безъ непосредственныхъ измѣреній быть помѣщена въ рядъ трансформаций, протекающихъ по опредѣленнымъ эквивалентностямъ: такъ, напр., между опредѣленнымъ количествомъ химической энергіи, которое организмъ получаетъ извнѣ, и эквивалентнымъ ей количествомъ тепловой и механической энергіи, которое онъ от-

даетъ наружу. Этимъ, конечно, исключался-бы такой принципъ, какъ творческаго синтеза, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ общаго закона для психическихъ явленій. Однако очевидно, что вполне допустимо и иное отношеніе между закономъ сохраненія энергіи и психическими процессами, а именно, что эти процессы лежатъ вообще внѣ области приложенія закона сохраненія энергіи, а слѣдовательно, и введеніе психической энергіи въ кругъ энергетическихъ трансформаций есть лишь совершенно произвольная фикція.

Такимъ образомъ, при подобныхъ примѣненіяхъ физическихъ законовъ къ психикѣ основываются, большей частью, не на эмпирическихъ фактахъ, а своеобразномъ метафизическомъ принципѣ, именно на требованіи „единого“ (монистическаго) міровоззрѣнія. Однако вѣдь это понятіе правомѣрно лишь постольку, поскольку основывается на требованіяхъ логики и имъ удовлетворяетъ. Если этого нѣтъ, то мнимый монизмъ оказывается въ дѣйствительности дуализмомъ. Съ научной точки зрѣнія монистическое пониманіе отношенія психическаго къ физическому правомѣрно лишь постольку, поскольку оно утверждаетъ, что человѣкъ не есть ни чисто психическое, ни чисто физическое существо, а *психо-физическій индивидуумъ*, какимъ мы его и находимъ въ дѣйствительности. Только такой монизмъ соотвѣтствуетъ фактамъ, тогда какъ дуалистическое раздѣленіе на душу и тѣло,—хотя-бы оно выступало подъ флагомъ монизма въ видѣ ученій объ атомныхъ душахъ или анонимной психической энергіи ¹⁾—является лишь недоказанной, а для пониманія душевной жизни и бесплодной, гипотезой. Съ точки же зрѣнія нашего, единственнаго научно-правомѣрнаго монизма, душевные жизненные процессы являются неотдѣлимыми частями человѣческой и животной жизни, но оцѣнивать и изучать ихъ надо по присущимъ имъ самимъ свойствамъ, а не по

1) Первое у Геккеля, второе у Оствальда.

(Примѣч. русск. перевода).

законамъ, взятымъ изъ другихъ областей явленій, при формулировкѣ которыхъ съ этими свойствами вовсе не считались. И нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что физическія и психическія жизненныя явленія слѣдуютъ различнымъ законамъ, если только эти законы согласуемы съ дѣйствительнымъ единствомъ психо-физическаго индивидуума. О несогласимости-же этихъ законовъ, въ дѣйствительности, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ, во первыхъ, оба ряда явленій совершенно различнаго рода, и во-вторыхъ, фактически, насколько мы знаемъ, всюду, гдѣ эти ряды явленій идутъ совмѣстно въ единствѣ индивидуума, они слѣдуютъ нѣкоторому единому принципу законѣрнаго соподчиненія. Такъ, напр., законъ творческаго синтеза ничуть не противорѣчитъ закону сохраненія физической энергіи, такъ какъ мѣрило, по которому мы опредѣляемъ психическія цѣнности, абсолютно несравнимо съ мѣрами, которыми мы измѣряемъ физическія величины. Психическое мы опредѣляемъ по *величинамъ ея цѣнности*, физическое-же по *цѣнности ея величинъ*; это значить, что поскольку самое понятіе цѣнности имѣетъ чисто психологическое происхожденіе, физическія величины сами по себѣ вообще чужды мѣрилу цѣнности и подлежатъ ему лишь тогда, когда мы ихъ дѣлаемъ предметомъ сравнительной оцѣнки, т. е. въ извѣстномъ смыслѣ уже переносимъ ихъ въ область психологическаго. Цѣнности вполнѣ различнаго рода вообще нельзя между собой сравнивать, поскольку онѣ не способны переходить однѣ въ другія. Такъ, мы можемъ сравнивать теплоту съ механической работой именно потому, что онѣ могутъ переходить одна въ другую по опредѣленному закону эквивалентности; ощущение-же звука съ ощущеніемъ свѣта или зрительное представленіе съ аккордомъ мы не можемъ такъ сравнить одно съ другимъ, поскольку переходъ одного изъ этихъ психическихъ содержаній въ другое немислимъ. Поэтому физическія величины, вслѣдствіе безграничной способности физическихъ энергій къ трансформациямъ, подчи-

нены принципу постоянства или сохранения энергии, но наоборотъ, не имѣетъ никакого смысла примѣнять этотъ принципъ къ качественнымъ и интенсивнымъ психическимъ цѣнностямъ, которыя такой трансформациі совершенно не допускаютъ. Съ этимъ стоитъ въ связи тотъ фактъ, что предметомъ психологіи является все многообразіе непосредственно данныхъ качественныхъ содержаній нашего опыта, каждое изъ которыхъ, въ сущности, потеряло-бы свой особый характеръ, если-бъ мы допустили его трансформацию въ другое. Итакъ, физическія явленія, изслѣдуемая естествознаніемъ, и ихъ законы, съ одной стороны, и разсматриваемая психологіей качественныя содержанія жизни, съ другой, ни въ малѣйшей степени не противорѣчатъ другъ другу, а только взаимно дополняютъ другъ друга, и мы должны лишь соединять ихъ вмѣстѣ, если хотимъ понять жизнь даннаго намъ въ его единствѣ психо-физическаго существа.

Однако, съ другой стороны, эта несравнимость свойствъ не могла-бы существовать наряду съ единствомъ субстрата, если-бы физическія величины и психическія цѣнности не были связаны между собой въ этомъ субстратѣ. Эта связанность состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что *физическіе элементы*, все равно, будутъ-ли это атомы или части одной непрерывной матеріи, необходимо мыслятся нами въ формахъ нашихъ представленій времени и пространства, возникшихъ согласно психическимъ законамъ, и во вторыхъ, *психическіе элементы*, простыя ощущенія и чувствованія, въ своемъ существованіи связаны съ опредѣленными физическими процессами. При этомъ послѣдніе вовсе не должны быть тоже просты или элементарны, какъ то иногда думали, по нѣкоторому метафизическому предразсудку. Скорѣе вѣрно противоположное, какъ показываетъ опытъ, единственный судья въ этомъ вопросѣ. Каждое простое ощущеніе оказывается связаннымъ съ чрезвычайно сложнымъ соединеніемъ периферическихъ и центральныхъ нервныхъ процессовъ, также какъ и каждое элементарнѣйшее чувствованіе,

какъ то показываютъ многообразныя внѣшнія выраженія сопровождающія даже простѣйшія эмоціи.

Если-же, въ противорѣчіе съ этимъ фактическимъ соотношеніемъ простыхъ, т. е. неразложимыхъ, психическихъ содержаній со сложными физическими процессами, признается, какъ метафизическій постулатъ, соотвѣтствіе психическаго простаго физически простому-же, то легко возникаетъ, въ видѣ слѣдующаго шага, и признаніе постоянного соотвѣтствія обоихъ рядовъ явленій, до самыхъ сложныхъ содержаній сознанія включительно. Тогда наше закономѣрное соотношеніе психическихъ элементовъ къ физическимъ процессамъ обращается въ ученіе о метафизическомъ параллелизмѣ, согласно которому психическое, по своему содержанию и формѣ, есть лишь копія физическаго, и физическое— копія психическихъ явленій. Это предположеніе выражено, напр., въ тезисѣ Спинозы: „Порядокъ и связь идей суть тѣ-же, что порядокъ и связь вещей“. Подобное предположеніе было еще допустимо, пока физическая сторона живыхъ существъ была мало извѣстна, и пока не знали психологическихъ принциповъ, управляющихъ связью процессовъ сознанія, отъ простыхъ воспріятій ощущеній до сложныхъ мыслительныхъ процессовъ, такъ что философія могла себѣ позволить конструировать дѣйствительность изъ абстрактныхъ понятій субстанціи и причинности. Въ настоящее-же время даже метафизика, если она хочетъ пользоваться вниманіемъ, должна основывать свои положенія на дѣйствительныхъ фактахъ, а не на одномъ логико-діалектическомъ при-мѣненіи такихъ понятій. Впрочемъ, и при нашей точкѣ зрѣнія „принципъ психологическаго параллелизма“ сохраняетъ отчасти свое значеніе въ томъ именно смыслѣ, что нѣтъ ни одного психическаго процесса, начиная отъ простыхъ элементовъ ощущеній и чувствованій и кончая сложнѣйшими мыслительными процессами, которому не сопутствовали-бы параллельно физическія явленія. Но такъ какъ уже элементы ощущеній и чувствованій совершенно несравнимы съ ихъ

физическими субстратами, и простымъ явленіямъ перваго рода вовсе не соотвѣтствуетъ простота во вторыхъ, то разумѣется, что то-же имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ остальныхъ содержаній сознанія, слагающихся изъ этихъ элементовъ. Всюду мы встрѣчаемъ физическое и психическое, какъ несравнимыя свойства единого психо-физическаго индивидуума, каждое изъ которыхъ управляется своими законами соединенія своихъ элементовъ. Такъ какъ эти свойства вполнѣ различнаго рода, то никогда не можетъ случиться, чтобы принципы обоихъ рядовъ пришли въ столкновеніе; напротивъ, если отношенія, дѣйствительныя только для одной стороны жизненныхъ явленій, насильственно переносятся на другую, неизбежно возникаетъ противорѣчіе съ фактами или отказъ отъ толкованія фактовъ, такимъ насильственнымъ путемъ подведенныхъ подъ чужія имъ нормы.

Итакъ, для современной психологіи, а тѣмъ самымъ и для философіи, о „параллелизмѣ“ между психическимъ и физическимъ можетъ быть рѣчь лишь въ томъ смыслѣ, что всѣ элементы психической жизни связаны съ органическими физическими процессами, причемъ однако сочетанія этихъ элементовъ не могутъ быть подведены подъ законы, дѣйствительныя для физическихъ жизненныхъ процессовъ. Если противъ такого измѣненія принципа параллелизма иногда возражали, что оно непослѣдовательно и неудовлетворительно, то такое возраженіе основано, во первыхъ, на примѣненіи апріорной и въ своихъ основахъ давно превзойденной наукой метафизики былыхъ временъ, и во вторыхъ, на ошибочномъ опредѣленіи задачи психологіи. Эта задача ни въ коемъ случаѣ не можетъ состоять въ томъ, чтобы къ психической сторонѣ жизненныхъ явленій прилагать принципы, которые ей чужды, а требуетъ изъ содержаній самой психической жизни выводить ея принципы, такъ-же какъ, съ другой стороны, фізіологическое изслѣдованіе обмѣна веществъ и силъ въ организмѣ нисколько не интересуется, какъ то и должно быть, психическими свойствами этого организма. Ибо дѣйствительное единство

жизни не можетъ быть найдено тѣмъ, что явленія будутъ подводиться подъ такіе законы, съ которыми у нихъ нѣтъ никакой внутренней связи, а только путемъ уясненія себѣ всѣхъ сторонъ жизни и отношеній, въ которыхъ онѣ сами находятся.

Съ этой точки зрѣнія, которая была здѣсь развита объ отношеніяхъ психическихъ законовъ къ законамъ природы, рѣшается также одинъ вопросъ міеологическаго происхожденія, перешедшій изъ міеологіи въ философію, а изъ послѣдней въ психологію: вопросъ о *сущности души*. Прimitивное мышленіе представляетъ себѣ душу демоническимъ существомъ, имѣющимъ свое пребываніе во всемъ тѣлѣ, преимущественно-же въ сердцѣ, почкахъ, печени и крови. Но наряду съ этимъ древнѣйшимъ представленіемъ *тѣлесной души*, очень рано возникло другое, видящее въ душѣ сущность, лишь внѣшне связанную съ частями тѣла, при смерти оставляющую его вмѣстѣ съ дыханіемъ, а во снѣ уходящую на время въ царство сновидѣній: душа-дыханіе или душа-тѣнь. Оба представленія, несмотря на ихъ взаимную противорѣчивость, съ самаго начала существуютъ рядомъ, хотя уже въ міеологическомъ мышленіи душа-дыханіе или „психея“ все больше отдѣсняетъ представленіе тѣлесной души.

Развитіе понятія о душѣ въ философіи представляетъ въ существенномъ копію этого міеологическаго развитія. Древняя философія и идущая по ея слѣдамъ средневѣковая твердо держались понятія тѣлесной души: для нихъ душа есть двигательная сила всѣхъ, въ томъ числѣ и физическихъ, жизненныхъ процессовъ, какъ напр., питанія и размноженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они считали высшія душевныя проявленія связанными со специфической, отдѣлимой отъ тѣла сущностью. Это воззрѣніе, повторяющее міеологическія представленія, только въ болѣе ясныхъ понятіяхъ, нашло свое научно-совершеннѣйшее выраженіе въ психологіи Аристотеля. Вполнѣ естественно, что побѣда, которую душа отдѣльная отъ тѣла, одержала надъ тѣлесной душой уже въ

сферѣ міеологіи и которая подготовлялась также въ классическомъ произведеніи Аристотеля, повела къ единому господству этой самостоятельной сущности—души, въ свойствахъ которой все больше начали видѣть полную противоположность свойствамъ управляемаго чисто матеріальными законами тѣла. Это развитіе достигло своей кульминаціонной точки въ системѣ Декарта, философа, закончившаго собой эпоху Возрожденія. Съ того времени тѣло мыслится, какъ протяженная, подчиненная исключительно механическимъ законамъ субстанція, которой противостоитъ душа, какъ непротяженная, чисто мыслительная. Но обѣ субстанціи въ теченіи жизни внѣшне связаны между собой: тѣло находится во взаимодействіи съ душой, которую представляли себѣ пребывающей въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ мозга, о которомъ, съ тѣхъ поръ какъ Декартъ избралъ для того шишковидную железу мозга, существовали различныя гипотезы.

Здѣсь не мѣсто описывать дальнѣйшую судьбу этихъ представленій въ исторіи новой философіи и психологіи. Основной взглядъ на душу, какъ на неизмѣнную субстанцію, проявленія которой составляютъ измѣняющіеся и отличные отъ нея душевные процессы, сохраняется по существу во всѣхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ дуалистической гипотезы, будетъ-ли то ученіе Спинозы, обратившаго двѣ субстанціи въ два атрибута, между которыми существуетъ полнѣйшій параллелизмъ, или ученіе матеріализма, который сводитъ душевную субстанцію къ простому свойству тѣлесной субстанціи. Во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что эти дальнѣйшія толкованія гипотезы о субстанціи души тѣмъ больше приходятъ въ противорѣчіе съ законами душевной жизни, чѣмъ больше эта гипотеза старается устранить дуализмъ субстанцій. Если картезіанская душа не соединима съ нашими современными фізіологическими знаніями о тѣлесныхъ субстратахъ душевной жизни, то метафизическій монизмъ, въ указанныхъ своихъ двухъ формахъ—спинозизмъ и матеріализмъ,—пытаясь объединить въ одно тѣлес-

ную и душевную субстанціи, дѣлаетъ уже вовсе невозможнымъ познаніе душевной жизни.

Поэтому мы противопоставляемъ метафизическому понятію субстанціальности души психологической *принципъ ея актуальности* ¹⁾. Душевные явленія не есть что-то мнимое и преходящее, которому противостоитъ душа, какъ нѣчто неизмѣнное и само въ себѣ непознаваемое. Притомъ попытка соединить эти противоположности порождаетъ затѣмъ тѣ фикціи дѣйствій и противодѣйствій, которыя въ такой психологіи произвольно обозначаются традиционными именами представленія, чувства, стремленія и т. п. Яркое доказательство безрезультатности всѣхъ такихъ попытокъ сдѣлать субстанцію основой для объясненія душевной жизни, даетъ послѣдняя и самая солидная изъ нихъ: такъ называемая „механика представленій“ Гербарта. Конечно, всѣ психическія явленія постоянно появляются и уходятъ, возникаютъ и исчезаютъ. Но никакая противостоящая этимъ явленіямъ сверхчувственная субстанція не поможетъ намъ понять ихъ ни въ отдѣльныхъ частяхъ, ни въ связи этихъ частей. Чувственное воспріятіе есть продуктъ лишь самихъ элементарныхъ ощущеній, аффектъ есть лишь теченіе непосредственно переживаемыхъ чувствованій, мыслительный процессъ есть въ себѣ самомъ обоснованное сочетаніе своихъ членовъ. Нигдѣ эти факты дѣйствительной душевной жизни не нуждаются для своего объясненія въ другомъ субстратѣ, кромѣ въ нихъ-же данаго, и единство этой жизни ничуть не выигрываетъ, если къ ея собственной связности прибавляютъ еще субстанцію,

1) Ученіе о субстанціальности души смотритъ на душу, какъ на субстанцію, сущность, отличную отъ ея проявленій. Вундтъ-же видитъ въ душѣ лишь автономный процессъ, самостоятельный актъ, не предполагающій никакой отличной отъ себя сущности. Это ученіе онъ и называетъ принципомъ актуальности. Оно родственно воззрѣніямъ Лейбница на душу, какъ силу.

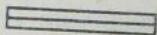
которая не можетъ быть ни воспринятой, ни дѣйствительно пережитой, а оказывается лишь абстрактнымъ повтореніемъ самой въ себѣ обоснованной душевной жизни.

Достаточно посмотрѣть на ближайшія къ психологіи области знанія, на такъ наз. „науки о духѣ“, чтобы убѣдиться въ пустотѣ и бесплодности понятія психической субстанціи. Вѣдь само названіе „науки о духѣ“ потому только правильно, что эти области знанія основываются на психологіи, „наукѣ о духѣ“ въ самомъ общемъ смыслѣ слова. А развѣ когда либо историкъ, филологъ или юристъ пользовались другими средствами для пониманія явленій или другими аргументами для обоснованія своихъ утвержденій, чѣмъ взятыми изъ непосредственныхъ фактовъ душевной жизни? Какъ-же можетъ основная точка зрѣнія психологіи быть въ полномъ противорѣчьи съ родственными ей областями знанія? Она вѣдь должна не только стремиться быть годной основой для „наукъ о духѣ“, но вынуждена также опираться на историческія науки, чтобы достигнуть пониманія высшихъ душевныхъ процессовъ. Доказательствомъ этого является новая, основывающаяся на такихъ отношеніяхъ дисциплина „психологіи народовъ“, представляющая ближайшую переходную область отъ психологіи къ отдѣльнымъ наукамъ о духѣ.

Несомнѣнно, что метафизическая психологія новаго времени, выросшая изъ ученія Декарта о двухъ различныхъ по сущности, но внѣшне связанныхъ субстанціяхъ, болѣе далека отъ дѣйствительной душевной жизни, чѣмъ психологія древней метафизики, видѣвшая въ душѣ принципъ жизни вообще, или, по выраженію Аристотеля, цѣлесообразную силу, создающую всю совокупность жизненныхъ явленій, какъ физическихъ, такъ и психическихъ. Эта послѣдняя по крайней мѣрѣ принимала во вниманіе то единство жизни, которое вульгарный дуализмъ долженъ считать чудомъ, если только онъ не хочетъ считать психическое спутанной копіей физическаго или, наоборотъ, послѣднее—исключи-

тельно субъективнымъ представленіемъ безъ собственной реальности. Однако для насъ сталъ неприемлемъ и путь стараго виталистическаго ученія о душѣ. Ибо онъ стремился удовлетворить понятію единства жизни тѣмъ, что на мѣсто прежде всего необходимаго причиннаго объясненія явленій поставилъ всеобъемлющее понятіе цѣли, которое въ своей неопредѣленности не удовлетворяетъ ни своеобразности душевныхъ явленій, ни требованіямъ естественнаго объясненія физическихъ сторонъ жизни. Питаніе, размноженіе, передвиженіе, съ одной стороны, и воспріятіе, фантазія, разсудокъ, съ другой, мы никоимъ образомъ не можемъ слить въ одно, хотя факты, на которые указываютъ эти понятія, являются и каждое въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ одинаково цѣлесообразными въ смыслѣ жизни. Но ихъ нельзя соединить въ одно не потому, что они будто-бы имѣютъ разные по сущности субстраты, а потому что различіе между ними основано на нашихъ совершенно разныхъ способахъ наблюденія единаго жизненнаго процесса. Питаніе, размноженіе, передвиженіе суть органическія явленія, принадлежащія къ объективной природѣ, и представленія, которыя мы о нихъ образуемъ, служатъ для насъ знаками, указывающими на независящую отъ нашего сознанія дѣйствительность. При изслѣдованіи ихъ мы должны, какъ и при изслѣдованіи явленій природы внѣ нашего тѣла, вполнѣ отвлечься отъ субъективныхъ процессовъ сознанія, хотя они и связаны съ послѣдними. Напротивъ, наши представленія въ ихъ субъективной обусловленности, наши чувствованія и аффекты суть *непосредственныя наши переживанія*, которыя психологія старается понять именно въ томъ видѣ, въ какомъ они возникаютъ, протекаютъ и вступаютъ во взаимное отношеніе въ самомъ нашемъ сознаніи. Поэтому хотя это одинъ и тотъ-же психо-физическій индивидуумъ, котораго изучаетъ и фізіологія, и психологія, обѣ эти науки рассматриваютъ, однако, его съ различныхъ точекъ зрѣнія: фізіологія — какъ объектъ во внѣшней природѣ,

включенный въ общую связь физико-химическихъ процессовъ, изъ которыхъ состоитъ органическая жизнь, психология же—какъ сочетаніе нашихъ переживаній сознанія. Но вѣдь и каждое познаніе слагается изъ двухъ факторовъ: познающаго субъекта и мыслимаго независимымъ отъ него объекта. Изслѣдованіе субъекта въ его свойствахъ, данныхъ въ человѣческомъ сознаніи, является поэтому не только необходимымъ дополненіемъ къ естественно-историческому изслѣдованію самого человѣка, но оно пріобрѣтаетъ еще и болѣе общее значеніе, ибо всѣ духовныя цѣнности и ихъ развитіе проистекаютъ изъ непосредственно переживаемыхъ процессовъ сознанія и могутъ быть поняты только при знаніи послѣднихъ. Это именно, и не что иное, мы и разумѣемъ подъ принципомъ *актуальности души*.

СОДЕРЖАНІЕ.

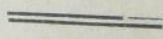
	СТР.
Предисловіе автора	3
Предисловіе къ русскому переводу	5
1. Сознаніе и вниманіе	9
Психологія, какъ описаніе процессовъ сознанія. Метрономъ. Ритмическое расположеніе сознанія. Объемъ сознанія. Порогъ сознанія. Фиксаціонная точка и поле сознанія. Фокусъ вниманія. Объемъ вниманія. Перцепція и апперцепція.	
2. Элементы сознанія	32
Психическіе элементы и образованія. Ощущеніе и представленіе. Образы воспоминанія и воспріятія. Качество и сила ощущеній. Чувствованія. Различіе между ощущеніемъ и чувствованіемъ. Три пары чувствованій. Теченіе чувствованій. Аффекты и настроенія. Волевые процессы. Мотивъ воленія. Импульсивное дѣйствіе, произвольное и дѣйствіе по выбору. Внѣшнія и внутреннія волевая дѣйствія. Качества чувствованій. Чувствованіе и апперцепція.	
3. Ассоціація	54
Ассоціаціи и апперцепціи. Сліянія тоновъ въ звукъ. Представленія пространства и времени. Ассимиляціи и диссимиляціи. Прямая и воспроизведенныя формы ихъ. Компликаціи. «Воспризнаніе» и «узнаніе» предметовъ. Послѣдовательныя ассоціаціи. Такъ наз. «качество знакомости». Побочныя представленія. Вліяніе чувствованій при воспризнаніи. Такъ наз. «расположенія сознанія» при забвеніи, припоминаніи и пр. Ассоціаціи воспоминаній.	

4. Апперцепція

Общія свойства апперцептивнихъ соединеній мыслей въ отличіе отъ ассоціацій. Цѣльное представленіе и его разложеніе. Конкретное и абстрактное мышленіе. Рѣчь и мышленіе. Разсудокъ и фантазія. Примѣры примитивныхъ формъ мышленія въ языкѣ первобытныхъ народовъ. Развитіе апперцептивныхъ сочетаній мыслей изъ ассоціативныхъ. Недостаточность метода самонаблюденія по отношенію къ психологической проблемѣ мышленія. Задачи психологіи языка и психологіи народовъ.

5. Законы душевной жизни

Отношеніе психическихъ законовъ къ законамъ природы. Психо-физическій индивидуумъ. Вопросъ объ общезначимости законовъ. Принципъ творческаго синтеза. Принципъ гетерогоніи цѣлей. Принципъ взаимоотношеній. Принципъ усиливающихъ контрастовъ. Психологическое и физическое разсмотрѣніе. Отношеніе психическихъ величинъ цѣнности къ физическимъ цѣностямъ величинъ. Физическіе и психическіе элементы. Сущность души. Мифологическія воззрѣнія. Гипотеза субстанціи души. Принципъ актуальности души.

3223